

Николай Шамрин

Больше, чем братья



Николай Шамрин

Больше, чем братья

<https://litres.ru/74665774>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я с самого начала определил, что роман должен называться «Излом». Действие разворачивается в конце восьмидесятых — и в этом названии мне виделся сам дух времени: Союз уже начинал трещать по швам, народ жил в предвкушении подлинной свободы во всех её проявлениях: духовной, политической и, разумеется, экономической. Детективно-шпионская линия органично вписывалась в канву, однако ближе к середине меня вдруг осенило, что книга вовсе не о судьбах страны, а о настоящих парнях, для которых понятие «Брат» - не просто слово, а мера совести.

Название в итоге выбрал не я — его подсказал один из героев. «Больше, чем братья» Как только фраза легла на бумагу, я сразу понял: роман вовсе не про то, как рушится привычный мир, а про то, что не даёт рассыпаться людям. И этот стержень оказался важнее любого исторического излома.

Николай Шамрин

Больше, чем братья

Глава 1. Семья Коробовых

Если бы кто-нибудь из огромного количества людей, снующих взад-вперед по вестибюлю пассажирского терминала Домодедово, обратил внимание на стоящую у стеклянной стены пару, то непременно бы улыбнулся. Настолько несуразно и даже комично выглядели стоявшие в обнимку мужчина и женщина. Высокий, в ладно сидящем дорогом костюме, средних лет гражданин явно принадлежал к советской или партийной номенклатуре. А женщина, одетая в скромное, что называется, «колхозное» платье, по определению не могла быть его супругой или, не приведи Господь, любовницей. Впрочем, встречающим и провожающим не было дела до странной парочки. Им вполне хватало своих забот.

В ту ночь Юрий Алексеевич Коробов долго не мог уснуть. Людям его положения не часто приходится встречать сыновей из армии. Ещё бы. Дети советских и партийных руководителей высокого уровня, закончив школу, могли выбирать институт без опасения провалить вступительные экзамены. Они, можно сказать, с рождения были «приписаны» к более-менее престижному ВУЗу. Ничего постыдного в этой практике нет. Как в стародавние времена, не было ничего за-

зорного в том, что дворянские чада мужеского полу с рожденья были приписаны к полкам. И желательно к гвардейским. С дворянами в стране, как известно, ещё в семнадцатом покончили, но свято место пусто не бывает. Государство без элиты существовать не может. Как, собственно, и сама элита без положенных привилегий. И дело здесь вовсе не в общественном строе. Дело в незыблемости устоев.

Впрочем, Юрию Алексеевичу этой тёплой летней ночью 86 года, было не до философских изысков. Его сын Пашка завтра возвращается даже не из армии, а из самого настоящего плена, в котором провёл несколько месяцев. Ответственный работник московского городского комитета партии смотрел с лоджии цековской многоэтажки на проезжающие по Рублёвскому шоссе машины и вспоминал события полугодовой давности. Фрагменты возникали хаотично и никак не желали выстроиться в хронологический порядок. Словно подвыпивший монтажёр, искромсав по «этому делу» киноплёнку, впопыхах, да на скорую руку склеил материал, чтобы поспеть к назначенному мэтром часу. Вот он, преданный и многолетний соратник Первого секретаря МГК Б.Н. Ельцина, сидит в кабинете шефа и просит включить себя в списки комиссии от ЦК КПСС, чтобы прибыв в Кабул, лично разобраться в обстоятельствах гибели единственного сына. Эпизод ещё не успел обустроиться в потаённом закоулке мозга, а память уже услужливо подсовывает историю с похоронкой, которая, не сумев добить супругу, надолго, если не

навсегда, усадила Елену Сергеевну в инвалидную коляску.

Мужчина вздохнул и подумал о том, что именно извещение о гибели сына заставило его обратиться к Борису Николаевичу за помощью. И тот помог. Поднял, так сказать, нужные связи. Командировка в Афганистан в корне изменила взгляды Юрия Алексеевича на себя самого, семью и даже на окружающую действительность. Он видел, как едва знакомые ему люди стремятся помочь в беде. Стремятся вовсе не потому, что он принадлежит к номенклатуре, а как несчастному отцу, потерявшему сына.

Из той поездки Коробов-старший вернулся полным надежды. Командир бригады, в которой служил сын, сообщил, что с извещением о смерти вышла трагическая ошибка. Сержант Павел Коробов жив, но находится в плену у моджахедов и, вероятнее всего, в Пакистане. Странное, а скорее всего, вполне себе обычное дело: сегодня та ситуация с похоронкой воспринимается даже с некоторой иронией. А тогда ему очень хотелось избить полковника. Хорошо хоть ума достало, чтобы выслушать Владимира Павловича до конца. Что и говорить, время - лучший доктор.

Юрий Алексеевич, приняв сегодняшнюю бессонницу как данность, на цыпочках прошёл в столовую и вернулся на лоджию, держа в руках початую бутылку коньяка и хрустальную стопку. «Интересно, - думал он, смакуя благородный напиток, - как бы сложилась наша жизнь, если бы я тогда ещё в Свердловске, не подарил бы Павлу «Жигули» за успехи

в университете? Нет. Не так. Правильнее будет, если бы я не прислушался к Лене и всё-таки настоял на учёбе сына в МГИМО? Пожалуй, ничего. Он бы и в столице выкинул из что-нибудь ряда вон. Только без легковушки. Связался бы с компанией таких же оболтусов из числа «блатных» и натворил бы дел. Теперь в МГИМО вместо него учится Верочка. Пашкина подруга. Любопытно, сказал ли ей отец, как ему удалось «выбить» единственное на всю область место? К чему это я? Сказал - не сказал - какая разница? Вера хорошая девочка. Так переживала за Павла, когда узнала про плен... Странная штука жизнь! Верочка улетела на стажировку в Исламабад примерно в то же время, когда Пашке удалось вырваться на волю. Завтра, нет, уже сегодня встречу сына, и мы вместе с ним пошлём телеграмму в посольство. Вот она обрадуется! Приму-ка я ещё рюмашку. Только сырку возьму на закуску. Ничего, сто грамм спиртного помехой не станут. Я ведь на служебной... не за рулём. Пока доберёмся до Домодедово, запах сто раз выветрится успеет».

Юрий Алексеевич поставил бутылку на пол и, развернувшись, вздрогнул от неожиданности. Он не слышал шуршания колёс инвалидной коляски супруги. Во взгляде Елены Сергеевны не было упрёка. Только сочувствие и тихая радость.

- Заснуть не можешь? – Женщина понимающе улыбнулась. – Вот и мне не спится. Даже Аннушку разбудила... Да только и она вряд ли спала. Налей-ка мне тоже коньку...

- Тебе ведь нельзя. – Смущённо пробормотал Юрий Алексеевич. Он вдруг почувствовал себя застигнутым врасплох выпивохой. – Врач спиртное строго-настрого запретил...

- Не переживай, заботливый ты мой. Я только кончиком языка попробую. – Елена Сергеевна, приняв из рук мужа стопочку, неожиданно спросила. – Как я выгляжу, Юра? Наверное на бабу Ягу похожа? В исполнении Миллара. Только, пожалуйста, не лги мне. Скажи честно.

Коробов-старший хотел было одёрнуть супругу, но вдруг неожиданно для себя нагнул и поцеловал в обиженно приоткрытые губы.

- Успокойся, Лена. Ты для меня самая прекрасная баба Ёжка на свете. Никакие Вертинские-Алфёровы тебе не соперницы.

Юрию Алексеевичу вдруг почудилось, что в кресле сидит не нынешняя аристократичная Елена Сергеевна, а та студентка-одногруппница Леночка, которая стала его судьбой. Да это вовсе и не кресло, а коляска старого трофейного мотоцикла, на котором он в молодости катал будущую невесту. Коротенькое ведение было настолько волнующим, что Коробов даже зажмурился, чтобы подольше задержать его. Жена, заметив перемену, по-своему истолковала её:

- Не совестно? Хотя, честно сказать, мне приятно. Сто лет от тебя такого не слышала. Как будто снова в студента-комсомольца превратился.

- Будет тебе, Ленка! – Муж открыл глаза и бережно по-

гладил жену по плечу. — Я ведь только сейчас начинаю понимать, что такое настоящее чувство. И не стоит меня ловить на слове. Я всегда тебя любил. Но сегодня как-то по-особенному. Не пытай. Всё равно высказать не сумею. Не привык, знаешь ли. В голове только стандартная бюрократическая дребедень кружится. А в ней сантиментов не бывает. Только лозунги и здравницы.

Елена Сергеевна поставила стопку на стол и, немного помолчав, решила:

- Юра! Давай вернёмся домой, в Свердловск? Плохо мне здесь. Всё вокруг чужое. И люди чужие. Одна только Аннушка. Откажешься, я пойму и останусь с тобой. Только я знаю наверное: здесь я никогда не встану с этой проклятой коляски!

Супруга, умолкнув, с тревогой смотрела в лицо мужа. Она вполне отдавала себе отчёт в том, что её просьба нелепа, глупа и абсурдна, но всё-таки надеялась.

Юрий Алексеевич повёл себя довольно странно. Встряхнув бутылку с янтарно-коричневым напитком, так, как алкаши встряхивают ёмкость с политурой, в один глоток ополовинил содержимое и, по-ребячьи вытерев рот рукавом пижамы, ответил, как о давно решённом:

- Завтра переговорю с Борисом Николаевичем. Думаю, шеф пойдёт нам навстречу. Только дело это нескорое. Да и захочет ли Пашка с нами ехать?..

Супруги ещё долго говорили и о сыне, и о своём будущем,

и о предстоящем возвращении на Урал. Пожалуй, впервые за много-много лет они разговаривали на одном языке...

У дверей спальни Елена Сергеевна придержала коляску:

- Ты только с собой в аэропорт Аннушку возьми. Совсем она по Павлику истосковалась. Я даже порою ревную. Тебе смешно?

- Почему мне должно быть смешно? Столько лет вместе. Я иногда Нюру побаиваюсь. Чесслово. Как старшую сестрёнку. Насколько я помню, это ведь Анюта Пашку Баловнем прозвала? Прямо в точку. Только ты мне запретила. А я не послушался. Меж собой так его и зовём.

Юрий Алексеевич то и дело поглядывал на часы, как будто опаздывал или, напротив, хотел подогнать время. Он говорил машинально, не вдумываясь в слова и совершенно не интересуясь, слушает ли его Аннушка, успевшая поменять несколько насквозь промокших платков:

- Представляешь, Анютка? Военком оказался очень порядочным и компетентным человеком. В документах ни слова не будет о том, что сыну довелось побывать в плену... У Пашки будет незапятнанное личное дело. И комиссован он по ранению... Представляешь, Нюра? Наш Павлик был ранен в бою!.. Надо чуть попозже, как-то отблагодарить полковника. Я уже голову сломал.... Может, часы ему подарить?.. - Юрий Алексеевич, запнувшись на мгновение, хотел

было продолжить мысль, но в этот момент объявили о прибытии рейса из Ташкента.

Они стояли втроем, крепко обнявшись, не обращая внимания на проходящих мимо пассажиров. У них не было слов. Но разве нужны слова близким людям, встретившимся после долгой разлуки?

В машине некоторое время никто не решался заговорить первым. То ли стеснялись постороннего, то ли не знали, с чего начать разговор. Коробову-старшему почему-то было неудобно перед водителем. Всю дорогу в Домодедово он, не в силах справиться с чувствами, в подробностях рассказывал малознакомому мужику предысторию сегодняшнего события, и вот теперь, вместо живого общения с сыном, вынужден бороться с несвойственной ему нерешительностью. Понимая, что Аннушка с Пашкой оставили инициативу за ним, Юрий Алексеевич развернулся и задумчивым голосом произнёс избитую, но вполне подходящую на его взгляд, фразу:

- Ты сильно изменился, сынок. Возмужал.

Павел отреагировал моментально, словно заранее знал, с чего начнёт отец. Крепче прижав к себе растроганно-счастливую Аннушку, ответил коротко, с явно потаённым смыслом:

- Ты тоже, батя.

Отец заметно смутился. Он сам хотел рассказать Пашке о

произошедших в нём переменах, но только не сию минуту. Ведь нельзя же обсуждать серьёзные вещи на бегу, да ещё в присутствии водителя? Впрочем, любопытство взяло вверх. Иронично улыбнувшись, спросил вроде бы даже не из интереса, а для поддержания разговора:

- И как я, по-твоему, изменился? Постарел-поседел? Так это процесс естественный, сынок. Как говорится, мои года – моё богатство.

Павел ответил со всей серьёзностью:

- Не в этом дело, отец. Давай не сейчас? Нам с тобой хотя бы дня три к друг другу присмотреться надо. Заново привыкнуть. – Видимо, посчитав беседу оконченной, тут же повернулся к Аннушке. – Твой крестик мне очень помог, мама Аня. Можно я насовсем оставлю у себя?

Юрий Алексеевич не видел реакции женщины. Отвернувшись к лобовому стеклу, он смотрел невидящим взором на серое полотно Каширского шоссе и думал о том, что не знает, как реагировать на откровенный призыв сына разговаривать на равных. Да что там разговаривать? Ведь, по сути, Пашка только что предложил отцу отказаться от роли непререкаемого лидера в их отношениях. Вот это поворот! И что теперь делать? Коробов-старший, окончательно запутавшись в мыслях, тихо вздохнул и покосился на водителя. Мужчина, словно почувствовав состояние начальника, заговорил, стараясь не отвлекаться от дороги:

- Не переживайте, Юрий Алексеевич. Мы, мужики, часто

замечаем своих детей, когда они уже выросли. Всё работа, работа и работа. Думаем, что работа — это главное. Понятное дело. Нам так жить проще. И тут оказывается, что дитё уже вовсе и не дитё, а вполне себе самостоятельный человек. Со своим характером, мыслями и, что самое важное, со своей жизнью. Удивляемся, спохватываемся и начинаем дружить с ними искать. Чтобы упущенное если не наверстать, так хотя бы за хвостик ухватиться. Далеко не у каждого получается. Стенка-то годами возводилась, а мы хотим за пару часов её разрушить. Так что ваш Павел - молодец. Настоящим человеком вырос. Можно сказать, опорой. Такие, как он, предавать не умеют.

- Вы так думаете? Простите. Имя-отчество ваше запомнил.

- Мы с вами полные тёзки, товарищ Коробов. Мне уже за пятьдесят, а начальство всё по имени зовёт. Как будто я отчества не заслужил. Иной раз крепко задевает.

Водитель выжидательно посмотрел на высокопоставленного пассажира, но тот, раздумав продолжать разговор, снова упёрся взглядом в лобовое стекло.

«Я сам виноват, - думал Юрий Алексеевич, стараясь не оглядываться на шофёра, - болтал без умолку всю дорогу о Павле и ещё невесть о чём. Даже вспоминать стыдно. Вот и нарвался на психолога от баранки. А тот и рад стараться. Вроде бы толково начал, а закончил не по теме. Причём здесь предательство? Здесь абсолютно другая история. Ладно. Век

живи, век учись. В одном тёзка прав: мне бесконечно повезло с сыном. Ведь он всегда был таким. Упёртым, неразговорчивым и ... правильным. Интересно, как Аннушка, простая фабричная девка, смогла воспитать такого ... мм ... стойкого и крепкого, что ли, парня? Я-то вообще в стороне стоял. Карьера, карьера и карьера... Лена занималась образованием. Литература, языки и прочее. Даже спорт - её заслуга. Но ведь хорошее образование не делает человека человеком? Вернее, настоящим человеком? По идее, сын должен был вырасти в этакого отпрыска ответственного партаппаратчика, у которого родителями на сто шагов вперёд всё расписано. Почему не вырос? Ведь всё к этому шло? Если быть до конца откровенным, то все его выходки в прошлом - прямое следствие нашей с Еленой линии жизни. Правда, наше поколение было более идейным и дисциплинированным. Война, разруха и прочие дела. В то время особо не забалуешь. Комсомол был другим. Настоящим. По всей строгости спрашивали, невзирая на, так сказать, происхождение. А сейчас? Комсомол стал обязательной ступенькой служебного роста. Все всё понимают, но делают вид, что ничего не происходит. Мы сами виноваты уверовав, что карьера всего лишь путь к личному благосостоянию. Не более того. Думали, что достаточно обеспечить наследников материальными благами, а всё остальное приложится. Проморгали подрастающее поколение. А молодёжь, почувствовав вседозволенность и безнаказанность, плюёт свысока на идеалы. Почему нет? Папа-

ши-мамаши и прикроют в случае чего, и от армии отмажут. Ведь Пашка тоже едва не стал прожигателем жизни. Если бы не та авария и служба в армии... И всё-таки Пашка молодец. Варианты были. Елена предлагала ему в больнице отлежаться. А он службу в армии выбрал. Да ещё и в самое пекло попал. Командиры его ценили и товарищи хорошо отзывались. Постой! Получается, это всё Аннушкина заслуга? Её, малограмотной бабы воспитание? Всё. Хватит! Что-то меня уж совсем занесло. Достоевщина какая-то».

Юрий Алексеевич хотел было спросить у тёзки, сколько ещё ехать до дома, но, вспомнив нечто важное, повернулся к сыну:

- Давай ко мне на работу заедем?

Пашка недоумённо взглянул на отца:

- Давай. Только зачем? У тебя там дела?

Тот широко и немного загадочно улыбнулся:

- Надо Верочке твоей в Исламабад телеграмму дать, что ты уже дома. На обычной почте вопросы могут возникнуть. Весьма вероятно, что телеграмма будет идти неизвестно сколько. Да и не знаю я, можно ли за границу просто так телеграммы отправлять. Не доводилось как-то. Лучше через наш узел спецсвязи отправим. В принципе, оттуда и позвонить можно. Ну что, заскочим? Бедная девочка места себе не находила, когда узнала про плен. Каково ей там, в неведении?

По лицу парня пробежала лёгкая тень, но он быстро сумел

взять себя в руки:

- Потом, батя. Очень хочется маму увидеть. Если бы ты знал, как я соскучился!

Поздним вечером Аннушка вошла в комнату Павла и, поправив покрывало, хотела было уйти, но тот, открыв глаза, придержал её за руку и тихим голосом попросил:

- Посиди со мной, хорошо?

Аннушка, несказанно обрадовавшись неожиданной просьбе, с готовностью присела на пуф:

- Конечно, родной. – Свободной рукой смахнув слезинку, еле слышно добавила. – Один Господь знает, как мы переживали за тебя, Пашенька. Особенно..., - она хотела сказать про похоронку, но вовремя спохватившись, неуклюже перевела тему. - Хочешь верь, хочешь не верь, но мы с Еленой Сергеевной почти каждый день в церковь ходили. Пока она в больницу не слегла. Только я тебе про это больше ничего не скажу. Сама расскажет, если захочет.

- Почему я должен тебе не верить? – Удивился Павел. - Тем более, что знаю точно: без твоего крестика я не смог бы вернуться домой. Не вру. – Приподнявшись на подушках, чтобы лучше видеть родное лицо, договорил чуть дрогнувшим голосом. – Мне кажется, что я уже ни при каких обстоятельствах не смогу врать. Так бывает?

- Бывает, Павлик. – Легко улыбнулась женщина. – Бывает. Только трудно тебе в жизни придётся. Иногда и соврать

не грех. До революции, такие люди чаще в монастырь уходили, чтобы дурачками не прослыть. Ты ведь не собираешься в монахи? Времена другие. — Аннушка вдруг не на шутку всполошилась. — Тебе ещё жениться надо и детей завести. Чтобы я с ними нянчиться могла. Даже не думай!

Парень не смог удержаться от улыбки:

- Успокойся. Ни в какой монастырь я не собираюсь. И в мыслях не было ничего подобного. — Посерьёзнев спросил, чуть запнувшись. — А что делать-то? Я Мышкиным становиться не хочу. — Заметив вопрос в глазах собеседницы, пояснил. — Это из Достоевского персонаж. Его все идиотом звали, несмотря на княжеский титул.

Домработница одобрительно кивнула:

- Вот-вот, родной. Видишь? И в старину идиоты не в чести были. А сейчас тем более. Я тебе тут многого не насоветую. Если по совести, то жизни я толком и не знаю. Она у меня в доме Юрия Алексеевича, считай, прошла. А разве жизнь из окошка квартиры узнаешь? Нет, конечно. Болтовня с подругами не в счёт. Я вот что думаю, сынок. Если солгать неумоготу, то лучше промолчать. Или в сторонку отойти. Ты смеёшься? А зря. Через душу свою переступать нельзя. Это - верно. Но и резать правду-матку налево и направо тоже не следует. Много горя людям можно причинить. И своим, и чужим. Свои-то поймут и простят. А вот чужого горя ты можешь и не заметить. Рубанёшь с плеча, жизнь человеку поломаешь и дальше пойдёшь. Не свой ведь. А чужое горе не

болит. В народе так говорят.

Пашка почувствовал, что ему стало скучно. Погладив женщину по щеке, проговорил, с трудом сдерживая зевоту:

- Ты наверное устала, мама Аня? Ведь завтра ни свет ни заря подскочишь.

- И то верно. – Аннушка приподнялась с места, но тут же присела. – Только ты мне скажи, почему не разрешил отцу телеграмму Верочке отправить? Тревожно мне. Я же видела, как тебя перекосило. С чего вдруг? Она к нам часто приходила, когда про твою беду от Юрия Алексеевича узнала. От души переживала.

Сон как рукой сняло: Павел даже вздрогнул от неожиданного и прямого вопроса. Он давно про себя решил, что не будет делиться душевными переживаниями ни с отцом, ни с матерью. Но сейчас его словно изнутри обожгло, так захотелось открыться. Смущённо улыбнувшись, пробормотал:

- Так ведь разговор быстрым не получится. До самого утра, пожалуй.

- Ничего. – Женщина явно не собиралась идти на попятную. Напротив, устроившись поудобнее, притихла, словно ребёнок в ожидании обещанной сказки.

Пашка хотел было сразу приступить к событиям в посольском самолёте, но вдруг понял, что без короткой предыстории Аннушка не сможет уловить главного. Отступив во времени, он тут же осознал, что и предыдущий эпизод получается вырванным из контекста, и ему непременно следу-

ет шагнуть ещё глубже. Прокручивая в голове нахлынувшие воспоминания, Павел неожиданно для себя начал со Свердловского военкомата. Он рассказал няне о своих товарищах: Витьке, авторитетном пацане с замашками уголовника, и домашнем мальчишке Стасике, страдающим энурезом. Разговор с Витьком перед его побегом из эшелона, Пашка счёл нужным привести в деталях. Но лишь для того, чтобы объяснить Аннушке, что Витёк, вовсе не дезертир, а запутавшийся в жизненных обстоятельствах парнишка из рабочего посёлка. Службе в учебной части он уделил совсем немного времени, поскольку снова захотел поскорее добраться до финальной части истории. Так, эпизод за эпизодом, Павел постепенно подошёл к тому жизненному порогу, за которым начинался плен...

Женщина подняла заплаканные глаза на притихшего Пашку:

- Может, не надо, сынок? А не то у меня сейчас сердце разорвётся.

Тот вздрогнул, будто очнувшись от кошмарного сна, и посмотрел на няню невидящими глазами:

- Да. И в самом деле не в ту степь меня унесло. – Он встряхнул головой, отгоняя видения прошлого, и закончил без какой-либо связи с повествованием. – Я увидел Верочку в том самолёте. В посольском самолёте, приземлившемся в Исламабаде. Я стоял в тамбуре и орал, что я гражданин Со-

ветского Союза. Она испугалась... Но не от неожиданности, и даже не за себя... Она испугалась за своё «дипломатическое» будущее. Я точно видел это по её глазам.

Юрий Алексеевич лежал на спине, закинув руки за голову, рассеянно наблюдая за полосками света от автомобильных фар на потолке. Он знал, что Елена Сергеевна тоже не спит и ждёт начала разговора, но умышленно оттягивал, поскольку так и не сумел найти ответа на встревоживший его вопрос. «Глупость, какая-то! С чего это я так завёлся? – Пытался разобраться в себе Коробов-старший. – Половину жизни прожил, ничуть не заботясь о воспитании сына. И на тебе! Спихватился, когда тот уже вырос и горя по самые ноздри нахлебался. К Аннушке приревновал? Или меня корёжит, что простая баба на порядок выше нас с Ленкой оказалась? А если продолжить, то скоро я вынужден буду сознаться, что моя жизнь — это пшик? Впустую прошла? Нет, товарищ Коробов, надо выкинуть этот бред из головы и жить дальше. Вот только по-прежнему я уже не смогу. А значит, сожрут меня вскорости коллеги. Система слабых не терпит. Перемалывает или на пенсию выплёвывает. Хорошо, если ещё на пенсию».

Супруга, не выдержав молчания, повернулась на бок и прикоснулась к плечу мужа:

- Как ты думаешь, Юра, Павлик сильно изменился?

Юрий Алексеевич едва сдержал желание съязвить, до того

неуместным и глупым показался вопрос. Помолчав для приличия, ответил с полагающимся к такому случаю вздохом:

- Сильно. Повзрослел, заматерел и возмужал. Полный мужицкий набор. – Он хотел было продолжить в том же духе, заполняя речь шаблонными фразами, но неожиданно для себя признался в сокровенном. – Честно сказать, я даже не знаю, как себя с ним вести. У меня такое чувство, что Пашка не повзрослел, а превратился чуть ли не духовного наставника. Понимаю, что это вздор, что это совершенно не так, но я...

- Перестань. – Перебила супруга без упрёка в голосе. – Просто мальчик не успел адаптироваться к нормальной жизни. Поверь, не пройдёт и недели, и Павлик снова войдёт в ритм. Забудутся и служба, и плен. Молодые не умеют долго помнить дурное. У них вся жизнь впереди, и нет времени оглядываться в прошлое. Они просто не успели его нажить. Прошрое – удел стариков.

Юрий Алексеевич хотел было не просто возразить, а похозяйски взбрыкнуть, но Елена Сергеевна, интуитивно почувствовав опасность, тут же поменяла тему:

- Если Павлик не захочет возвращаться с нами в Свердловск, мы сможем оставить ему эту квартиру? Почему нет? Место очень удобное. Практически центр столицы.

Психологическая уловка жены сработала безотказно, и муж с охотой переключился на излюбленную тему:

- В том-то и проблема, что пятикомнатная в центре. Здесь,

пожалуй, даже влияния шефа не хватит. Ничего, я думаю, что двушку где-нибудь в Чертаново выхлопотать удастся. Завтра займусь этим вопросом, а заодно и вопрос с институтом прозондирую. Пока рычаги есть и связи не оборвались. Без высшего образования карьеру не построишь.

Глава 2. Два «беспечных», «бесцельно» прожитых дня

Проснувшись поздним утром, Пашка тут же присел на постели. Ещё вчера он был уверен, что до самого вечера будет бездумно валяться, наслаждаясь спокойным бездельем. Однако привычка к раннему подъёму оказалась сильнее. Потянувшись до хруста в позвоночнике, парень вдруг увидел на прикроватной тумбочке коробочку с часами, которые оставил отцу перед уходом в военкомат. «Молодец, батя! Не забыл. – Думал Павел, разглядывая подарок родителей ко дню окончания школы. – Интересно, помогла ли дедовская «Победа» Фролу добраться до наших? Мне бы узнать, что с ним случилось. Главное, чтобы выжил».

Воспоминание об Олеге болью отозвалось в груди. Пашка вздохнул и поставил коробочку на место. Негромкий стук в дверь заставил обернуться.

- Да! Можно. Я уже проснулся.

Аннушка, не стала входить, а только заглянула в комнату:

- Ты скоро? Родители уже позавтракали. Отец уехал на работу, а мама ждёт тебя в столовой.

Парень вдруг почувствовал себя неловко и поспешно укрыл ноги покрывалом:

- Мама Аня, будь добра, организуй мне ванну.

Женщина неумело изобразила удивление:

- Так ты вчера полтора часа отмокал. Гляди, сынок, я где-то слыхала, что часто ванну вредно принимать. На что-то там влияет. Может, всё-таки душ?

- Ничего. Сдюжу. Просто соскучился по домашнему комфорту. – Он вдруг задумался на пару секунд, и добавил заговорщицким шёпотом. – Только я здесь себя дома не чувствую. В Свердловске как-то привычнее.

- И то верно. - Аннушка понимающе кивнула и удалилась, прикрыв за собою дверь.

Пашка с остервенением тёр тело жёсткой губкой. Ему казалось, что кожа насквозь пропиталась запахами зиндана, гнилой пищи и человеческих испражнений. Выйдя через полтора часа из ванной комнаты, едва не налетел на Елену Сергеевну, ожидавшую в коридоре. Смутившись, ляпнул первое, что пришло на ум:

- Привет, мам! Скажи, сильно от меня воняет?

К удивлению, Елена Сергеевна не возмутилась, а заметила тоном снисходительного ментора:

- Крепкое словцо. Весомое и точное. Хотя и не из лексикона приличных людей. – Смахнув с лица ироничную улыбку, вполне серьёзно ответила. - Нет, Павлик. Не воняет. От тебя

пахнет свежестью и молодостью. Если тебя что-то волнует, то воспользуйся косметикой отца. Ему из Великобритании привезли набор. Умеют англичане настоящий парфюм для мужчин изготавливать. Классический мужской аромат. Этакая смесь энергичных древесных нот и дубового мха. Даже дворника в джентльмена превратит. Заканчивай свой туалет и приходи в столовую. Я тебя там подожду.

После обеда с матерью Пашка до самого вечера бесцельно слонялся по улицам огромного города, пытаясь уловить перемены, произошедшие в его отсутствие. В конце концов, сообразив, что ему не с чем сравнивать, поскольку бывал в столице ещё несмышлёным ребёнком, отругал себя последними словами за проявленную тупость и вернулся домой совершенно усталым.

Ужин прошёл в тёплой семейной обстановке. Верная домработница Коробовых впервые на его памяти сидела за общим столом и, к немалому удивлению парня, абсолютно не смущалась оказанной «честью».

Второй день начался под копирку первого. Правда, Пашка заставил себя сделать гимнастику, дав слово, что обязательно разыщет поблизости более-менее подходящий спортзал для серьёзных занятий. Позавтракав под пристальными взглядами матери и Аннушки, он было засобирався на прогулку, но передумал и до самого полудня слушал рассказ

Елены Сергеевны о днях, проведённых родителями в мучительном неведении. Так он узнал о похоронке, ставшей причиной инвалидности матери, и о «секретной» командировке отца в Афганистан.

Юрий Алексеевич приехал домой точно к началу торжественного семейного обеда. Пройдя в столовую, Коробов-старший хотел было похвастаться сыну, что всё-таки отправил телеграмму в далёкий Исламабад, но увидев празднично накрытый стол, как-то легко позабыл о своём намерении.

Обед протекал в неспешной беседе, пока Елена Сергеевна не задала мужу беспокоящий её вопрос:

- Юра, как обстоят дела с нашим переводом?

Пашка недоумённо оглядел родителей и сидящую за столом Аннушку:

- Переводом? Вы собрались переезжать? Куда?

Мать строго взглянула на Юрия Алексеевича и тот нехотя взял инициативу на себя:

- Понимаешь, Паша? Мама не чувствует себя в Москве как дома. Мы посоветовались, и решили вернуться в Свердловск. Борис Николаевич пошёл нам навстречу и позаботился о моём, так сказать, «обратном» назначении в обком партии. – Не удержавшись, зачем-то слукавил. - По сути дела, мы ждали только твоего возвращения. Ну как? Ты с нами?

- Нет. - Негромко, но твёрдо ответил сын. - Я остаюсь в Москве. Хочу начать жизнь с чистого листа.

Отцу бы промолчать, но получилось как-то само собою:

- И как ты это себе представляешь? А, сынок? Профессии нет, эту квартиру мы обязаны сдать. Без московской прописки тебя ни в одно общежитие не пустят. У тебя даже паспорта на руках нет. За ним в Свердловск ехать надо. Кстати говоря, там ты тоже выписан на время службы. Мы, конечно...

Елена Сергеевна, не ожидавшая от супруга ничего подобного, с негодованием прихлопнула ладонью по краю стола:

- Я тебя не понимаю, Юра. Ты сам себя слышишь? Это, в конце концов, возмутительно!

Пашка взял в руки материнскую ладонь и спокойно посмотрел на отца:

- Ничего, батя. Прорвусь. Мне в штабе округа выплатили небольшую сумму. На первое время хватит. Да и уедете вы ещё не завтра. Успею и с паспортом, и с пропиской порешать. Потом на завод устроюсь. Рабочих общежитием обеспечивают. Поработаю до вступительных экзаменов в институт. В этом году уже однозначно пролетел. Зато времени на подготовку предостаточно. Всё образуется, отец. По большому счёту, так даже интересней чистый лист открывать.

Главе семейства стало нестерпимо стыдно за свою выходку. В глубине души он понимал, что его демарш — это ответная реакция на призыв к равноправию в отношениях. «Как глупо и мерзко. — с горечью думал Юрий Алексеевич. — Вместо поддержки я захотел подчеркнуть собственное превосходство в жизненном опыте. Осадить, так сказать, зарвавшие-

гося юнца. Ну что? Добился своего? Идиот!». Виновато оглядев домашних, заговорил немного сбивчиво, зато от души:

- Не знаю, что на меня вдруг нашло. Чиновник, наверное, проснулся. Мальчишество какое-то. Впрочем... Бестактное и грубое... Сам не понимаю... Извини, Пашка. И вы, милые дамы, простите великодушно.

Елена Сергеевна недовольно поджала губы. Ей не понравилось неуклюжая попытка мужа, низводящая её, хозяйку дома, до уровня домработницы. Впрочем, она довольно быстро справилась с обидой, сделав вид, что не расслышала последней фразы. Высвободив ладонь из рук сына, примирительно взглянула на супруга:

- Ну, будет тебе. Шутка, прямо скажем, неудачная, но всё-таки это шутка. Не так ли, Юрий Алексеевич? – Не дожидаясь реакции, продолжила с некоторой напряжённостью в голосе. – Ты лучше расскажи нам, есть ли подвижки? Разговаривал ли ты с Борисом Николаевичем, и если да, то что он ответил?

Коробову-старшему было чем похвастаться, однако, зная характер сына, решил отделаться общими фразами:

- Прости, но я элементарно боюсь сглазить. Не улыбайся так. Я чувствую себя юродивым. Скажу одно: всё в работе, всё движется в нужном направлении. И я уверен, что нужное нам решение будет принято со дня на день.

Пашка вопросительно посмотрел сначала на мать, а затем на отца:

- О чём разговор? Вы введёте меня в курс дела или потом перед фактом поставите?

Елена Сергеевна впервые позволила себе строго взглянуть на сына:

- Всему своё время, Павлик. И, пожалуйста, не надо настаивать. Твой отец прав. Я тоже с некоторых пор боюсь сглаза.

Парень, сообразив, что уговоры бесполезны, потерял интерес к незакрытой теме и повернулся к отцу:

- Подбросишь меня к центру?

- Зачем? – Машинально спросил Юрий Алексеевич, поднимаясь из-за стола. – Экскурсию хочешь себе устроить?

- Прогуляться до Третьяковки хочу. Прочитал в газете, что там выставка какая-то открылась. Да и вообще... московским воздухом подышать. Возьмёшь? Или тебе в другую сторону?

- Собирайся. Через десять машина подъедет.

Пашка вышел у подземного перехода в самом начале улицы Горького. Проводив глазами служебную «Волгу» отца, решительно зашагал к гастроному, расположенному на первом этаже жилого дома сталинской эпохи. Он не собирался в Третьяковскую галерею. У парня были совсем другие планы. Просто воспользовался советом Аннушки и немного слукавил, чтобы не расстраивать родителей. Ему крайне необходимо было выговориться, но так, чтобы потом не было стыдно за собственную слабость. Внутренне Павел был да-

же рад, что Аннушка остановила его на половине рассказа о плене. У него не было гарантий, что сможет управлять эмоциями, рассказывая няне о несчастном, потерявшем разуме Толике, о предательстве бывшего прапорщика по кличке Таджик или о подвиге казаха Сабыржана, умершего от потери крови у подножия чужих гор. Воспоминания давили на мозг тяжёлым прессом, заставляя напрягать волю, чтобы не дать им выплеснуться наружу внезапной истерикой. Первую ночь он провёл без мучительных сновидений, а вот вторая обернулась настоящим кошмаром. Проснувшись, Пашка понял, что только излив душу совершенно незнакомым людям, он сможет обрести долгожданное спокойствие. Пусть даже на короткое время.

Отстояв в очереди, указал пальцем на полку с небогатым набором прозрачного крепкого алкоголя:

- Мне одну, пожалуйста.

- Тебе «Столичную» или «Московскую»? - Равнодушно уточнила дородная продавщица.

Пашка замешкался всего на пару секунд, но этого вполне хватило стоящему за его спиной мужчине:

- Давай, студент, поскорее определяйся. Нечего головы людям морочить. Это ж надо?! Десять минут жизни в очереди угробить, чтобы потом одну бутылку купить! Ты, случайно не шпион?

Очередь одобрительно загудела, а Павел, не искушённый в словесно-гастрономных баталиях, смутился и еле слышно

пробормотал:

- «Московской», пожалуйста... Две бутылки, пожалуйста... ста...

Мужчина, ободрённый всеобщей поддержкой, не собирався успокаиваться. Его распирало ощущение сиюминутной популярности. Повысив голос и добавив в него хорошую порцию праведного негодования, возопил, апеллируя преимущественно к продавщице:

— Это же надо?! Сначала одну, а теперь две?! Девочку на побегушках себе нашёл?!

Женщина плавно развернулась и, опершись обеими руками на прилавок, негромко, но веско произнесла:

- Слышь ты, блюстител чужой девственности? Если сейчас не заткнёшься, то я на обед закроюсь. Услышал? Тогда стой молча и сопи в две дырки.

Поставив перед ошеломлённым Павлом бутылки, уточнила с прежним равнодушием:

- Тебе завернуть? Милиция в центре реально с пьянством борется. Того и гляди прикопаются.

Пашка неспешно брёл вверх по улице Горького, держа подмышкой завёрнутые в плотную бумагу бутылки. Он уже вполне оправился от недавнего смущения и, стараясь поскорее забыть о конфузе, разглядывал витрины в поисках подходящего места. По наитию свернув в переулок, парень даже не успел прочитать название ресторана, как двери распахну-

лись, и на пороге возник статный швейцар в фуражке с золотистым околышем без кокарды.

- Я пройду? - Вопросительно взглянул на возрастного мужчину Павел.

Тот с сочувствием улыбнулся и ответил вопросом на вопрос:

- А что ты здесь потерял, родной? – Слегка наклонившись, пояснил без присущего его коллегам высокомерия. – Не твоя поляна, сынок. Это «Арагви». К нам солидные люди ходят. Парработники, дипломаты, профессора, народные артисты. Весь цвет общества. – Запнувшись, зачем-то добавил. – Даже космонавты.

Пашка тут же ухватился за выпадающих из логического ряда «космонавтов»:

- Так может, я прямо из космоса к вам? Очень захотелось натурального шашлыку отведать. Консервированный, знаете ли, поднадоел.

Швейцар, по достоинству оценив выходку молодого нахала, улыбнулся ещё шире и одобрительно покачал головой:

- Силён! – Одёрнув расшитый галунами китель, заговорил по-отечески серьёзно, без малейшего намёка на снисходительную иронию. — Вот что я тебе скажу, «космонавт»: нечего тебе здесь делать. Я ведь вижу, что тебе причал для души требуется. А здесь её не найти. Сплошной пафос с привилегиями. Тебе прямиком в «Яму» надо. Поверь, сынок, это как раз про тебя. Правда, в очереди минут пятнадцать посто-

ять придётся. Местечко, так сказать, намоленное, народом почитаемое.

Павел, сообразив, что речь идёт о питейном заведении, всё-таки скривился:

- Весь мой жизненный путь предначертали. Почему мне в «яму», а артисту в «Арагви»?

Швейцару надоел острый на язык собеседник. Махнув рукой вниз по переулку, мужчина шагнул в прохладный полумрак ресторана, бросив из-за плеча:

- На запах ориентируйся. Не ошибёшься. В подвале свой причал найдёшь...

Швейцар-психолог не ошибся. Пашка нашёл вход в пивной бар «Ладья» именно по запаху. От лестницы, ведущей в полуподвал, несло ядрёной смесью кислого пива, табачного дыма и основного продукта распада белка. Порадовавшись, что обещанной очереди не оказалось, Павел набрал полные лёгкие свежего воздуха и, покрепче прижав свёрток с бутылками к рёбрам, решительно шагнул вниз.

Сводчатый зал встретил одинокого посетителя разноголо-сым гомоном страждущего народа. Пространство бара было переполнено вскриками, смехом и руганью под аккомпанемент забойной музыки. «Не всё так просто, - думал Пашка, оглядываясь по сторонам, - очереди на лестнице нет, но все стойки заняты. Да и с автопоилками я плохо знаком. Наверное, надо сначала подойти к прилавку за закуской и только

потом к автоматам. Чего гадать? Пристроюсь к тем мужикам, которые поближе к кассе стоят. Люди вроде бы серьёзные. Может, с ними и поговорить удастся».

- Разрешите? – Павел намеренно выбрал именно это «армейское» слово, чтобы расположить к себе людей на глазок вдвое старше его.

Высокий, интеллигентного вида мужчина в старомодном батнике дружелюбно улыбнулся и сдвинул в сторону пустые кружки, освобождая место новичку:

- Пристраивайтесь, молодой человек. В тесноте, да не в обиде. – Сопроводив испытывающим взглядом свёрток, поинтересовался с явным намерением завязать беседу. – Приезжий? Я имею ввиду вас, а не свёрток.

Пашка недоумённо взглянул на соседа:

- Неужели так заметно? – Не дожидаясь очевидного ответа, перехватил инициативу. – Я смотрю, народ здесь собирается на любой вкус. Мне сказали, что место намоленное.

Второй мужчина солидно кивнув, охотно подхватил тему, то и дело поглядывая на свёрток:

- Хорошо сказано, юноша...

- Павел. – Коробов-младший с трудом сдержал раздражение. – Меня зовут Павел. Не обижайтесь, но из юношей я уже давно вырос. По крайней мере, чувствую себя лет на сорок.

- Савелий. – Тут же отреагировал «второй». – Имя, конечно, ветхозаветное, но запоминается сразу. К артисту Крамарову никакого отношения не имею. Я о национальной при-

надлежности...

- Без отчества как-то неудобно.

- С чего бы? – Савелий лукаво усмехнулся. – Вы сами сказали, что сороковник в душе разменяли. Так что мы с коллегой с вами почти ровесники. Всего на пяток лет постарше. Может, на «ты» перейдём? В «Яме», как в бане. Все равны.

- Я не против. – Павел призывно взглянул на мужчину в батнике. Дескать, пора и тебе, «коллега», имя озвучить.

- Роман. – Сосед по стойке протянул руку и, почувствовав крепость пожатия, мельком взглянул на Савелия. – Не ладонь, а самые настоящие тиски.

Глава 3. Яма.

Савелий скользнул взглядом по загадочному свёртку и, отхлебнув пива, слегка развернулся к гостю:

- Ты прав, Павел. Место действительно намоленное. В том смысле, что в стародавние времена здесь, говорят, церковь стояла. «Ладья» самый популярный, я бы даже сказал, знаменитый пивняк в Москве. И это несмотря на то, что здесь стояк, пиво разбавляют безо всякой меры, проблемы насчёт удобств, да и с закусками небогато. Хотя, если повезёт, то можно и на креветки попасть. Кстати, довольно неплохие. Но это не главное. Главное - атмосфера и народ, сюда захаживающий.

Савелий умолк, погрузившись в воспоминания, но эстафету тут же подхватил Роман:

- Ты не представляешь, Павел, какая здесь была благодать!

С какими людьми можно было пообщаться. Настоящий коктейль из представителей всех слоев общества. От уркагана до университетского профессора. Вся мозаика. Говорят, сюда писатель Орлов забредает. Сам я с ним не встречался и книг не читал, но всё-таки... - Сообразив, что сгруппил, поспешно переключился на настоящее. — Вот, например, мы с Савелием. Мы ведь действительно коллеги. Работаем в закрытом институте. Инженеры. А тот мужчина в белой рубашке и галстуке, что стоит за твоей спиной - работяга. Крановщик на стройке и наш хороший приятель. Кстати, очень начитанный человек и достойный оппонент в философских диспутах под пиво. Впрочем, наши взгляды во многом совпадают и на политику, и вообще на жизнь.

Роман махнул рукой, приветствуя крановщика-пижона, а Пашка, воспользовавшись короткой паузой, спросил, чтобы уважить знакомцев и обозначить интерес к краткому экскурсу в историю заведения:

- Ты сказал: «Можно было». А сейчас? Что случилось? Профессора с зеками ходить перестали?

Роман уловил сарказм, но не обиделся. Придав лицу многозначительное выражение, подбородком указал в глубину зала и пригнулся к столу:

- Неформалов развелось немерено. В семидесятые здесь хиппари ошивались. Так те себя потише вели, чем нынешняя смена. Видишь в углу парней в заклёпках и цепями? Это у них на столе двухкассетник орёт. Так называемые «метал-

листы». Неформалы новой волны. Ведут себя вызывающе громко и нагло. Они обычно по субботам собираются. Чуть не по двести человек набивается. Мы с Савелием по субботам сюда не заглядываем, себе дороже. Сегодня четверг, а липовые «металлурги» тут как тут и уже на взводе. Видимо, какой-то паучий шабаш у них.

Павел оглянулся на группу молодых ребят, выделяющейся из общей массы причёсками, одеждой и поведением. Случайно встретившись взглядом с вероятным заводилой, моментально отвёл глаза и запоздало поинтересовался у Романа:

- Почему «паучий»?

- У них за старшего некто Паук. – С готовностью пояснил тот. - Вроде рок-музыкант. По крайней мере, старается казаться таковым. Слышал, что ансамбль у них есть. Название броское, но я запоминать не стал. Парни, похоже, ждут вождя. Пока его не видно. Тот бугай с лицом маргинала, который только что соизволил взглянуть в нашу сторону - правая рука лидера. Баламут и задира. Я дважды видел, как его милиция под белы ручки на свежий воздух выводила. Честно говоря, ничего хорошего от этого взгляда ждать не приходится. – Тоскливо посмотрев на бумажный пакет, продолжил с некоторым раздражением. - Их, так сказать, «искусство» нам неизвестно. «Песняры», «Голубые гитары» и «Самоцветы» коллективы вполне самодостаточные и исполняют качественную музыку. Хотя нередко в стиле «взвейся-развейся».

Впрочем, куда ж без этого? По-другому на большую сцену не пробиться.

«И как я собираюсь начать свою «исповедь»? – Думал Пашка, старательно изображая внимание. – Оборву мужиков на полуслове? Дескать, хорош, «коллеги», моя очередь. Давайте я плакаться начну? Глупость какая... Похоже, я просто стесняюсь. Короче, хватит мудрить. Надо предложить выпить, а там кривая выведет. Не может не вывести. Надо расслабиться и всё пойдёт как надо. Ну, а не сложится, значит, не судьба. Перебуюсь».

Музыка вдруг стихла, и Павел немедленно воспользовался наступившей тишиной:

- Может, выпьем для знакомства? Я с собой захватил на всякий пожарный.

Роман, торжествующе взглянув на Савелия, дескать, не ошиблись мы в госте, предупреждающе положил ладонь на заветный свёрток:

- Давайте я? У меня практики побольше в таких делах. Администрация возмущаться не станет, если всё в рамках приличия организовать. Тихо и без лишней помпы. А вот от непрошенных гостей отбоя не будет. Гарантирую. Многовато желающих присоседиться.

Пашка охотно пододвинул пакет:

- Конечно, Роман. Вы только позовите своего товарища, который на кране работает. Неудобно про друзей забывать. Я думаю, что литр на четверых - самое то.

Подвыпившая троица вскоре позабыла про молодого благодетеля. Пашка сначала вслушивался в разговор давнишних приятелей, а затем, сообразив, что те слишком глубоко погрузились в обсуждение политической жизни страны, во все махнул рукой на свою затею и отказался от попыток излить душу. Он выпил немного: тёплая водка вызывала отвращение и вместо ожидаемого успокоения лишь усилила тревожное беспокойство. Между тем, прения возбуждённых алкоголем соседей вошли в более жаркую фазу. Коробов решил по-английски покинуть намоленное местечко, как вдруг чья-то тяжёлая рука, зацепив ухо, опустилась на плечо.

- Полегче нельзя? – Недовольно оглянулся Павел и увидел того самого заводилу, с которым недавно столкнулся взглядами.

- Ты в натуре спрашиваешь или просто факт констатируешь? – Рокер откровенно наслаждался своим превосходством в габаритах. Он чувствовал себя хозяином положения и не собирался скрывать этого. – У нас так не принято, чтобы втихую, в отрыве от коллектива водку жрать. Делиться надо. Ибо сказано: «Кто сеет скупой, тот скупой и пожнет. А кто сеет щедро, тот щедро и пожнет». Короче, челы! Вторые полбанки нашему столу причитаются. Не я. Народ так решил.

Пашка, заметив, что соседи опустили головы и даже спрятали руки за спинами, лишь усмехнулся. Он привык рассчитывать в таких ситуациях только на себя. Сбросив с плеча руку, широко и дружелюбно улыбнулся:

- Вали отсюда, «чел». Передай своим, что мы по четвергам не подаём. Ибо сказано... - Подумав секунду, закончил со вздохом. – Сам придумай, ладно? Меня из семинарии за неуспеваемость выперли...

Глаза рокера сузились в щелочку. Он было поднял руку, но Пашка перехватил кисть и, чуть повернув, заставил соперника приподняться на цыпочках.

Надо отдать должное представителю молодёжной субкультуры: заводила, оскалившись и закатив глаза, стоически терпел боль, явно не собираясь просить пощады. Павел, выждав несколько секунд, разжал пальцы и бережно опустил побелевшую ладонь страдальца на мокрую поверхность стола:

- Уважаю. Ступай себе с миром и донеси благую весть своей... Как это? Пастве! Так и скажи: «Не подают по четвергам. Только по субботам».

Первым опомнился интеллигентный крановщик Борис. Достав невесть откуда благоразумно припрятанную бутылку, предложил слегка заплетающимся языком:

— Это дело непременно обмыть надо. Впервые вижу, чтобы Дэн, поджав хвост, свалил. Притом молча, без угроз и обещаний поквитаться. Так он себя только с милицией ведёт. Событие, достойное пера Роберта Рождественского.

Пашке стало совсем невмоготу. Он понимал, что затея с треском провалилась, и больше не испытывал желания изливать душу малознакомым людям в пропахшем кислятиной

полуподвале.

- Я пропущу.

От стола металлистов снова донеслась музыка. Только гораздо тише, чем раньше

- Понимаю. - Роман с тревогой и даже с осуждением смотрел на Пашку. - Как ни крути, а эпизод не из приятных. Только я не верю, что всё на этом закончится. В общем, неприятности нам гарантированы. Дэн не из тех, кто проглатывает оскорбления. А ты его прилюдно унизил. Надо было как-то поаккуратней. Если ты сейчас незаметно уйдёшь, этот гамадрил вернётся и бутылку заберёт. Ладно, бутылку. Так ещё унизит физически и денег потребует за моральный ущерб. Сейчас это модно.

Павел не собирался оправдываться. Ему очень хотелось вырваться из душного помещения, но он не мог оставить новых знакомых. Пожав плечами и взяв с блюда круто просоленную сушку, постарался успокоить разволновавшегося товарища:

- Не торопитесь. Допивайте спокойно. Я не спешу. Во сколько эта «богадельня» закрывается?

«Зачем я сюда припёрся? – С горечью думал он. - Что я потерял в этой яме? Благодарного слушателя захотел найти? Дебил! Никому нет дела до моих переживаний, кроме родителей и мамы Ани. А этим «инженерам-крановщикам» пофигу. Я их понимаю. Живут мужики в своём мире и прекрасно себя чувствуют. Роман прав. Уходить по-английски нель-

зя. Дэн непременно на них оторвётся. Мне ещё повезло, что рокеры не дошли до кондиции, и им хватило мозгов, чтоб не устроить разборки прямо в зале. Интересно, о чём говорят мои собутыльники?» - Павел вернул твердокаменную баранку на блюдце и прислушался к разговору захмелевших приятелей.

- Спасибо тебе, Роман Васильевич, за моего пацана. - Вещал нетрезвым голосом Савелий. – Спасибо, что помог с институтом. Теперь ему никакой Афган не грозит. А я уже хотел военкому на лапу давать... подходы к нему подыскивал. На полном серьёзе говорю. И стыдно, и страшно до тошноты... Вдруг полковник взяток не берёт и вообще порядочным человеком окажется? Тогда пиши пропало. Тут реальным сроком пахнет. Серёжка не в меня удался... Школу кой-как закончил. А тут институт... Вернее, наоборот. Короче, запутался я... великое дело - мужская дружба! За тебя, Рома, и за твою супругу-декана!

Роман, приобняв разомлевшего Бориса, поднял указательный палец, подчёркивая серьёзность алаверды:

- Я так думаю, дорогие товарищи. В армии служить непременно надо. Гражданский долг и всё такое. Но когда речь идёт о главном... о жизни и смерти, то мы, родители, обязаны принять все меры, чтобы чаша сия миновала наших... мм... отпрысков. Тем паче, что война эта никому не нужна. Просто лидеры застоя решили мускулами поиграть, повеселиться... Ладно. Не о них сейчас речь. Пусть мои слова на-

сквозь пропитаны цинизмом, но я настаиваю: в Афган должны направляться либо романтики, либо придурки, либо те, у кого нет возможности избежать ... ну, вы поняли, о чём я хотел сказать. – Икнув, Роман уставился на ошеломлённого Коробова. – У вас есть возражения... мм ... Павел?

Пашка не нашёлся с ответом. Просто развернулся и пошёл к выходу. Он успел сделать всего пару шагов, как перед ним возник Дэн с компанией возбуждённых друзей. На лице рокера не было злобы, только решимость и желание поскорее вернуть должок:

- погоди, чел! Между нами осталась некая недоговорённость. – Неформал смотрел в глаза соперника даже с некоторым сожалением. Как будто сочувствовал. – Не переживай, это ненадолго и почти не больно. По крайней мере не сразу.

- Один на один слабо? - Отступив на шаг, усмехнулся Пашка. – Почему всех своих не позвал? Вдруг четверых маловато будет?

- Достаточно. - Ответно усмехнулся Дэн. – Не льсти себе, чел. Я постараюсь быстро управить...

Он не успел договорить: Пашка шагнул вперёд и коротко, но резко ткнул кулаком в печень. Неформал, по-рыбий сглотнув воздух, согнулся в три погибели.

- Что случилось, Дэн? - Заботливо поинтересовался Павел. - Никак живот прихватило? От разбавленного пива и не такое бывает. Может, таблетку?

- Сохраняйте спокойствие, граждане! Прошу всем приго-

товить документы. – Уверенный голос старшего наряда прозвучал как гром среди ясного неба. – Касается всех. Даже поклонников тяжёлого рока.

- У меня нет паспорта, товарищ лейтенант. - Хмуро посмотрел на офицера Пашка. - За ним в Свердловск ехать надо.

- Давай, что имеется. Откинулся, что ли? – Взгляд сотрудника стал напряжённым. – Тогда по-любому в отдел проследуем. Порядок есть порядок. Личность будем устанавливать. Одних твоих слов мало. Не исключено, что погостишь пару суток в обезьяннике.

- Нет. – Облегчённо выдохнул Коробов. – Не откинулся. Отслужил. Военник сгодится?

— Сгодится. Давай сюда. Это что? – Спросил лейтенант, заметив между страниц свёрнутый вчетверо листок бумаги. – В документах не должно быть лишнего.

- Справка. - Нехотя ответил Павел. - В посольстве выдали. Так. На всякий случай. Я ни о чём не просил. Несильно-то и пригодилась. Вы первый, кто заинтересовался.

- Ну-ка, ну-ка. - Под нос забормотал лейтенант. - Посмотрим, что за справки нынче в посольствах выдают. - Так... Дана военнослужащему ... сержанту Коробову Павлу Юрьевичу, в том что он....

Старший наряда вдруг умолк, затем по-детски просто-душно посмотрел на Коробова:

- Так ты что, Павел Юрьевич? Выходит, душманском пле-

ну побывал? Ну дела...

Вечерело. Изрядно подвыпившая компания молодых людей стояла у перекрёстка и, не обращая внимания на прохожих, в сотый раз исполняла ритуал прощания, принятый у металлистов.

- Да погоди ты, Пашка! Мы тебе сейчас мотор до дома поймаем! – Дэн, обдав нового друга перегаром, махнул рукой проезжающей мимо машине с зелёным огоньком за стеклом. – Ты к нам в «Яму» почаще приходи. По субботам... Я тебя с Пауком познакомлю. Реальный пацан. Отвечаю. И с другими рокерами... С Лёхой из «Легиона» ... с ребятами из «Крематория». Слышал? Твой «Урфин Джюс» в подмётки не годится... Косуху подходящую по фирме тебе отожмём... Прости, братан! Подберём. Со всеми причиндалами... А вот с погонялом сам определяйся. Это дело интимное. В переносном смысле, конечно. Ты, брат, наш. Даже не дёргайся! Если что надо, обращайся.

Третью ночь в Москве Пашка спал без сновидений.

Глава 4. Звонок

Утром следующего дня Елена Сергеевна устроила серьёзную выволочку домработнице за то, что та не разбудила и не рассказала, в каком состоянии вернулся Павел после экскурсии в Третьяковку. Юрий Алексеевич, помогавший Аннушке перетаскивать бесчувственное тело сына в комнату,

благоразумно сбежал на работу. Он давно не видел супругу в таком состоянии и решил, что женщины в его отсутствие быстрее найдут общий язык. В конце концов, мужскую солидарность тоже никто не отменял. Даже если она обозначена в несколько пассивной форме. Помощница, привычно-безропотно выслушав упрёки хозяйки, ушла на кухню готовить капустный рассол для своего Баловня. Аннушка хоть и не была замужем, но твёрдо знала, что кисло-пряный напиток – первое средство от похмелья.

Елена Сергеевна, услышав за дверью сына возню и вздохи, успокоилась и попросила помощницу вывести её на прогулку. Дескать, пускай недоросль придёт в себя как следует, а там посмотрим, стоит ли наказывать отбившегося от рук ребёнка.

Пашка хорошо помнил, как усаживался в такси под возторженные возгласы новых друзей. Но память не сохранила его «героический» переход от «Волги» до квартиры. Более того, ему было совершенно неизвестно, кто открыл дверь, а потом сопровождал до дивана. Выбор, конечно, небольшой и далеко не судьбоносный, но всё-таки...

На всякий случай проверив карманы и убедившись в сохранности военного билета, Павел, так и не сумев сложить обрывки воспоминаний в единую картину, махнул рукой на это дело и, насвистывая что-то из «Коррозии металла», направился в ванную комнату смывать грехи с души и тела.

- Я не собираюсь докучать тебе нравоучениями, но обещаю тебе, что подобные истории больше не повторятся. – Елена Сергеевна, старалась говорить ровно, однако глаза выдавали глубокую печаль. – После твоей прогулки по значимым местам я начала подумывать, что тебе ещё слишком рано начинать самостоятельную жизнь. Тем более в отрыве от семьи. Может, нам стоит повременить с переездом в Свердловск?

Пашка, зная характер матери, не стал протестовать или строить из себя возмущённого. Просто подошёл к коляске и поцеловал Елену Сергеевну в щёку.

- Так получилось, мам. Обещаю впредь не допускать чрезмерных возлияний. - Он уже хотел принять покаянный вид, но не удержался от привычного зубоскальства. – Надо же? Скоро третий десяток разменяю, а во взрослую категорию так и не попал. Сколько, по-твоему, мне ещё за «юношей» выступать? До юбилейной полсотни?

Мать снисходительно улыбнулась. Она практически успокоилась, но посчитала нужным довести воспитательную беседу до конца:

- Ты для меня навсегда останешься ребёнком. Сейчас тебе этого не понять. Поэтому давай вернёмся к этой теме, когда мои внуки достигнут совершеннолетия. А пока расскажи для начала в какую компанию тебя занесло. Впрочем, не стоит. Я думаю, что приличная молодёжь не принимает в

свой круг без соответствующих рекомендаций. Не обижайся, но пока твой удел — это шпана и полуголодные студенты, приехавшие в столицу из провинции. Поверь, я ничего не имею против студенческой вольницы. — Спohватившись, тут же поправилась. — Естественно, в разумных пределах. Но меня очень беспокоит твоя необъяснимая тяга к низшим слоям общества. И слово «шпана» здесь абсолютно уместно.

Несмотря на похмелье, Пашке всё ещё хотелось дурачиться, но так, чтобы не обидеть и без того расстроенную мать. Приняв серьёзный и вместе с тем восторженный вид, Павел заговорил соответствующим тоном:

- Наверное, мне повезло, мама. Так бывает только в сказках. Ты, безусловно, права, утверждая, что мой круг общения пока ограничен в силу известных обстоятельств. Но вчера я по воле случая соприкоснулся с миром творческой богемы. Это невероятно, мама! Совсем ещё молодые ребята настолько погружены в музыку, что готовы часами говорить о ней. Да что там говорить? Они живут музыкой.

Наверное, Елена Сергеевна успела утратить способность критически воспринимать экспромты сына. А может, ей просто очень хотелось верить в чудо. Как бы там ни было, но выслушав яркое вступление, женщина с готовностью включилась в диалог. Впрочем, в её голосе по-прежнему звучали нотки сомнения:

- Интересно, Павлик. Я допускаю, что ты мог встретиться со студентами консерватории. Только для меня остаётся за-

гадкой, чем ты смог их заинтересовать? Я ни за что не поверю, что в тех ужасных условиях ты смог полюбить классику. Прости, что невольно напомнила. Если желаешь, мы можем прекратить разговор. Я вполне удовлетворена твоим объяснением.

Пашка хотел, но не смог остановиться. Его понесло. Он вдруг снова почувствовал себя необременённым прошлым юнцом:

- Всё предельно просто, мама. Я проголодался и наугад забрёл в кафе. Оказалось, что в заведении собираются студенты консерватории. Кафешка почти напротив памятника Петру Ильичу. Ребята так галдели, что я не выдержал и ляпнул, мол, в музыке «Дип Пёрпл» гораздо больше эмоций и чувства, нежели у какого-нибудь Шнитке. Я думал, что они меня заколют своими смычками и забьют литаврами до смерти. Но оказалось, что в их среде немало истинных знатоков рока. Даже среди профессорско-преподавательского состава. Представляешь, мама? Профессор консерватории на досуге наяривает на «Франкенстрате»?

Елена Сергеевна, догадавшись, что попросту попалась на удочку, решила сохранить лицо. Остановив сына небрежным жестом, задала вопрос, который в общем-то не нуждался в ответе:

- Всё ясно, Павлик. Только непонятно, зачем было так напиваться?

Пашка серьёзно посмотрел на мать:

- Я же тебе сказал, мама. Так получилось. Поверь, по-другому было нельзя. Если честно, то я совсем немного выпил. Даже не думал, что на меня так подействует. Мне на самом деле очень стыдно перед вами. Я ведь даже не помню, как дошёл до подъезда. Помню, что обменялся с ребятами телефонами, потом они поймали для меня такси и исполнили на прощанье что-то из Шопена...

Елену Сергеевну даже передёрнуло от ужаса:

- Надеюсь, Павлик, это был не «Траурный марш»?

Пашка, сообразив, что в своих фантазиях хватил через край, поспешно перебил:

- Нет мама. Я ошибся. Это был не Шопен. Это было «Прощание славянки».

В дверях столовой показалась Аннушка с небольшим подносом, на котором красовался запотевший стакан с мутной жидкостью. Помещение моментально наполнилось ароматом укропа и других пряностей. Пашка, непроизвольно сглотнул и уже протянул руку вперёд, как глубине квартиры зазвенел телефон. Обе женщины почему-то посмотрели на парня. Тот удивлённо пожал плечами:

- Не понимаю. Может, студенты проснулись? Интересно, что им от меня нужно? Не переживайте. Я сегодня никуда не собираюсь идти. Вчерашних подвигов за глаза хватило.

Поднимая трубку, Пашка уже наверняка знал, что загадочный звонок адресован именно ему. Объяснить свою уве-

ренность он даже не пытался, поскольку это было невозможно, да и времени на раздумья у него попросту не было.

- Слушаю вас. – Павел старался говорить спокойно, чтобы ненароком не выдать волнение. – Говорите.

- Квартира Коробовых? – Уточнила трубка мужским голосом.

- Именно так.

- Я могу поговорить с Павлом Юрьевичем?

- Я вас слушаю. – Пашка вдруг успокоился и попытался представить, как выглядит его собеседник на том конце провода. Мозг моментально изобразил молодого высокого человека с короткой стрижкой, одетого в белую рубашку с галстуком от Бориса-крановщика. Видение продержалось мгновение и исчезло, растворившись в словах таинственного абонента.

- Добрый день, Павел Юрьевич. Вас беспокоит сотрудник районного отдела комитета государственной безопасности старший лейтенант Заварзин Валерий Тимурович. Вы не могли бы прибыть в отдел к шестнадцати часам? Адрес я сейчас продиктую.

Едва успокоившийся Пашка вновь занервничал и попытался найти подходящий повод для отказа. Получилось по-детски наивно и глупо:

- Сегодня никак. Я обещал маме никуда не выходить...

Он отдал бы полжизни, чтобы вернуть время назад и вычеркнуть из жизни дурацкий эпизод. Сотрудник Заварзин

наверняка уловил состояние собеседника и сжалился. По крайней мере в его голосе не было намёка на издёвку:

- Поймите, Павел. Мне очень не хочется беспокоить ваших родителей. Я мог бы вызвать вас повесткой, но решил пригласить по телефону. Беседа займёт часа два. Вы сейчас успокойте матушку. Скажите, что девушка с приятным голосом номером ошиблась. Вот вы и увлеклись разговором. А я через десять минут организую звонок из военкомата. Только к телефону не подходите. Так вас устроит? Тогда записывайте адрес.

Глава 5. Неделей ранее

Председатель комитета вернулся от генерального в неважном расположении духа. Виктор Михайлович был недоволен приёмом, оказанным ему первым лицом, и с раздражением думал о том, что, просидев в кабинете руководителя не меньше часа, он так и смог понять, зачем Михаил Сергеевич пригласил его к себе. «Никакой конкретики, сплошная вода. – Не успокаивался Чебриков, устраиваясь за рабочим столом. – Странно, я старше всего на восемь лет, а чувствую себя рядом с ним старым маразматиком. Я его просто не понимаю. Иногда мне кажется, что Юрий Владимирович ошибся в оценке Горбачёва. Ладно. К чему всё это? Время вспять не повернуть, ошибки не исправить. Вопрос в том, было ли это ошибкой? Не Романова же к власти допускать? Андропов даже пальцем не пошевелил, когда запустили «утку» по

поводу шикарной свадьбы дочери Григория Васильевича и разбитых сервизов из Эрмитажа. Дескать, на каждый вражий чих не набегаешься. Всё, хватит! Иногда мне кажется, что руководство больше занято внутренними интригами вместо реальной работы на благо страны. Не к добру это всё. Ох, не к добру».

Поостыв, Виктор Михайлович прошёлся по кабинету и, вернувшись к столу, нажал кнопку селектора:

- Пригласите ко мне начальника второго главка.

Генерал закончил доклад по текущим делам и, закрыв папку, вопросительно взглянул на Председателя:

- У вас есть замечания к работе управления? Готов выслушать, принять к сведению и внести коррективы.

Чебриков вздохнул. Ему стало неловко перед заместителем, поскольку, не сумев до конца справиться с переживаниями, выслушал отчёт без должного внимания. Полистав для вида рабочую тетрадь, Виктор Михайлович всё-таки заставил себя собраться и начать разговор, ради которого пригласил подчинённого:

- Нет, Иван Алексеевич, по текущим делам у меня замечаний нет. Буду с вами предельно откровенным: мне не нравится возня западной прессы вокруг имени первого секретаря московского комитета партии Ельцина. Товарищ не так давно приступил к обязанностям, а за кордоном нет-нет, да и проскочит статейка о его, скажем так, неординарных подхо-

дах к делу. На мой взгляд, нам следует рассмотреть минимум два варианта развития событий. Либо Бориса Николаевича, по непонятным пока причинам, хотят дискредитировать в глазах высшего партийного руководства. Либо напротив, решили сделать на него ставку как на перспективного агента влияния. В будущем, конечно. Со всеми, так сказать, вытекающими. Должен заметить, что и в том, и в другом случае вам необходимо обеспечить надлежащий контроль над его окружением. Причём не только над ближайшим. Нам нужны преданные люди, скажем так, на дальних подступах. Политика открытости внешнему миру, проводимая партией, безусловно, верна и является единственно правильной. Но она многократно усиливает ответственность комитета в плане чистоты партийных рядов. Мы обязаны, Иван Алексеевич, обеспечить безопасность коммунистов руководящего звена и оградить их от возможных происков со стороны враждебных элементов. Это только на словах запад ждёт нашего пришествия с распростёртыми объятиями. Не мне вам говорить, что в реальности количество врагов нашей страны увеличивается чуть ли не в геометрической прогрессии. Как и количество «туристов», имеющих прямое либо косвенное отношение к спецслужбам. Только законченный идеалист-романтик может думать, что империалистам нужен сильный Союз. — Спohватившись, что наговорил лишнего, поспешил перейти к делу. - У вас есть соображения по этому поводу?

Генерал сделал вид, что не заметил излишней эмоцио-

нальности председателя. Он знал, что тот вернулся из Кремля и догадался, что поездка, как говорится, не задалась. Маркелов понимал, что Чебриков просто не имеет возможности называть вещи своими именами, и поэтому ограничился только одной фамилией высокопоставленного, но всё же не имеющего значительного влияния на политическую жизнь государства партийца. Иван Алексеевич мог, не выходя из кабинета, добавить к этой фамилии ещё с десятков, подкрепив информацию достоверными фактами. Однако, благоразумие взяло верх. Начальник главка посчитав, что всему своё время, решил не преступать черту, обозначенную руководителем:

- Комплекс мероприятий уже запущен, Виктор Михайлович. Наши аналитики подготовили справку, из которой следует, что интерес зарубежных спецслужб к персоне первого секретаря МГК — это стандартная реакция на назначение нового руководителя. На сегодняшний момент Борис Николаевич ещё не обрёл серьёзного политического веса, поскольку только осваивается в новой должности и формирует команду. Личность, безусловно, неординарная и, можно сказать, амбициозная. Но его амбиции — это амбиции «удельного князька», который верой и правдой служит «государю». Не более того. Специалисты уверены, что Ельцин твёрдо придерживается политики партии и не склонен к ревизионизму, а тем более к авантюризму. Хотя некоторые предпосылки к тому есть. Если коротко, то он не способен само-

стоятельно сформулировать цель, выработать эффективную политическую программу, отвечающую запросам общества и воплотить её в жизнь. Для этого ему нужен руководитель. А если уж совсем коротко, то он «ведомый», а не «ведущий»

...

Чебриков редко позволял себе перебивать докладчика. Но сегодня ему было не до этикета:

- Я вас правильно понял, Иван Алексеевич, что если Ельцину оказать надлежащую интеллектуальную и материальную поддержку, то он вполне может поднять уровень своих амбиций от местечковых до государственных? Тем более, что обстановка в стране не так стабильна как нам бы хотелось. Слишком много развелось псевдореволюционеров. Диссиденты снова в моду вошли. Впрочем, я не об этом.

Маркелов задумался на несколько секунд, а затем ответил не очень уверенным тоном:

- Если оставить в стороне идеологию, то да.

Председатель с трудом сдержал раздражение. Он не любил уклончивых ответов:

- Забудем на время об идеологии. Я хотел бы в общих чертах ознакомиться с планом оперативных мероприятий. Вы готовы?

- Так точно. – Генерал снова открыл папку с документами. – Разрешите?

Поздним вечером генерал Маркелов, вернувшись от пред-

седателя, вызвал к себе начальника отдела на внеплановое совещание. Ознакомив полковника с коррективами, внесёнными в план Чебриковым, изучающе посмотрел на подчинённого:

- Что думаешь, Фёдор Иванович? Не рано мы волну разгоняем?

Опытный оперативник, понимая озабоченность начальника, поспешил успокоить генерала:

- Умные люди говорят: «Лучше раньше, чем никогда». Профилактика лишней не бывает, Иван Алексеевич. Тем более, что есть информация к размышлению. В ближнем окружении Ельцина присутствует такой Коробов Юрий Алексеевич. Старый соратник Бориса Николаевича. Настолько преданный своему шефу, что тот планировал назначить его на своё место. Что-то там не сложилось, и Ельцин забрал Коробова в столицу.

- Не вижу связи, товарищ полковник. По крайней мере, пока не вижу. Поясни. – Генерал устал и не собирался скрывать этого. - Причём здесь полный тёзка Гагарина?

Фёдор Иванович охотно согласился:

- Вы правы, Иван Алексеевич. Связь слабовата. Но дело в том, что сын Коробова, можно сказать, был сослан в Афганистан, во избежание судебного преследования. История тёмная, но мы её поднимем при необходимости. Согласитесь, случай неординарный. Я имею в виду службу младшего Коробова в ограниченном контингенте.

- И что? – Маркелов начал терять терпение. – Не тяни, Фёдор. И без тебя голова трещит. Председатель всю душу из меня вынул, а теперь ты со своими Коробкиными.

Полковник не стал поправлять начальство, а сразу приступил к главному:

- Коробов-младший попал в плен и какое-то время был вынужден контактировать с сотрудником ЦРУ Джейком Робертсом. Завтра-послезавтра материалы по делу Павла Коробова поступят в отдел.

В глазах начальника появился интерес:

- Я начинаю понимать тебя. Продолжай.

Фёдор Иванович торжествующе улыбнулся:

- Всё сходится, товарищ генерал. Сын Коробова на днях возвращается в отчий дом, а господин Робертс направляется в Москву как специалист-консультант по работе с молодёжью. Мы уже запросили материалы на него у коллег. Мне кажется, что встреча старых «друзей» неизбежна. Связь, конечно, микроскопическая, но лиха беда начало. Главное - есть за что зацепиться.

- Лихо! – Генерал даже руки потёр от удовольствия. – Кому думаешь поручить разработку?

- Капитану Трунову. Его тема. Сам в Афгане повоевал. Найдёт общий язык и с тем, и с другим. - Немного подумав, решился. – Кстати сказать, Виктор Михайлович в курсе истории Коробовых. Насколько я помню, отец обращался к нему за помощью.

Начальник главка пожал плечами. Мол, Чебриков много чего знает. Ему по должности положено.

Не дождавшись ответа, Фёдор Иванович закончил, старясь не смотреть на руководство:

- Если мне не изменяет память, то Коробов-младший сумел добраться до правительственного самолёта. Под эту лавочку наш Ошпаренный с десятков человек к госнаградам представил. Так сказать, «непосредственных участников» ...

Генерал, машинально оглядевшись по сторонам, осадил не в меру разошедшегося подчинённого:

- Ты словами-кличками не бросайся. Не надо. Что за жаргон? «Лавочка», «Ошпаренный». Не приведи Господь, «Сам» узнает, как его подчинённые прозвали. Оргвыводы последуют жёсткие. Даже не сомневайся.

Глава 6. Фартовый Трунов и другие...

В главке Дмитрия Игоревича Трунова считали счастливым. Ещё бы! Попасть в центральный аппарат КГБ СССР в таком возрасте, да ещё без связей и протекции влиятельных родственников иначе, как удачей не назовёшь. А может, всё-таки у него кто-то есть? Сам Дмитрий никогда не рассказывал коллегам по отделу подробности своей «оглушительной» карьеры, отделяясь от расспросов шуточками в стиле Хазанова или попросту сбегая от любопытствующих под предлогом занятости. Как известно, чекисты - люди с холодными головами, горячими сердцами и чистыми руками. Но не

только. Чекисты - народ понимающий. В конце концов, приняв назначение в отдел молодого Трунова как данность, коллеги оставили парня в покое, окрестив между собой «Фартовым». Видимо, сослуживцы посчитали, что псевдоним внутреннего пользования «Счастливчик» звучит легкомысленно, даже с некоторым налётом профессиональной зависти. А вот Фартовый, хоть и с блатным оттенком, будет в самый раз.

В жизни каждого человека существуют рубежи, разделяющие на «до» и «после». К двадцати семи годам Дмитрий насчитывал в своей коллекции целых три судьбоносных события. Первым по сроку и значимости Трунов считал Афганистан, куда был направлен практически сразу по окончании танкового училища. Отвоевав командиром взвода положенные два года, Дмитрий вернулся в Союз с орденом «Красная Звезда» и с твёрдым намерением продолжить службу в танковых войсках. Не сложилось. В тот день, когда старший лейтенант Трунов направлялся в новую часть, чтобы представиться командиру полка, к строевику накоротке заглянул особист, в надежде заполучить мало-мальски подходящего кандидата для отбора на курсы военной контрразведки в Новосибирск. Ничего не поделаешь. План есть план. Майор-строевик, недолго думая, подсунул надоедливому «молчи-молчи» личное дело вновь прибывшего офицера. Так, прослужив в полку чуть больше месяца, старший лейтенант на целый год снова оказался курсантом. Дмитрий, конечно,

мог отказаться от предложения, но это было не в его характере. Идеалист по натуре, Трунов искренне считал, что служить надо там, куда родина пошлёт.

Третий рубеж в судьбе будущего капитана «обозначил» лично начальник отдела полковник Кулак. Фёдор Иванович прибыл с инспекцией в Дальневосточный военный округ, чтобы на месте разобраться в сложившей обстановке, а заодно подыскать толкового сотрудника на вакантную должность. Если повезёт, конечно. Командировка высокопоставленного чекиста совпала с раскрытием весьма сложного дела, растянувшегося на целое десятилетие. Опытный оперативник моментально уловил нестыковки в докладе начальника особого отдела, явно стремившегося присвоить себе главную роль в раскрытии. Фёдор Иванович тут же загнал подполковника в угол логичными вопросами и заставил назвать фамилию настоящего автора успешной операции. Через полгода старший лейтенант Трунов прибыл в Москву, чтобы продолжить службу в центральном аппарате.

С тех пор прошло почти три года, в течение которых полковник Кулак ни разу не пожалел о своём выборе. Как-то начальник главка, будучи не в лучшем настроении, обмолвился. Дескать, Трунов хоть и подаёт определённые надежды, но в настоящего опера вырасти ему не суждено. Уж больно прямолинеен и бесхитростен бывший танкист. Мол, идеализмом от него за версту прёт. Полковник не стал спорить с

руководством. Просто вздохнул и ответил голосом, полным сочувствием к себе и к генералу: «Что ж здесь плохого, если сотрудник, прошедший Афган, до сих пор верит в идеалы? Я иногда завидую Фартовому. Честно говоря, мы свой идеализм давным-давно подрастеряли, Иван Алексеевич. А зря. Людей за цифрами видеть перестали. Так-то оно, конечно, лучше... в плане служебного роста. Но порою на душе мутно становится. Как будто мордой в лужу плюхнулся. Да со всего разбега, да ещё и в самую вонючую...»

Маркелов, не найдясь с ответом, отмахнулся: «Свободен! Иди работай, философ хренов...». С тех пор генерал никогда без надобности не обсуждал подчинённых Кулака.

Полковник, закончив совещание, жестом остановил Трунова и, проводив взглядом сотрудников, извлёк из ящика стола тонкую пачку стандартных листов.

— Это твоя копия. Только что допинформация пришла на агента Робертса. Изучи обстоятельно. Личность довольно любопытная. Его связь с Лэнгли сомнений не вызывает. Хотя официально Алжирец теперь на службе не состоит. Я думаю, что цэрэушники решили полностью отмыть своего коллегу. Бывшего коллегу. Зачем? — Внезапно замолчав на несколько секунд, неожиданно поменял тему. — Ты слышал что-нибудь про Сороса?

Трунов, за три года привыкший к стилю начальника, невозмутимо отчитался:

- В общих чертах, товарищ полковник. Крупный биржевой спекулянт международного уровня. Еврей, родом из Венгрии. Сейчас проживает то в Штатах, то в Англии. У нас таких называют «Без определённого места жительства». Сокращённо «БОМЖ». Считает себя поборником демократии. Если есть необходимость, Фёдор Иванович, то я могу к завтрашнему утру подготовить объективку.

- Не стоит. Материалы на этого жидомасона у меня есть. К чему я спросил? Да потому что «наш» Робертс теперь подвизается в одном из многочисленных филиалов фонда «Открытое общество», основанное Соросом на исторической родине. Я не Израиль имею ввиду, а социалистическую Венгрию. Выходит, что якобы бывший цэрэушник теперь работает на сверхуспешного биржевого спекулянта-миллиардера. Я тебе, Дима, больше скажу: есть сведения от надёжного источника, что, мать твою, господин Сорос намерен открыть свою помойку и у нас. И именно для этого в Москву прибывает целая команда его экспертов. В том числе и Робертс. Будут связи налаживать и почву готовить для встречи на верхнем уровне. Теперь ты понял, почему нам так важны отец и сын Коробовы?

Дмитрий удивлённо взглянул на руководителя:

- Так я и не сомневался, товарищ полковник. С курсантских лет не приучен приказы командиров обсуждать. Я внимательно изучил материалы дела Павла Коробова. Сильный парень. Столько перенёс и не сломался. В нём есть потенци-

ал разведчика.

Фёдор Иванович усмехнулся:

- Надо же? А ты, я вижу, психолог. — Слегка наклонившись вперёд, продолжил тоном учителя начальных классов. — Запомни раз и навсегда, Дмитрий Игоревич: в любых объяснениях, данных под протокол, всегда есть недосказанность. Я имею в виду не разгильдяйство дознавателя, который по лености своей порой пропускает целые эпизоды, а намеренное замалчивание допрашиваемым деталей, которые, на его взгляд, могут быть истолкованы не в его пользу. Это естественно. Человек всегда стремится показать себя с лучшей стороны. Если у него голова на плечах, а не тыква. Чтобы ручаться за человека, надо с ним пуд соли съесть. А ты, даже не пообщавшись с Коробовым, уже готов расписаться за него. С выводами спешить не стоит.

Трунов никогда не спорил с руководством, потому что считал это дело пустой тратой времени. Но сейчас удержаться не смог:

- А я, товарищ полковник, не ручался за него. Просто поделился первыми впечатлениями, изучив исходники. Вы же не будете возражать, если Павел пойдёт на сотрудничество? О таком агенте можно только мечтать: интеллектуал, спортсмен, полиглот. Плюс самый настоящий боевой опыт. Я уверен, что смогу найти с ним общий язык. Афганистан поможет. Правда, служили в разное время и в разных званиях. Но это вопрос решаемый.

Полковник взглянул на часы и подвёл итог:

- Будем считать, что мы с тобой тоже нашли общий язык.

По крайней мере в этом вопросе. Ступай. Готовься. И не забывай, что Робертс помог Коробову бежать из плена. По сути, жизнь ему спас. Так что твой афганец в долгу перед ним. А порядочные люди с малых лет приучены долги отдавать. Вот и выходит, Дима, что не всё так просто.

Глава 7. Два «афганца»

Пашка спустился с крыльца и увидел служебную «Волгу» отца, стоящую напротив подъезда. Парень удивился, так как по времени Юрий Алексеевич должен быть ещё на работе. Подавив мальчишеское желание свернуть за угол, решительно зашагал навстречу.

- Привет, батя! Ты сегодня рано.

Отец, картинно побряхтывая, выпрямил спину:

- Старость - не радость. Умные люди так говорят. – Коробов-старший явно рассчитывал услышать от сына возражения или комплимент по поводу возраста, но не дождался. – В последнее время я работаю в режиме свободного графика. Коллеги знают о нашем возвращении в Свердловск и стараются лишний раз не докучать. С одной стороны замечательно, а вот с другой... а с другой чувствую себя отрезанным ломтём. Честно сказать, ощущения не из приятных. Словно повинность отбываю или штаны протираю.

Павел кивнул с рассеянным видом:

- Понятно. Аннушка стряпню там затеяла. Запах на весь подъезд. Скоро соседи в очереди места занимать станут. Так что можешь опоздать. Ладно, батя. Я пошёл.

Юрий Алексеевич, машинально взглянув на часы, не на шутку встревожился:

- Постой. Ты куда? От тебя до сих пор перегаром пахнет. А ну-ка пошли домой. Пошли, пошли, тебе говорят! Скажи спасибо, что вчера легко отделался и в милицию не загремел. Мало тебе Свердловска? О нас с мамой бы подумал!

Пашка хотел было взбрыкнуть, но передумал:

- Нет, батя. Я слово дал, что со спиртным завяжу. Значит, считай, что уже завязал. В военкомат вызвали зачем-то. Аннушка толком объяснить не смогла. Это она по телефону разговаривала.

Коробов-старший подозрительно посмотрел на сына:

- В военкомат, говоришь? Странно. Я на всю оставшуюся жизнь их распорядок выучил и точно знаю, что сегодня нет приёма. Темнишь?

Павел удивлённо расширил глаза:

- А смысл? Мне от тебя скрывать нечего, батя. Друзей, кроме консерваторских, у меня в Москве нет. Бухать, извини, я не собираюсь. Не веришь мне, спроси у мамы. Она рядом с Аннушкой стояла. Вернее, сидела... Ну, ты меня понял. Не задерживай, батя. Не люблю опаздывать. Сам меня к пунктуальности приучил.

Юрий Алексеевич был опытным партаппаратчиком и умел по едва заметным признакам уловить ложь в словах более искушённого собеседника, чем собственный сын. Мгновенно перебрав в голове варианты, выбрал, на его взгляд, беспроегрышный:

- Знаешь, сынок, что самое скверное в семейных отношениях? Это когда близкие люди врут друг другу. Даже в мелочах. Ложь накапливается, а потом рушится на всех без разбора, разрывая, казалось бы, прочные связи.

Пашка, не ожидавший подобного экспромта, с уважением взглянул на отца:

- Ну ты прям поэт, батя! Ладно. Только обещай маме не рассказывать. – Непроизвольно оглянувшись по сторонам, заговорил едва ли не шёпотом. - Короче, меня районные кэгэбэшники к себе вызвали. Для чего - не знаю. Честно. Очень просили тебя в известность не ставить. Я им обещал, батя.

Странно, но известие о вызове в районный отдел КГБ, почему-то успокоило Коробова-старшего. А может, просто сработало правдивое признание Павла. Улыбнувшись с видом знатока, Юрий Алексеевич тут же поделился своими соображениями:

- Обычная практика, сынок. Они ведь должны тебя на какой-нибудь «спеучёт» поставить? Кстати, меня предупреждали, что с тобой время от времени будут проводить собеседования. Ничего не поделаешь, таковы правила. Повод у чекистов есть. Притом серьёзный. Тебя подвезти?

- Ты меня слышишь, батя? – Вяло повозмутился Пашка. – Увидят твою машину, сразу поймут, что я забил на их просьбы. Ладно, батя. Пошёл я. Раньше сяду - раньше выйду.

- Типун тебе на язык...

Пашка ещё на подходе к двухэтажному кирпичному зданию приметил невысокого, чуть полноватого, лет сорока, мужчину в бледно-оранжевой рубашке с коротким рукавом и светлых брюках-клёш. «Смешно. Дядька как из семидесятых материализовался. – Думал Коробов, ища глазами табличку с номером. – Блин! Ни названия переулка, ни номера... Нехорошо, если опоздаю. Подумают, что я за отцовской спиной решил отсидеться. Спрошу-ка у этого стилиги, вдруг подскажет?»

К его удивлению, мужчина, заметив Пашкин интерес к особняку, сам шагнул навстречу:

- Павел Коробов? Верно? – Поинтересовался для приличия неизвестный. – Я вас сразу узнал, хотя на фото ты выглядишь десятиклассником. – Заметив неприкрытое изумление в глазах Коробова, молодцевато приосанился. - Старший лейтенант Заварзин Валерий Тимурович. Это я вам... тебе звонил. Пройдём?

«Вот тебе и молодой, высокий, с короткой стрижкой! – Думал Пашка, поднимаясь вслед за пыхтящим сотрудником на второй этаж. – Впрочем, с причёской я практически уга-

дал. На лысой голове волос и с микроскопом не найти. Интересно, почему старлей заявил целых два часа? О чём мы говорить будем? Если отец прав, то беседа должна ограничиться уточнением анкетных данных и расспросами о моих планах на будущее. Дел минут на пятнадцать, не более того. Ладно. Как говорится, главное, чтобы старлей правильным мужиком оказался. Если так, то он обязательно поможет про Фрола разузнать. Не может быть, чтобы Олег исчез бесследно. Где-то должен был засветиться. Главное начать, а там разберусь».

Сотрудник, остановившись у дверей кабинета, ещё раз оглядел посетителя и пробурчал, не скрывая недовольства:

- Начальство из главка прибыло по твою душу, а ты оделся как оборванец. Даром, что штаны не рваные. Мог бы и костюм надеть, ради приличия.

Пашка, ответно оглядев старшего лейтенанта с ног до головы, хотел было от души пройтись по его одежде, но сдержавшись, с покаянным видом пожал плечами:

- Виноват, товарищ старший лейтенант. Больше не повторится. – Окончательно справившись с желанием подурачиться, поинтересовался, кивнув на дверь. – Так это не вы со мной беседовать будете? А я уже настроился.

- Ты чем думаешь, Коробов? Я же сказал: «Начальство из главка приехало». Слушать надо, а не мух ловить. Песенка у вашего брата-афганца есть на эту тему. «Каскад» по-моему исполняет.

Услышав про Афганистан, Павел внезапно разволновался и, не сумев совладать с нервами, заговорил быстро, не обращая внимания на последовательность:

- Хорошо. Не буду мух ловить... Я серьёзно. Подождите, Валерий Тимурович! А можно я после беседы с начальством к вам обращусь? У меня друг в Афгане пропал... Вернее не пропал, а потерялся... То есть, я потерялся... Мы вместе с Фроловым в плену были... Он вернуться за мной должен был с лекарствами и с оружием, но охотники раньше пещеру нашли... Эти охотники меня дважды Кабиру возвращали... Я ведь второй раз тоже сумел сбежать. На лошади... А потом духи сказали, что Олега нашим снарядам разорвало... Но я им не поверил.

Лицо Заварзина просветлело сочувственной улыбкой:

- Не менжуйся, парень! Если всё пройдёт как надо, то тебе со стороны комитета любая помощь гарантирована. В рамках разумного, естественно. Ты только посмелее будь. И поосторожней с ответами. Я человек простой. Так сказать, из народа. Со мной можно дурака валять, а с начальством не советую. У коллег из главка возможностей гораздо больше, чем у районного опера. Ну что, друг мой Пашка? Пошли?

«Зачем я согласился на курсы? – Думал Дмитрий, без улыбки глядя сверху на стоящую у входа в особняк комичную своей внешней несовместимостью парочку. – Ведь мог бы отказаться. Служил бы сейчас в войсках и в ус не дул. Мне иногда запах соляры снится и свежавыкрашенные тра-

ки. Ольга говорит, что я во сне рычагами двигаю. Вперёд-назад... Большие звёзды — это не про меня, но до комбата наверняка бы дослужился. Куратор сказал, что анкета без пятнышка и при соответствующих успехах в работе у меня прямая дорога в Краснознамённый институт КГБ. Но дело-то не в этом. Я ведь искренне считал, что приглашение на службу в комитет - не просто удачное стечение обстоятельств, а настоящее призвание, про которое раньше не знал. Что-то пошло не так. Взять хотя бы последнее задание. Там, наверху, кто-то явно проталкивает в Союз фонд Сороса. Для чего? Ведь он даже не маскируется. Достаточно прочитать в западной прессе интервью с этим деятелем, чтобы понять его отношение к соцлагерю. Сорос открытым текстом, абсолютно не стесняясь, указывает на Союз как на врага демократии, которого нельзя «излечить». Только уничтожить. Следовательно, те, кто содействует этому спекулянту, являются предателями. И неважно, под каким соусом они подают эту идею. Брежневский период официально объявили застоём. Лектор на последнем информировании заявил, что руководство страны ищет пути выхода из этого самого «застоя». Ну не бред? Почему они считают, что в нашей стране нет своих специалистов в области экономики? А сотни НИИ? Доктора наук и прочие «доценты с кандидатами»? Они что, зря зарплату получали все эти годы? Почему, в конце концов, не обратиться к китайскому опыту? Гордость не позволяет? За шесть лет реформ Китай добился реальных успехов. А мы

второй год топчемся на месте, ищем пути выхода из застоя и обращаемся за помощью к западу. Где логика? Любой ребёнок знает, что если отдать игрушки хулигану, то он не успокоится, пока не заберёт последние. Почему Чебриков не может с высокой партийной трибуны заявить о предательстве конкретных лиц? Он же их поимённо знает. За карьеру боится? Пенсию? А как же долг коммуниста? Или это только высокие слова? Нет. Пожалуй, зря я согласился ехать на курсы. Служил бы сейчас в войсках и в ус не дул».

Осторожный стук в дверь прервал тяжкие размышления капитана в самый подходящий момент.

Старший лейтенант, представив Коробова сотруднику центрального аппарата, с надеждой посмотрел в глаза капитана:

- Я пойду с вашего позволения, Дмитрий Игоревич? Если что, кофе растворимый и чай в пакетиках на полке в шкафу. Электрочайник в рабочем состоянии. Дверь закроете, а ключ дежурному оставьте. Я с ним договорился. Вам расписываться в журнале не надо.

- Спасибо большое, Валерий Тимурович. Не смею задерживать. – Трунов, пожав протянутую руку хозяина кабинета, снова опустился в кресло и с интересом взглянул на Пашку. – Изучаешь? Ну-ну. Правильно делаешь, Павел Юрьевич. Только сразу скажу, что я тебе не враг и постараюсь доказать это на деле.

Пашка сумел сдержать усмешку. Ему хватило минуты, чтобы справиться с нервами. Было немного стыдно перед Заварзиным за срыв и несвязный лепет, но тот уже вышел из кабинета. А это значит, что знакомство с «начальством из главка» можно начинать с чистого листа и даже попробовать диктовать свои условия сотрудничества. В том, что его пригласили именно для подписания неких документов, Павел перестал сомневаться, увидев сидящего за столом того самого высокого, молодого с короткой стрижкой кэгебэшника, которого нарисовал мозг во время телефонного разговора.

- А докажите, товарищ эээ... - Коробов намеренно сделал паузу, чтобы дать возможность собеседнику представиться.

Трунов, по достоинству оценив нарочитую деликатность парня, решил обозначить пределы допустимого:

- Павел Юрьевич, если вас волнует уровень моих полномочий, то уверяю, он достаточно высок. И пусть вас не смущает звание «капитан». Главное не в званиях, а в людях и в их отношении друг к другу. Или есть возражения? Кстати, вы смело можете обращаться ко мне по имени-отчеству.

Пашка с удивлением почувствовал, что невозмутимое спокойствие и рассудительность Трунова вызывает в его душе не только симпатию, но ещё и доверие. И всё-таки он не стал отказываться от первоначального, свёрстанного на бегу плана.

- Возражений нет, Дмитрий Игоревич. Кстати, вы можете обращаться ко мне на «ты». Мне так привычней. – Заметив

короткую улыбку на лице сотрудника, решительно перешёл к делу. – Я всё понимаю и, чтобы не тратить ваше время, сразу скажу: я готов к сотрудничеству, но только в том случае, если вы поможете разыскать моего друга Олега Фролова, с которым мы вместе бежали из плена. Вот такое, простите, условие, Дмитрий Игоревич. Единственное и необсуждаемое.

Трунов с сожалением посмотрел в глаза Коробова:

- Знаешь, Павел, в чём разница между нами? Думаешь, в погонах или в полномочиях? И давай оставим Афган в стороне. Мне тоже довелось там повоевать. Два года командиром танкового взвода. От звонка до звонка. Так что в этом смысле мы с тобой на равных. Так вот. Разница в том, что твой друг Олег для меня не предмет, извини, торговли, а человек попавший в беду. Ты можешь смело и без негативных последствий отказаться не только от сотрудничества, но даже от разговора со мной. Я всё равно сделаю всё возможное, чтобы его разыскать. Хотя бы след. И знаешь почему? Потому что своих не умею бросать. Не научен.

Пашке нечего было ответить. Он молча сидел с опущенной головой и чувствовал, как кровь пульсирует в висках. Трунов, выдержав минуту, сам возобновил разговор:

- Давай сделаем так, Павел. Я внимательно изучил материалы дела и в общих, лучше сказать, в «формальных» чертах знаю, при каких обстоятельствах ты попал в плен и как тебе удалось прорваться к самолёту посольства. Но я прошу рассказать мне всё самого начала. Всё, что ты найдёшь нужным.

Для меня это очень важно, Паша. Я принципиально не буду акцентировать внимание на некоторых эпизодах, поскольку считаю неправильным определять за тебя степень важности. Это твоя история и твоя жизнь. Ты согласен? Тогда с твоего позволения я включу диктофон.

- Без проблем. – Произнёс Коробов-младший заметно севшим голосом. – Я плохо соображаю после вашей порки. Подскажите, Дмитрий Игоревич, с чего мне начать?

Дмитрий настороженно взглянул на собеседника. Он по-прежнему боялся испугнуть парня. Немного подумав, всё-таки рискнул:

- Давай начнём с того момента, как ты попал в армию.

Пашка равнодушно кивнул:

— Значит, с той долбанной вечеринки? Хорошо, Дмитрий Игоревич. Пожалуй, так оно вернее будет.

Павел целую минуту собирался с мыслями и вдруг неожиданно для Трунова коротко рассмеялся.

- Что с тобой? – Дмитрий даже руку убрал от диктофона. – Анекдот вспомнил?

Коробов снова стал серьёзен:

- Знаете, Дмитрий Игоревич? Меня вчера по-настоящему жгло изнутри желание рассказать кому-нибудь свою историю. Я даже водку купил и в пивбар пошёл, чтобы слушателей-собутельников найти. Не получилось.

- Почему?

- Не знаю. Сначала первые мужики с выпивкой перебор-

щили, а потом рокеры, узнав про плен от милицейского наряда, слова сказать не дали. Напоили под «металл» и в такси на руках отнесли. Душевные ребята эти неформалы. Так что, по большому счёту, мне с вами крупно повезло.

- С нарядом проблем не возникло? – В голосе Трунова звучала тревога. – Протокол составляли?

- Нет. Я спокойно себя вёл. Да и старшой оказался с пониманием. Только зря он вслух справку из посольства прочитал. Хотя с другой стороны...

- Постой, Павел. – Дмитрий не стал дослушивать и без того понятную концовку. - Что за справка? Мне можно ознакомиться?

- Можно. Только она дома. – Пашка внезапно встревожился. – Мне надо родителям позвонить. Разговор быстрым не получится. Мама будет волноваться, если я приду поздно. Разрешите?

Трунов, немного подумав, покачал головой:

- Нет, Паша. Тебе им просто сказать нечего. Девушкой ты ещё, я думаю, не обзавёлся. А после вчерашней попойки с рокерами у тебя вообще вариантов не осталось. Однозначно подумают, что ты опять загулял.

- Как быть?

- Мама — это святое. Тем более, что Елена Сергеевна ещё не вполне здорова. Поступим так: я на неделе выберу окошко и заранее назначу день. Ну, а ты подготовь себе подходящую легенду, чтобы родителей не беспокоить. Очень тебя

прошу быть сдержаннее и не искать приключений на одно место. Вот мои координаты. Звони, если что. Хотя желательно обойтись без этого «что».

Глава 8. Сыновний долг

Трунов с видимым удовольствием пожал пашкину ладонь. Он с училищных лет не любил вялые мужские руки. Ему казалось, что человек демонстрирует неуважение, протягивая расслабленную кисть.

- Может, подвезти?

Пашка, взглянув на запястье, отрицательно мотнул головой:

- Пешком пройдуся. Надо время убить. У нас с вами слишком короткая беседа получилась. Мама, конечно, вряд ли обратит внимание, но подстраховаться стоит.

- Молодец. - Дмитрий в знак одобрения крепче сжал пальцы. - Соображаешь. Надеюсь, тебе не надо говорить, что родители не должны знать о наших контактах? Не стоит улыбаться. Я обязан спросить. Вернее, напомнить.

- Ну что вы, Дмитрий Игоревич! – Тут же стёр с лица улыбку Пашка. – Я всё понимаю. Не беспокойтесь.

- Хорошо. Тогда до свиданья.

- Вы звонить будете? Надо бы что-то новенькое придумать. Военкомат уже однозначно не прокатит.

- Не сомневайся, Павел Юрьевич. Есть у меня варианты в арсенале. До встречи.

- Нет, нет и нет, Елена Сергеевна! Увольте. – Не смог сдержать эмоций Юрий Алексеевич. Поднявшись с дивана, он подошёл к окну и, скрестив руки на груди, развернулся к супруге. – Прости, но ты заварила эту кашу со смотринами, тебе и объясняться с отпрыском.

- С «отпрыском»? Что-то новое в твоём определении родственных связей. Лично я не вижу ни одной причины для возмущения. Эдуард твой коллега, и, скорее всего, он займёт твою должность. Что необычного в том, что Свиридовы всей семьёй придут к нам на ужин? Как будто раньше мы не приглашали гостей. Разве не так?

- Ты же сама знаешь, Елена. – Заговорил Коробов-старший, изо всех сил стараясь казаться спокойным. - Свиридов – болтун и дурак. Нет никаких гарантий, что прости, приняв лишнего, он не начнёт во всех подробностях рассказывать о том, как ему удалось решить проблему с зачислением Павла в университет. У нас не будет возможности помянуть тему, поскольку... поскольку это просто невозможно! – С трудом совладав с дыханием, продолжил в том же духе. – Ладно – Эдик. Но его супружница Галина! Её просто разрывает от гордости за собственное происхождение. Представляешь, Лена?! Сия дама искренне считает, что, родившись в Москве, профессорской дочкой она априори стала... Как там у Пушкина? Да! Столбовою дворянкой! Ни больше, ни меньше. Я уверен на все сто процентов, что Павел не выси-

дит в нашей «великосветской» компании и пятнадцати минут. Хорошо ещё, если издеваться не начнёт. Как он умеет: с серьёзным видом, вроде бы о пустяках, не имеющих никакого отношения к присутствующим. Эдик хоть и дурак-дураком, а подтекст сразу уловит. Поднаторел в горкомовских интригах. В общем, так. Думай обо мне, что хочешь, Лена, но я уже жалею, что обратился к Эдуарду за помощью. И вообще. Не стоило приглашать Свиридовых. Можно было ограничиться парой-другой бутылок французского коньяка.

Елена Сергеевна, зная характер мужа, позволила выговориться. Она ждала нечто подобное и вполне была готова к разговору:

- Не кори себя, Юра. Ты всё сделал правильно. Эдуард Вениаминович курирует вопросы образования, и никто, кроме него, нам помочь не в состоянии. Обращаться к Борису Николаевичу с подобной просьбой, по меньшей мере, нетактично. А между тем, до первого сентября осталась всего неделя. Сам ты в такой срок решить вопрос не мог. Не твоя сфера влияния. По сути, год получился бы упущенным. И я не уверена, что Павел посвятил бы этот год подготовке к экзаменам. Насколько я помню, ты недавно помог решить квартирный вопрос родственникам Галины. Так что Эдуард просто вернул долг. Его бы не поняли, откажи он в содействии. А дойди слух до Первого, последствия предсказать совсем нетрудно. Не так ли, Юра?

- Верно. – Вынужденно согласился супруг и тут же снова

завёлся. - Только зачем было звать Свиридовых в гости? Тем более, что паритет восстановлен и никто никому не обязан. Всё равно.

- Когда ты научишься смотреть хотя бы на два шага вперёд? Мы не можем оставить Павла одного. Выдержит ли он испытания столицей? Лично я сомневаюсь. И именно поэтому попросила пригласить семью Свиридовых в полном составе. Есть неплохие шансы, что Павлик подружится с детьми Эдуарда. Я не желаю, чтобы наш сын искал друзей вне своего круга. Думаешь, я поверила его рассказам о студентах консерватории? Нет, дорогой! Я не знаю, что там произошло, но подозреваю, что Павел, мягко сказать, лукавит. Если у него начнутся романтические отношения с Викой, то я буду относительно спокойна. В этом возрасте юноши с его складом характера легко поддаются влиянию девушек. Они видят в подруге образ, вернее, подобие матери и нередко соглашаются с её мнением.

- Я перестаю что-либо понимать, Лена. – Сокрушённо вздохнул Юрий Алексеевич. - Ты решила сыграть в рулетку? Нет никаких гарантий, что Пашка подружится с Альбертом, а затем по инерции влюбится в Викторию. Ты сама себя слышишь? Они ни разу друг друга не видели. Ни разу! Или ты всерьёз рассчитываешь, что на Павла подействует мой приказ? Что-то вроде: «Равняйся-смирно»? Какая, прости за откровенность, глупость.

- Не стоит упрощать, Юрий Алексеевич. Полагаться на

удачу не в моих принципах. Я попросила Аннушку переговорить со своими товарками насчёт детей Эдуарда. Вполне приличные ребята. Альберт - студент четвёртого курса университета Дружбы народов. Изучает юриспруденцию. Между прочим, на отличном счету у педагогов. Вика перешла на второй курс литературного. Девушка - вундеркинд. Экстерном сдала выпускные экзамены в школе и поступила в престижный вуз на два года раньше одноклассников. Аннушкины подруги характеризуют её как послушную, скромную, домашнюю девушку с невероятно упорным характером. Не улыбайся, дорогой. Никакого противоречия здесь нет. Что касается внешних данных, то ты сам её видел на семейном вечере в горкоме. Не киноактриса, конечно, но далеко не серая мышь. Поверь, Юра, Виктория именно тот человек, который сможет держать Павлика в руках. Даже несмотря на юный возраст.

- погоди, Лена! Получается, что девице всего семнадцать? Не рановато ли для серьёзных отношений?

- Что тебя смущает, дорогой? Разница оптимальная. Всего три неполных года. И не забывай про Эдика. Он, при всей своей безалаберности, прежде всего отец. А отцы очень трепетно относятся к дочерям, когда те достигают определённого возраста. Я это знаю из собственного опыта. Думаю, Эдуард Вениаминович не исключение. В его интересах присматривать и за дочерью, и за учёбой Павлика, и за его будущей карьерой. Свиридов далеко не так глуп, как ты пытаешься

себя убедить. Я уверена, что, получив приглашение, Эдик всё понял правильно. И если, как ты сказал, с готовностью отозвался, то значит, он не против возможных отношений. Пожалуйста, не строй гримасы. Это жизнь, Юра. И пока есть возможность, мы обязаны помочь Павлику её выстроить.

- Тебе плеснуть? – Поинтересовался супруг, вытащив початую бутылку из серванта. - Ну и ладно. А я, пожалуй, приложусь.

Хлебнув из горлышка, Юрий Алексеевич без тени смущения вытер губы ладонью и произнёс с усмешкой:

- Хорошо. Будем считать, убедила. У тебя есть ещё вопросы ко мне?

- Перед твоим приходом звонили из стола заказов. – С готовностью переключилась супруга. - Сказали, что нужные продукты уже упакованы. Ты можешь послать шофёра? Аннушка хочет удивить гостей шикарным меню. Она уже приступила к стряпне.

- Хорошо. Сейчас позвоню в гараж.

Из глубин коридора донёсся звонок. Юрий Алексеевич заторопился, явно стараясь упредить домработницу:

- Пашка из военкомата пришёл. Пойду открою. Расспрошу о делах, а заодно и переговорю по поводу завтрашнего приёма номенклатурного семейства. В конце концов, это его сыновний долг - исполнять необременительные просьбы родителей. Да и обременительные тоже. О результатах доложу немедленно. Разрешите идти, мой генерал в юбке?

Елена Сергеевна натянуто улыбнулась. С тех пор, как болезнь приковала её к коляске, она никогда не надевала юбок:

- Ступайте, мой адъютант.

- Ты чего, батя? - Пашка с трудом освободился от объятий отца. – Чуть дыхание не сбил. Что-нибудь случилось?

Коробов-старший, заговорщицки подмигнув, заговорил намеренно громко. Так, чтобы услышала Елена Сергеевна.

- Что за вопросы возникли к нам у военкома, сынок? Мне казалось, что мы обо всём уже договорились. Иван Иванович даже обещал выдать тебе удостоверение о праве на льготы.

Павел, догадавшись, что отец затеял какую-то игру, тут же поддержал родителя:

- Всё в порядке, папа. – Рапортовал сын, глядя в сторону столовой. – Ты как всегда оказался прав. Обычное канцелярское головотяпство с военным душком. Что-то там потеряли. Пришлось заполнять целых три анкеты заново. Что-то ещё?

- Угадал. Мы пригласили Свиридовых. Очень тебя прошу...

- Ясно. – Перебил сын. - О чём разговор? А я подумал, что реки вспять повернулись. Обещаю вести себя со скромным достоинством и пользоваться столовыми приборами исключительно по назначению.

- Надеюсь, ты не раскрыл Павлику настоящей цели завтрашнего мероприятия? – Елена Сергеевна подозрительно

вглядывалась в умиротворённое лицо мужа. – Не наговорил лишнего о наших планах?

Супруг хотел было оспорить свою принадлежность к плану, но передумал. Ему очень хотелось прилечь на диван и включить телевизор.

- Нет, конечно. Я ведь не совсем из ума выжил. – С трудом подавив зевоту, добавил для полноты картины. - Если честно, то Пашка даже не думал сопротивляться. Сыновний долг, как-никак ...

Весь день, до раннего вечера Пашка изнывал от безделья. Правда, утром он сопровождал Елену Сергеевну на прогулку по близлежащему бульвару, но мать быстро устала, разнервничалась и попросила вернуться домой. Не зная, чем заняться, парень сунулся на кухню, чтобы оказать посильную помощь Аннушке, но сразу был изгнан ею без объяснений причин. Вернувшись в комнату, Павел включил на минимальную громкость кассету с ужасной, явно палёной записью концерта группы «Ария» которую ему подарил Дэн. Он растянулся на диване во весь рост, но не успел сосредоточиться на конкретной мысли, как сон быстро и незаметно завладел сознанием ...

Верочка молча стояла, прислонившись спиной к двери, и явно ждала от Павла главного вопроса, который второй месяц разрывал его душу. «Не стоит. Не жди. - Сказал он, присаживаясь на диван. - И так всё понятно. Ты зря пришла.

Нам не о чем говорить. Это твоя жизнь, и мне в ней места нет. Уходи. Я постараюсь забыть тебя». Девушка, в один миг превратившись в старуху, шагнула вперёд и жалобно произнесла всё ещё юным голосом: «Я не оправдываться пришла. Я просто хотела рассказать тебе об Олеге, Сабыржане и о старлее-киномеханике. Только и всего. Не хочешь, как хочешь. Напрашиваться не буду. Живи с этим дальше». Пашка вдруг почувствовал, что трое парней находятся где-то рядом, и даже услышал их негромкий разговор за дверью. С невероятным трудом встав на ноги, он хотел протянуть руку, чтобы задержать старуху, но та, сделав шаг назад, снова обернулась Верочкой: «Всё не так. Я не предавала тебя. Я просто испугалась. Неужели ты в жизни никогда не пугался? Мне кажется, что те трое за дверью тебе гораздо дороже, чем я. Что? Неужели променяешь меня на мертвецов?» Павел с ужасом почувствовал, что не может произнести ни слова. Словно чьи-то сильные пальцы сдавили его горло...

Весёлый ветер сквозняком пробежал по лицу. Павел открыл веки и увидел Елену Сергеевну, сидящую рядом с диваном:

- Просыпайся, сынок. Тебе надо принять душ и обязательно побриться. – Голос матери звучал тихо, но настойчиво. - Я попросила подготовить для тебя летний костюм. Тот итальянский, который тебе так нравился в институте. Надеюсь, что не станешь мне перечить. В конце концов, ты обещал.

Пашка, ещё не успев оправиться от сна, энергично потёр ладонями щёки и рывком поднялся с дивана:

- Обещал, значит, надену. Бриться-то зачем, мама? Я утром брился. И вообще: свеж, бодр, молод и заряжен позитивом.

- Очень рада твоему настрою, Павлик. Правда, меня немного смущает бездумная покорность, но это всё-таки лучше, чем бывшая упёртость. Хочу напомнить, что сегодня вечером ты должен выглядеть настоящим джентльменом. Только что звонил папа. Сказал, что будет дома ровно через час. Гости придут к восьми вечера. К этому времени ты должен быть готов. Кстати, сын. Как тебе парфюм Юрия Алексеевича? Мне кажется, что он делает тебя мужественней и уверенней. Не кривись, Павлик. Аромат много может рассказать женщине о характере мужчины.

Окончательно пришедший в себя Пашка взглянул на мать с весёлым недоумением:

- Правда? Женщина вдохнёт запах, представит себе Аполлона, только не голого, а в дорогом костюме. Откроет глазки, а перед ней дрыщ в трениках и майке-алкоголичке на впалой груди, по пьяному делу опрокинувший на себя импортный одеколон. Представляю её состояние.

- Будет тебе! – Отмахнулась мать. – Просто мы гордимся своим сыном и хотим, чтобы он выглядел подобающим образом. Только и всего. Ступай в ванную...

Павел в силу своего возраста ещё не успел поднакопить достаточного житейского опыта, но сразу догадался, почему родители пригласили в гости семью неведомых ему Свиридовых в полном составе. Стоя под струями прохладной воды, он думал о том, что ещё полтора года назад непременно возмутился и, скорее всего, сбежал с «номенклатурных» смотрин, но сейчас лишь по-доброму потешается над материнской задумкой. «Мама в своём репертуаре. Спит и видит, как на меня супружеский хомут надеть. Ладно. Хотя бы время скоротаю. Делать всё равно нечего. Я ведь планировал только на следующей неделе делами вплотную заняться. А теперь надо ждать новой встречи с Труновым. В общем-то, связи здесь никакой нет. Одно другому не мешает. Мне просто толчок нужен. Немного страшновато начинать новую жизнь. – Размышлял Пашка, растирая тело жёстким полотенцем. – С сынком-студентом я должен общие темы найти. По крайней мере, постараюсь. А вот о чём разговаривать с семнадцатилетней пацанкой-вундеркиндом? Пожалуй, стоит предоставить инициативу ей. Пускай сыграет первую скрипку. Плохо, если девчонка окажется чересчур болтливой. Ничего, прорвёмся. Как говорил ротный Фрола, буду действовать согласно обстановке».

Званный ужин длился уже два часа с небольшим и почти достиг своего апогея. Стол по распоряжению Елены Сергеевны был накрыт таким образом, чтобы семьи сидели напротив

друг друга. Закономерно начавшись натянуто и даже скованно, мероприятие, постепенно набирая обороты, вошло в стадию общения по интересам. В меру разогретая элитным алкоголем старшая половина увлеченно обсуждала насущные проблемы, иногда совершая заведомо бесполезные попытки втянуть в беседу молодёжное крыло компании. К неподдельному удивлению Юрия Алексеевича, Эдуард Вениаминович не стал рассказывать о своих заслугах. Напротив, пообщавшись накоротке с Павлом, он явно проникся к потенциальному зятю искренним уважением и, в свою очередь, старался не ударить перед ним в грязь лицом, то и дело пропуская то-сты. Видимо, Свиридов-старший боялся перебрать лишнего. Его супруге Галине Анатольевне Павел тоже понравился. Она даже строго-настрого запретила молодому человеку обращаться к ней по имени-отчеству, объяснив немало смущённой этим обстоятельством Елене Сергеевне необходимостью вырабатывать в себе чувство европейской раскрепощённости. «Мы хотим стать частью цивилизованного общества. А, как известно, в чужой монастырь не принято ходить со своим уставом. Так что давайте начинать с себя. – Вещала Галина Анатольевна глубоким, явно тренированным голосом. – Кроме того, я чувствую себя лет на двадцать моложе, когда молодёжь обращается ко мне по имени». Пашка моментально нашёл выход из щекотливой ситуации: за весь вечер он ни разу не обратился к супруге Эдуарда Вениаминовича.

Павел изо всех старался угодить родителям: он пытался растормошить неразговорчивого Альберта расспросами о студенческих обычаях и традициях. Даже сделал несколько удачных, на его взгляд, комплиментов юной гостье. Но дети Свиридовых никак не желали идти на контакт. Студент престижного университета, отделавшись пустыми отговорками, тут же ушёл в себя, а Виктория, отреагировав на пашкины витиеватые «мадригалы» слабой улыбкой, сделала вид, что внимательно вслушивается в разговоры старшего поколения. «Нечего сказать, странные ребята эти Свиридовы. – Думал Павел, ковыряя вилкой в салате. – Ладно вундеркинд. Она - малолетка. Похоже, стеснительность её второе имя. Даром, что не краснеет. А вот Альберт! Тут что-то не так. Отвечает невпопад и не в тему. Глаза блестят, хотя и выпил всего на донышке... Вот-вот готов сорваться. Сестрица на него то и дело посматривает. Как будто боится чего-то. Ладно. Пусть делают, что хотят. По-моему, я свои обязательства выполнил сполна. Скорей бы этот маскарад заканчивался».

Свиридов-младший, словно прочитав мысли молодого хозяина, натянуто улыбнулся:

- Будь любезен, Павел. Проводи до туалетной комнаты. Прости, что пришлось побеспокоить.

- Ничего. – Пашка с готовностью поднялся со стула, успев заметить не на шутку встревоженный взгляд Виктории. – Желание гостя - закон для принимающей стороны.

Вернувшегося через пятнадцать минут Альберта было не узнать. От бывшей раздражительности не осталось и следа. Только зрачки серо-голубых глаз сузились. Повеселевший и бодрый, он сходу вклинился в спор старших, которые от души порадовались неожиданному вмешательству. «Да ты, браток, похоже, «торчок». Причём «сидишь» на чём-то тяжёлом. Следов порошка на пиджаке не видно... Неужели герыч? Вот это дела! – Пашка смотрел на «ожившего» парня и не знал, что делать. – Походу, родители не в курсе. А вот сестрёнка вполне при делах. Неужто и она? Не может быть! Ведёт себя нормально. Пойду улики поищу, пока не опередили». Пашка, воспользовавшись очередной вспышкой дискуссии, потихоньку поднялся и прошёл в коридор.

Улики долго искать не пришлось: тонкий импортный шприц валялся за бачком для мусора. «Ну да. Промахнулся, бедолага. Промахнулся и сразу забыл. – Пашка поднял инструмент и, завернув в туалетную бумагу, сунул его в боковой карман. - Самому бы не забыть выкинуть. Поди потом доказывай, что не моё. Интересно, а ложку Альберт в носок прячет? Типа, солдат за голенище? Надо дверь открытой оставить. Горелым до сих пор воняет».

Павел вошёл в столовую в тот момент, когда Эдуард Вениаминович готовился припечатать собственного сына к воображаемому позорному столбу. Свиридов-старший даже поднялся с места и принял соответствующую позу:

- Ну хорошо, Алик. Ты говоришь, что наше поколение

живёт надуманными идеалами, в которые само давно не верит. Вернее, никогда не верило. Ответь мне, дорогой. Только честно. Чего лично ты хочешь достичь в жизни?

Альберт, манерно откинувшись на спинку стула, ответил родителю без размышлений и малейшей тени смущения:

- Честно? Всё просто, папа. Я хочу красиво одеваться и не страдать.

В просторном зале повисла тишина. Пашка машинально повернул голову к Виктории и вздрогнул от неожиданности. Девушка смотрела на него и это был не наивный взгляд семнадцатилетней девочки-подростка. Это был оценивающий взгляд много чего повидавшей, опытной во всех отношениях женщины...

Глава 9. Рычаги влияния и прочие «шахматы»

Последние встречи с Горбачёвым выбивали Виктора Михайловича из колеи. Его преследовало чувство неясной тревоги, природу которого он не мог объяснить. Чебриков упорно гнал от себя мысль, что главная причина беспокойства кроется в очевидной нестабильности их взаимоотношений. Ему не хотелось верить, что Михаил Сергеевич, восхождение которого к вершинам власти состоялось благодаря и его усилиям, может намерено игнорировать мнение руководителя КГБ. Или всё-таки случайность? Но где гарантия, что она, повторившись трижды, не сформируется в устойчивую систему?

«Причём здесь личные отношения? – Думал Виктор Михайлович, глядя на начальника главка, который только что закончил доклад. – Речь идёт о государственной безопасности и игра в «любит – не любит», мягко говоря, неуместна. Скорее всего, на моём настроении сказывается накопившаяся усталость. Горбачёв несомненно прислушался и взял время на размышление. Это в его стиле: закончить беседу набором обтекаемых необязательных фраз. Однако я чересчур увлёкся надуманными проблемами. Маркелов может неверно истолковать паузу». Ещё раз скользнув взглядом по напряжённому лицу начальника главка, Виктор Михайлович заговорил неспешно, словно раздумывая:

- Ваш план, Иван Алексеевич, видится мне вполне рабочим. В целом. Однако есть некоторые детали, которые в итоге, на мой взгляд, могут привести к нежелательным последствиям.

Председатель умолк, давая возможность генерал-полковнику задать очевидный вопрос. Маркелов с готовностью отреагировал:

- Какие детали? Мы непременно внесём коррективы с учётом ваших замечаний.

Чебриков поправил очки и слегка наклонился к столу:

- Мы не должны давать повод партийным руководителям, скажем так, «новой волны», жаловаться генеральному на вмешательство комитета в их кадровую политику. А в том, что реакция Ельцина будет крайне негативной, сомневать-

ся не приходится. Вы планируете использовать заместителя Бориса Николаевича в операции вслепую, невзирая, что товарищ Коробов сдаёт дела и должность. Ваше предложение создать условия, при которых первый секретарь МГК будет вынужден задержать заместителя на неопределённое время, отдаёт авантюризмом. Более того, в сложившихся политических реалиях такая практика недопустима. Ни с профессиональной точки зрения и уж тем более с моральной. Я не могу, да и не хочу согласиться с подобным подходом. – Ещё минуту назад находившийся в состоянии едва ли не прострации Чебриков вдруг почувствовал, как к нему возвращается душевное равновесие и желание поглубже вникнуть в суть дела. Виктор Михайлович даже позволил себе мимолётную улыбку. – Послушайте, Иван Алексеевич. Неужели вы не видите, что фигура Коробова только усложняет и без того непростую комбинацию? Предлагаемая вами «многоходовка» во многом опирается на эмоции фигурантов, которые в принципе нельзя прогнозировать. А это уже не шахматы, а лотерея. Нет, Иван Алексеевич. Нет, нет и нет!

Председатель поднялся из-за стола и, пройдясь по кабинету, опёрся руками на спинку кресла. Начальник главка не преминул воспользоваться паузой. Не собираясь оспаривать мнение начальства, генерал всё-таки попробовал отстоять своё мнение:

- Специалисты аналитического отдела внимательно изучили материалы и пришли к выводу, что тандем «отец-сын»

значительно повышает вероятность успеха. Введя в игру обе фигуры мы получаем дополнительные рычаги влияния ...

Чебриков в несвойственной ему манере резко прервал заместителя:

- Ох уж мне эти «аналитики»! Полно, Иван Алексеевич. Ваши, так сказать, «рычаги», ни что иное, как способ шантажа. Причём откровенного, если не сказать наглого. Нельзя забывать, что мы имеем дело не с шахматными фигурами, а с советскими людьми. Коробов-отец - коммунист с большим стажем, занимающий высокий пост в московском комитете, а мы исподволь видим в нём чуть ли ни диссидента. Впрочем, речь не о его личностных качествах, а о том, что для нас он уже отрезанный ломоть. Ельцин по-прежнему относится к своему многолетнему соратнику с большим уважением, но к реальным делам не допустит. Поверьте, я это знаю практически из первых уст. Вот и получается, что Юрий Алексеевич при всём желании не может быть нам полезен. – Виктор Михайлович неспешно вернулся на рабочее место. - А вот его сын - другое дело.

Председатель умолк и Маркелов снова попытался завладеть инициативой:

- Сын Коробова нужен для выхода на агента Робертса. Алжирец - фигура важная, но далеко не ключевая. В основу комбинации легла подтверждённая информация, что фонд Сороса всего лишь ширма. Главная цель – поиск кандидатов на роль агента или целой группы агентов влияния из чис-

ла ближайшего окружения генсека. В представленном вам списке Ельцин не значится. Новый человек, не имеющий реального политического веса. Пока не имеющего. А между тем, вы сами обратили внимание на нездоровую возню в западной прессе вокруг его личности. – Генерал, убедившись, что Чебриков не собирается перебивать, продолжил с удвоенным энтузиазмом. – К работе психологов можно относиться по-разному, Виктор Михайлович. Однако специалисты, изучив материалы, пришли к однозначному выводу, что Борис Николаевич - единственная кандидатура, соответствующая критериям вражеских спецслужб. И я считаю, что к мнению экспертов следует прислушаться. В документах, которые я вам передал, есть подробный психологический портрет.

Председатель недоверчиво пожал плечами:

- Для того, чтобы влиять на генерального, надо для начала попасть в его ближайшее окружение. А это не так просто, Иван Алексеевич. Слишком там тесно.

Лицо собеседника стало каменным:

- Речь не идёт о Ельцине как об агенте влияния. Речь идёт о человеке, который при определённых обстоятельствах сможет взять власть в свои руки. И в этой связи фигура Юрия Коробова становится едва ли не определяющей. По крайней мере, на первом этапе.

Чебрикову показалось, что сердце вот-вот разорвёт грудь. Он даже ладонь просунул под пиджак. Сумев вернуть само-

обладание, Виктор Михайлович строго взглянул на заместителя:

- Вы отдаёте себе отчёт, товарищ генерал? Вы только что прямым текстом заговорили о государственном перевороте!

Маркелов не смутился. Он решил идти до конца.

- Такой расклад тоже исключать нельзя. Но гораздо предпочтительней выглядит вариант, так сказать, «законного» отстранения Горбачёва с последующей передачей полномочий Ельцину.

Председатель попытался выиграть время:

- Обоснуйте... Я не понимаю, при чём здесь западные спецслужбы? Есть механизмы... Выборы, в конце концов... Наша система, конечно, имеет определённую специфику, но даже здесь есть возможность заявить свою кандидатуру.

Иван Алексеевич не стал снижать градус полемики. Напротив, в его голосе отчётливо слышались металлические нотки:

- Всё просто, товарищ Председатель! Не имея достаточно-го политического веса и, как следствие, поддержки в высших партийных и государственных кругах, условный «ЕБН» будет вынужден принять помощь западных спецслужб, одновременно опираясь на поддержку той части населения, которая недовольна нынешней экономической ситуацией. Не мне вам говорить, Виктор Михайлович, что...

- Постойте, Иван Алексеевич...

Голос Чебрикова звучал до того спокойно, что началь-

ник главка непроизвольно окинул его удивлённым взглядом. Виктор Михайлович, заметив мимолётную растерянность заместителя, довольно улыбнулся и продолжил после короткой паузы:

- Я предлагаю зафиксировать ваш, так сказать, шахматный этюд, чтобы заняться им позднее. Скажем, через неделю. Считаю, что обсуждать его без серьёзной подготовки нельзя ни в коем случае. А пока давайте вернёмся к дебюту партии и пойдём от простого к сложному. Вы не возражаете? Вот и хорошо, Иван Алексеевич. Фигуру Коробова-отца вам следует убрать с доски как не имеющую перспектив. Это не обсуждается. Ищите иные походы. И не обязательно в среде свердловчан. Что касается сына, то я считаю ваш выбор сверхудачным. Я помню этого молодого человека. Мальчишка по сути, а показал себя настоящим патриотом. – Голос Чебрикова неожиданно дрогнул. – Знаете? Я иногда чувствую себя в долгу перед ним. Казалось бы... - председатель вдруг замолчал, а затем продолжил ровным голосом. - Впрочем, довольно лирики. Пусть работает, а мы подумаем над его дальнейшей судьбой. Я вас прошу обеспечить всестороннюю поддержку юноше. Долги надобно отдавать. Даже заведомо непроходной пешке. Итак, вернёмся к дебюту, Иван Алексеевич...

Глава 10. Мужские разговоры

Селектор, подмигнув зелёным глазом, доложил постав-

ленным женским голосом:

- Борис Николаевич. К вам Юрий Алексеевич. По личному вопросу.

Ельцин по привычке, приобретённой в годы прорабской молодости, машинально выдвинул нижний ящик стола и, пересчитав бутылки, наклонился к аппарату:

- Приглашай и сама загляни. У нас серьёзный мужской разговор намечается. Без твоей хозяйской руки никак не обойтись.

Опытный секретарь, замаявшись на пару секунд, осторожно напомнила:

- У вас на сегодня ещё две встречи назначено. Одна за одной, с интервалом в пятнадцать минут. Товарищи десять дней назад записывались. Вы с утра подтвердили.

Борис Николаевич рассердился. Он не любил скрытых упрёков. Да и «открытых» тоже.

— Значит, перенеси. Мне тебя учить, что ли? Не каждый день друзей провожаю. – Немного подумав, уточнил для порядка. - Кто такие?

- Журналисты. «Известия» и «Комсомолка». – Голос женщины слегка вибрировал от обиды.

- Тогда тем более. Скажи что я выехал на объекты.

Ближе к вечеру мужчины изрядно захмелели. Борис Николаевич, измерив на глазок уровень содержимого, вопросительно взглянул на Коробова. Юрий Алексеевич отрица-

тельно покачал головой:

- Не стоит третью открывать. Этой вполне хватит. У вас наверняка на завтра много чего запланировано. Да и нам с Леной к отъезду надо готовиться. – Непроизвольно икнув, добавил невпопад. – Бабье лето на носу...

Ельцин согласно кивнул:

- Дело говоришь, Юра. Дел действительно невпроворот и бабье лето на носу. – Разлив остатки по стаканам, спохватился. – Надо же? Совсем забыл про Пашку твоего расспросить. Всё время о работе болтали. Как он? Оклемался герой после плена? Что-нибудь рассказывал?.. Сам точно не знаю, но, говорят, история до самого верха дошла. Вроде бы сам Меченый чекистам санкцию на операцию давал. Верится слабо, но, как говорится, за что купил.

Коробов не стал комментировать последние фразы руководителя. Просто ослабил галстук и поднял стакан:

- Вроде бы оклемался. Ведёт себя достойно. Плохо, что по душам толком переговорить не успели. Если честно, боюсь его расспрашивать. Мало ли? Ещё замкнётся. Он и в детстве не очень разговорчивым был. А теперь и вовсе... повзрослел. Ничего. Пусть поживёт, подышит гражданской жизнью, а там видно будет.

Ельцин серьёзно посмотрел на заметно погрузневшего товарища:

- И правильно. Спешка здесь ни к чему. Жизнь свою непременно возьмёт. Успокоится Пашка, за девушками бе-

гать начнёт, глядишь, и про плен позабудет. Молодость тем и хороша, что плохое в башке не задерживается. Ветром выдувает. Кстати, чем он думает заняться? Мне тут Свиридов накоротке рассказал, что вопрос с университетом порешал. Всё так? Или приврал Эдька ради красного словца? За ним станется. Терпеть не могу этих москвичей из номенклатуры. В глаза смотрят преданно, как собачки перед кормёжкой. А в душе так и норовят нагадить. Хотя бы по мелочи, но чтоб душок на всю округу.

Юрий Алексеевич тут же встал на защиту нового друга:

- В целом согласен. Но Эдик действительно молодец. Выполнил просьбу. И главное, языком трепать не стал. – Коробов хотел было рассказать о совместном семейном ужине, но, потеряв мысль, переключился на дела завтрашнего дня. – Мы ведь с Леной здесь только из-за Пашки задерживаемся. Семестр начнётся, недельку подождём, а потом и тронемся.

- Добро! – Ельцин шумно выдохнул, допил остатки коньяка и вдруг настороженно покосился на соратника. – Постой. Через недельку, говоришь? Надеюсь, ты своего сынка в квартире не оставишь? Вопрос, конечно, плёвый, но мне скандалы на ровном месте не нужны. Понимаешь?

Коробов даже закашлялся от неожиданности. Вытерев слёзы, поспешил успокоить шефа:

- Нет. Что вы, Борис Николаевич! Квартиру на Рублёвке я уже сдал, а Пашке из резервного фонда однушку на Плющихе выделили. Завтра поедем посмотреть. Пока на три года,

а там видно будет.

- Ну вот и хорошо, Юра. - Борис Николаевич облегчённо вздохнул. - А то достали пенсионеры цеховского уровня. Склоки из-за твоей хаты нешуточные разыгрались. Соискатели стучат друг на друга, жалобы пишут. Не на нас с тобой. Пролететь опасаются. Ладно бы сами нуждались. Так нет. За родственничков хлопочут.

Видимо, Ельцину стало неудобно за мимолётное, но откровенное недоверие к старому товарищу. Достав из заветного ящика очередную бутылку, протянул Коробову:

- Не мельтеши, Алексеич! По пять капель на ход ноги и всё. - Глядя в лицо собеседника, продолжил извиняющимся тоном. - Ты Пашке дай тот номер телефона... ну, ты знаешь, о чём я. Пусть звонит, не стесняется. Поверь, Юра, я твоего сынулю одного не оставлю. Возьму над ним шефство. Сколько мы с тобой знаем? Поди, лет двадцать пять? Тот-то! Ко мне и раньше в «друзья» очередь стояла. А нынче и подавно... Улыбаются, лебезят, а в глазах пустота... Противно, Юра! Противно, а сделать ничего не могу. Система, будь она трижды неладна. Настоящих друзей у меня раз-два и обчёлся. По пальцам можно пересчитать. Да и то на левой руке. - Борис Николаевич демонстративно приподнял и тут же опустил покалеченную руку. - Не переживай, Алексеич. Я друзей не бросаю.

Коробов, не стыдясь, вытер повлажневшие глаза тыльной стороной ладони:

- Спасибо тебе, Борис Николаевич! Поверь, это были лучшие годы моей жизни...

Тронутый до глубины души искренностью соратника, Ельцин почувствовал острую необходимость отплатить той же монетой. Вплотную придвинувшись к столу, Борис Николаевич машинально огляделся по сторонам и зашептал, не отводя напряжённого взгляда от лица Коробова:

- Мне тут в кремлёвских кулуарах дали понять, что тобой чекисты интересуются. Я ещё уточнил: «Может, Павлом?». Дескать, с ним всё ясно-понятно. В плену был и всё такое. Нет, говорят, не сыном, а персонально Коробовым. Тобою, значит... Ты это, Юра, поаккуратней с языком будь. Ладно?

Юрий Алексеевич, слегка протрезвев, озадачено посмотрел на бывшего шефа:

- А я-то им зачем? Вы меня знаете, Борис Николаевич. Я, как говорится, ни сном ни духом.

Ельцин, в глубине души жалея, что поднял опасную тему, решил подвести черту:

- Кто их знает, этих чекистов? Может, они через тебя на мою персону выйти задумали? Не складывается. Ты скоро в Свердловск вернёшься. – Внезапная мысль заставила усмехнуться. – С другой стороны, Юра, получается, и в их ведомстве на старуху бывает проруха. Секретность, игры шпионские, с разными штучками и прочая муть. А на деле информация-то просочилась в массы. Лучше бы они у себя порядок навели, а не лезли, куда не просят. И всё-таки будь по-

аккуратней, Юра.

Прощаясь, Борис Николаевич крепко пожал руку и сказал, внимательно следя за выражением лица старого товарища:

- Ты там, на Урале, сильно не расслабляйся, Юрий Алексеевич. Если что, я тебя снова под свои, так сказать, знамёна призову. Или откажешься?

- Сомневаетесь? Зря. Вы только отмашку дайте, а я не подведу.

Чёрная «Волга» плавно качнувшись, остановилась во дворе кирпичного восьмиэтажного дома. Юрий Алексеевич скользнув взглядом по лицам домработницы и сына, спросил с лёгкой тревогой в голосе:

- Ну, как вам? Нравится? Или харчами перебирать будете?

- А соседи? – Деловито поинтересовалась Аннушка. – Кто они?

Коробов-старший пожал плечами:

- Знаю, что треть квартир за военной академией закреплена. Она здесь неподалёку. Так что Пашка будет жить бок о бок с бывшими коллегами. – Переведя взгляд на сына, настойчиво переспросил. – Ты что думаешь?

- Классное место. Самый центр. И двор тихий. Даже машин не слышно.

Отец с облегчением выдохнул и протянул Анне небольшую связку ключей:

- Ты, Нюра, иди. Принимай жилище. Нам с твоим Баловнем переговорить нужно. На мужские темы.

Проводив взглядом домработницу, Юрий Алексеевич отвёл сына подальше от машины и, оглянувшись по сторонам как заправский разведчик, приступил к разговору:

- Твой куратор так и не связался? Как думаешь, почему?

Пашка встревоженно посмотрел на отца:

- Не знаю, батя. Скорее всего, занят. Почему тебя это вдруг заинтересовало?

- «Вдруг»? Не «вдруг», а совершенно обосновано. – С обидой возразил отец. - Если мне не изменяет память, Пашка, то в последнее время я только и делаю, что твоими делами занимаюсь.

- Ладно, батя, извини. Ляпнул, не подумавши. Только ты ведёшь себя как-то странно. Что всё-таки произошло?

- Комитетчики моей персоной ни с того ни с сего заинтересовались. Вот я и подумал, что это как-то с тобой связано. За себя я не беспокоюсь. В моей биографии белых пятен нет. А тебе стоит призадуматься. По крайней мере, иметь в виду. Ты своего капитана ни о чём не спрашивай. Не стоит. Просто будь осторожней. Обещаешь, сынок?

- Обещаю, батя.

Глава 11. В «поисках» приключений

Мысль о том, что он до сих пор толком не пообщался с сыном, не давала Коробову-старшему покоя. «Ну вот, - уныло

размышлял Юрий Алексеевич, стоя у окна служебного кабинета, - Пашка уже перебрался в отдельную квартиру, а я так и не смог выкроить для него свободного времени, чтобы поговорить по душам. Дурацкая ситуация. При чём здесь свободное время? Я по привычке езжу на работу, где уже практически ничего не решаю, отбываю положенные часы и к ужину возвращаюсь домой. Как будто ничего в жизни не изменилось. Не было ни пашкиного плена, ни идиотской похоронки, ни командировки в Афганистан. Тишь да гладь. Неужели я впрямь боюсь откровенного разговора с собственным сыном? Если честно, то да. Я ведь никогда не был с ним особенно близок. И если бы не эта история, то, пожалуй бы и не стал. Странно всё это. Я почувствовал себя настоящим отцом, только когда узнал о гибели Павла... якобы гибели. И только тогда понял, насколько мне дороги Лена и Пашка. Да что уж там! Я даже на Аннушку перестал смотреть, как на положенный по статусу атрибут. Так почему я боюсь заехать к нему на Плющиху, позвонить в дверь, сказать, что соскучился и заскочил просто поболтать, как болтают меж собой родные люди? Пару дней назад я хотел вечером зайти в его комнату, но не стал. Ждал первого шага от Пашки? Ждал, вполне понимая, что сын никогда не сделает его сам? Что-то я совсем запутался. Надо освежиться. Всё равно никто звонить не будет. Для московских коллег я уже ноль. Политический призрак. Даже для Эдуарда Вениаминовича. Хотя он-то как раз и позвонит. Сильно ему младший Коробов по ду-

ше пришёлся».

Юрий Алексеевич развернулся и шагнул в направлении туалетной комнаты, но в этот момент на столе негромко зазвенел городской телефон. «Надо же? – Невесело усмехнулся Коробов, поднимая трубку. – Хоть сейчас в экстрасенсы подавайся».

- Ты только не сердись, Юра. – Голос супруги звучал спокойно и никоим образом не соответствовал вступлению. Она не извинялась, а ставила перед фактом. – Я позвонила Павлику и попросила, чтобы он пожил с нами до отъезда. Надеюсь, ты не возражаешь?

Вопрос, конечно, риторический, но Коробов вдруг вспылал, не сумев справиться с раздражением:

- Почему я должен возражать? Или ты думаешь, что Пашка будет мне мешать? Я что, по-твоему, на льва похож? Львёнка сожрать готов? Так у нас всё-таки семья, а не прайд. Да и Баловень вроде бы моё потомство. Или я ошибаюсь?

- Не заводись, дорогой. Я просто выбрала неверный тон. И, пожалуйста, давай обойдёмся без кличек. У нас всё-таки семья, а не прайд. И успокойся.

В трубке раздались короткие гудки. Юрий Алексеевич неожиданно для себя повеселел: «Ленка всегда была такой. Умеет последнее слово за собой оставить. Может, оно и к лучшему. – Коробов ещё раз посмотрел на телефон и не к месту додумал. – Хорошо, что «потомство» не взбунтовалось из-за квартиры и университета. Интересно, почему? Скорее

всего, мать пожалел. Со мной вряд ли стал церемониться. Ладно. И на том спасибо».

Просьба матери не вызвала у Пашки протеста. Напротив, он даже с радостью согласился. Ему, отвыкшему от городской суеты, и в самом деле трудно было начинать новую жизнь. Тем более в Москве, по сравнению с которой родной Свердловск выглядел если не захолустьем, то, во всяком случае, глухой провинцией. Правда, он попробовал на удачу познакомиться с соседями по площадке, но на звонки в двери никто так и не отозвался. Распаковав чемодан, Павел сразу наткнулся на завёрнутый в целлофан новенький солдатский вещмешок, который ему выдали на вещевом складе перед вылетом в столицу. С удовольствием втянув в лёгкие кислородно-свежий запах «нулёвого» сидора, парень без раздумий стал набивать рюкзак первыми попавшимися на глаза вещами. «Ничего, - думал Пашка, затягивая узел на горловине, - разберусь. Аннушка сказала, что парадно-выходные шмотки дома остались. Типа, перед универом я должен к родителям приехать. Если что, ещё раз сюда сгоняю. Какое-никакое, а развлечение». Прикинув маршрут по туристической карте, Павел сначала почесал затылок, но затем, решив, что два часа пешей прогулки только на пользу, закинул сидор на плечо и, насвистывая, вышел из квартиры.

Он бодро шагал к Бородинскому мосту, то и дело поправляя норовивший сползти с плеча вещмешок. Группу моло-

дых ребят и девчонок, сидящих на каменных ступеньках, он заметил ещё издали и сразу понял, что без приключений ему уже не обойтись: «Не панки и не металлисты. Одеты, как шпана не пойми во что. Под гопоту косят. Максимум десяти-классники. Или пэтэушники. Вот это я попал! Что мне с ними делать-то? Восемь пацанов плюс шесть девчонок. Влёткую затопчут. А если с ними по-серьёзному зарубиться, то замучаешься потом в ментовке объясняться. Гопников больше. Значит, их показания весомее моих. Ментам лишь бы дело закрыть. Блин! Прогулялся на отцовскую голову... Ладно. Не сворачивать же? Хотя можно и свернуть. От греха подальше».

Армейская муштра оказалась полезной и на гражданке. Исполнив поворот кругом в два приёма, Пашка на счёт «три» начал движение в обратном направлении с левой ноги. Всё, как расписано в строевом уставе.

- Эй, служивый, погоди! – Топот нескольких пар ног, нарастал одновременно с издевательским гоготом. – Мы тебя хотим к нам в путягу военруком пригласить...

«Всё. Приехали. – Тоскливо подумал Павел, машинально выполняя строевой приём «кругом». – Лучше бы бандюки привязались, чем эти малолетки. С теми хоть как-то договориться можно. А с этими бесполезно... Однако у самого борзого кастет на кисти. А у второго мальчика - велосипедная цепь. Похоже, шпана одними пинками ограничиваться не собирается. Решили ни в чём себе не отказывать. Ну почему

мне так везёт? Другие люди как люди. А я вечно в историю вляпаюсь. Видать, зря меня Аннушка Баловнем назвала. Надо было как-то по-другому».

Встав спиной к парапету, Павел снял вещмешок и поставив у ноги, оглядел стоящих полукругом ребят.

- Что надо, пацаны? Мы же вам ничего не сделали. – Он понимал, что его слова звучат безнадёжно глупо, но всё ещё надеялся на благополучный исход. – Мы граждане мирные, примуса починяем...

Обладатель кастета, высокий паренёк со смешной кепочкой на голове, подозрительно прищурился:

- Ты что нам, дядя, про какие-то грёбанные «примуса» втираешь? Обкурился, что ли?

Кто-то из ребят тут же сострил под нарочито громкое ржание друзей:

- Похоже, дядя вообще обдолбался, такие кренделя выписывал. Нечего с ним базарить, Косарь. Мочи его, если сам бабло не отдаст.

На проезжей части взвизгнули тормоза. Пашка привстал на носки и увидел выскакивающих из «Жигулей» милиционеров.

- А ну вали отсюда, шпана подзаборная! Щас быстро в обезьянник определим! – Голос бегущего впереди сотрудника показался Пашке чуть ли не родным.

- Мы ещё с тобой встретимся, дядя. – Пообещал Косарь и сорвался места.

- Привет, искатель приключений. – Старший лейтенант устало улыбнулся и протянул ладонь. – Мало тебе «Ямы»? Теперь набережными решил заняться? Какими судьбами, Пашка?

Коробов узнал старшего наряда, когда тот ещё бежал от машины, но, не зная ни фамилии, ни имени своего спасителя, решил обращаться по званию:

- Я здесь не при делах, товарищ старший лейтенант. Просто решил пешком прогуляться. – Посмотрев вслед убегающим пацанам, поинтересовался. - А почему задерживать не стали? Я бы помог.

- Брось, Пашка. – Поморщился милиционер. - Меня, кстати, Виталием зовут. Почему задерживать не стал? Оно мне надо? Земля не наша. Отписывайся потом, почему к несовершеннолетним гражданам насилие применил. Да ещё не в своём районе. А ты, я смотрю, везунчик. Мы с ребятами после дежурства домой в общагу едем. Здесь по чистой случайности оказались. Так что с тебя двойная простав.

Павел серьёзно посмотрел на старшего лейтенанта:

- Нет проблем. Сам бы я не отбился. У длинного кастет, а у того, что в жёлтой футболке, цепь от велосипеда. Так что я хоть сейчас готов с долгами рассчитаться.

Виталий отрицательно мотнул головой:

- Шучу я, Пашка. Хотя на халяву не против. Но только не сегодня. Жёны заждались. Как-нибудь в следующий раз. Если, конечно, встретимся. Может, подбросить?

- Нет, спасибо. – Пашке не хотелось обременять уставших сотрудников лишними заботами. – Пешком дотопаю. Я ведь всё-таки в пехоте служил.

Старший лейтенант вздохнул с видимым облегчением и ещё раз пожав пашкину руку, развернулся к автомобилю. Он сделал всего пару шагов, как вдруг, словно припомнив нечто важное, снова повернулся к Коробову:

- Слышь, Пашка? Я позавчера снова Дэна в «Яме» повстречал. Он бумажку с твоим номером потерял по пьяному делу. Просил адрес сообщить, даже червонец предлагал. Но я послал его подальше. Да и адрес твой я не запомнил. Мы же протокол оформлять не стали. Не за что было. Откуда у меня твоему адресу взяться? Ты ему позвони, если посчитаешь нужным. Дениска -парень неплохой, только дури в нём немерено. Ну, бывай, Павел Юрьевич! Рад был встрече.

- А уж как я рад! – Павел надел вещмешок на плечо и махнул рукой вслед милиционерам. – Пожалуй, Аннушка всё-таки была права...

Глава 12. Отец и сын

Коробов-старший вышел из здания городского комитета, держа в руках пакет из плотной бумаги. «Вот и славно. – Думал Юрий Алексеевич, усаживаясь в машину. – Ребята в Свердловске вовремя подсустились с пашкиным паспортом. Связи-связями, а не дай Бог, упрётся какая-нибудь канцелярская крыса в деканате, дескать, нельзя без документа, и

пиши пропало. Теперь у меня нет причины не поговорить с сыном. Он дома, паспорт у меня на руках. Начну с вручения серпастого-молоткастого, а там кривая как-нибудь выведет. Ну и дела! Ещё лет пять назад я ни за что не поверил бы, что придётся искать повод, чтобы по душам поговорить с собственным сыном».

Ужин прошёл практически в абсолютной тишине. Видимо, Елена Сергеевна, главный инициатор неспешных бесед, почувствовала напряжение, исходящее от супруга. Она то и дело поглядывала то на Юрия Алексеевича, то на Павла, но так и не решилась нарушить молчание.

Юрий Алексеевич не успел дойти до двери комнаты Павла, как она распахнулась и на пороге появился сын.

- Ну ты даёшь! – Отшатнулся отец. - Едва не пришиб. – Он протянул конверт и вместо заранее подготовленных слов, неловко пробормотал. – Держи свой паспорт. Час тому назад из Свердловска спецпочтой доставили. Теперь к тебе вопросов поменьше будет.

Пашка взял конверт, не распечатывая положил на тумбочку и тут же взглянул на отца:

- Пойдём во двор, батя. У меня к тебе разговор есть. Да и свежим воздухом перед сном подышать полезно. – Заметив растерянность отца, добавил просящим тоном. – Пожалуйста. Мне очень надо.

Юрий Алексеевич, демонстративно оглядев прихожую, дескать, всё понятно сынок, ответил несколько громче обыч-

ного:

- Хорошая идея, Павлик. У нас с мамой есть любимая скамеечка в сквере. Вдруг и тебе понравится?

- В сквер не пойдём. - Вполголоса произнёс отец, ступив на бетонную плиту крыльца. – Это я так, на всякий пожарный. Пошли на детскую площадку. Там тоже уютно. Мамочки свой «детский сад» уже закрыли и по домам разошлись. Так что нам никто не помешает.

- Так о чём ты желаешь поговорить, сын мой? – Юрий Алексеевич намеренно употребил высокопарный оборот, надеясь разрядить обстановку. – Мы готовы внимательно выслушать вас.

Пашка усмехнулся, по достоинству оценив отцовский юмор, но, решив не затягивать, сразу приступил к главному:

- Скажи мне, батя, что сейчас происходит в стране? Только давай начистоту и без лозунгов. Поверь, я их на политзанятиях сполна наслушался. И про реформы, и про открытость, и даже про плюрализм.

Коробов-старший с неподдельным интересом посмотрел на парня:

- Странно. Если мне не изменяет память, то до армии ты не сильно интересовался политикой. Неужели на тебя так служба повлияла? Или, уж прости, что режу по живому, плен?

Павел ответил без малейшего промедления. Он явно го-

товился к этому вопросу:

- Нет, батя. Не армия и даже не плен. Поверь, я вернулся домой прежним. Только повзрослел и поседел раньше времени. – Не удержавшись от привычки подшутиться, добавил с мальчишеской усмешкой. – Говорят, что девушки любят седину на висках суровых мужиков. А у меня вся голова как будто хлоркой обесцвечена. – Тут же спохватившись, виновато покосился на отца. – Прости, батя. Глупость сморозил. Даю слово, больше не буду ерундой заниматься.

Юрий Алексеевич, непроизвольно осмотрев голову сына, обнял его за плечи:

- Если бы ты знал, Павлик, как нам было больно увидеть тебя таким... повзрослевшим. Честно сказать, я хотел было скорую для мамы вызвать, да она не позволила. Так и проплакала до самого утра. Я со счёту сбился, сколько раз за валерьянкой на кухню бегал. Ладно. Оставим лирику на потом. Так что на тебя всё-таки повлияло?

Пашка, освободившись от объятий, развернулся к отцу на пол-оборота, чтобы лучше видеть его глаза:

- Капитан Трунов. Мой куратор. Понимаешь, я не хочу быть пешкой в чьих-либо руках. Мне нужно хотя бы попытаться разобраться, зачем я понадобился комитетчикам. А для того, чтобы понять, мне нужен исходный материал. К кому я могу обратиться за советом, кроме тебя? Ну не к самому же Трунову? Кроме того я уверен на все сто, что и он не знает всех деталей. – Заметив ироническую искру в гла-

зах родителя, поспешил объясниться. – Да знаю я, что до самых глубин мне никогда в жизни не докопаться. Мне это в принципе не нужно. Просто хочу понять ситуацию вот и всё. Общую картину. Понимаешь? Димка сказал...

- Постой-ка, братец! – Голос отца был переполнен неприкрытым сарказмом. – Вы уже стали закадычными друзьями? Запросто без отчеств обходитесь? Ну ты даёшь, Павел Юрьевич!

Пашка, сообразив, что сильно зависил собственную самооценку, подняв себя на один уровень с капитаном, покраснел, как мальчишка, и смущённо пожал плечами:

- Прости батя. Разволновался, вот и занесло не в ту степь. Разреши, я продолжу?

- Давай. Ты остановился...

- Знаю. Дмитрий Игоревич сказал... Да ничего он толком не сказал, батя. Просто в два слова сбил с меня спесь и поставил на место. Без угроз и нажима. Трунов - нормальный мужик. Я это чувствую. Афган меня научил хоть как-то разбираться в людях. И тем не менее, я не хочу становиться болванчиком. Ни в руках хорошего человека, ни в руках плохого. Ну как? Убедил я тебя?

Коробов-старший утвердительно наклонил голову, а затем внимательно посмотрел в пашкины глаза:

- Убедил. Хотя, по-честному, я вовсе не собирался отказывать тебе в просьбе. Только скажи мне для начала, сынок: ты специально меня на улицу позвал? Ведь я в квартире про-

сто шутил, изображая заговорщика. Думаешь, чекисты могли установить у нас в квартире прослушку? Жуков там всяких или других, так сказать, «насекомых»? Ты серьёзно думаешь, что комитетчики решатся установить шпионскую аппаратуру в доме фактически заместителя первого секретаря МГК? Мне кажется, это явный перебор, сынок. Осталось только разобраться, с чьей стороны. С твоей или со стороны кэгэбэшников.

Юрий Алексеевич опустил глаза лишь на секунду. А когда поднял, то вздрогнул от неожиданности: рядом с ним сидел не молодой человек с потерянными глазами, а уверенный в себе мужчина со стальным взором. Тряхнув головой, чтобы отогнать внезапное видение, Коробов-старший снова взгляделся в лицо сына:

- Прости. Привиделось, что-то из области очевидное-невероятное. Что скажешь на мой вопрос?

Взгляд Павла потеплел, но в глубине глаз читалось тревожное напряжение:

- Конечно, специально. Понимаешь, батя? Меня ротный так учил: если чувствуешь опасность, пусть даже маленькую, относись к ней со всей серьёзностью. Только тогда ты получишь шанс выжить. Короче, я намерен играть по их правилам. Даже если со стороны это выглядит по-дилетантски коряво. Ничего! Освою шпионскую науку со временем.

Юрий Алексеевич почувствовал, как защипало в глазах. Ему очень не хотелось, чтобы сын заметил секундную сла-

бость, и потому, задрав голову вверх, постарался придать голосу спокойную рассудительность:

- Хорошие мужики тебя в Афгане окружали, Пашка. Не всем так везёт. Я по белому тебе завидую. – Сумев справиться с волнением, снова взглянул на сына. – Давай договоримся так: всё, что я тебе сейчас расскажу, является лишь моим частным видением нынешней ситуации в стране. Ты не должен воспринимать мою точку зрения как истину в последней инстанции. Просто прими к сведению и всё. Я уверен, пройдет немного времени, и ты сам придёшь к собственному пониманию текущего момента. Постарайся избегать поспешных выводов. Субъективность часто приводит к неоправимым ошибкам. Помни, что истина рождается из утверждения и отрицания. Проще говоря, любая проблема должна быть рассмотрена с диаметрально противоположных точек. Вот такой философской у меня получилась преамбула.

- Я понял тебя, батя. Ты всё по существу сказал. Есть к чему прислушаться и запомнить. Мне кажется, что в нашем случае без философии никак не обойтись. Поверь, без всякой иронии говорю. Ты только не смейся, папа. Я ведь о чём? Как бы поточнее сказать?.. Я ведь на самом деле хочу быть полезным своей стране... обществу, в конце концов. Людям. Короче, всем. А в общем - Родине. Ты улыбаешься? Наверное, я несу ахинею?

Коробов-старший с трудом перевёл дыхание. Он ждал чего угодно, но чтобы так? Уже без стеснения вытерев высту-

пившие слёзы, поднял на сына счастливые глаза:

- Знаешь, Павлик? Вот слушаю тебя и думаю о том, что не зря пожил на белом свете. Мне трудно сейчас говорить, сынок.

Отец, не выдержав напряжения, крепко зажмурился и наклонил голову. Павел, выждав несколько секунд, осторожно прикоснулся к его руке:

- Может, пойдём домой? А, батя? Завтра переговорим, раз тебе тяжело. Ничего. Я подожду.

- Ну уж нет! Как говаривал мой уже бывший шеф: «Коль пошла такая пьянка, режь последний огурец». Сразу хочу предупредить, что вопрос чрезвычайно сложный и без серьёзной подготовки мой рассказ будет слышаться тебе непоследовательным экспромтом. В общем, принимай, что получится, не рассчитывай на глубокий анализ и не перебивай. Договорились?

- Хорошо, батя, договорились.

Юрий Алексеевич благодарно пожал ладонь сына и начал неторопливым голосом:

- Видишь ли, Павел? Разговоры о нашем отставании от западных стран в плане уровня жизни населения возникли не сегодня и даже не вчера. Я говорю не только о капстранах, но и странах соцлагеря в том числе. Объективных причин здесь немало. Только Великая Отечественная отодвинула Советский Союз на десятилетия назад в этом вопросе. Ну а после войны требовалось в первую голову восстановить разрушен-

ное народное хозяйство. Проблема уровня жизни людей отошла на второй, если не на третий план. Сказать, что руководство страны ничего не делало в этом направлении, ни в коем случае нельзя. Проблема, конечно же, решалась, но крайне медленно, с опорой на пресловутое: «Народ сдюжит, народ потерпит. Бабы нарожают». Не буду распыхиваться. Приведу лишь один пример. Лет семь-восемь тому назад мне довелось в составе комиссии побывать по партийным делам в Воронежской области. По дороге в Поворино, есть такой городок в тех краях, нам бросилось в глаза, что по одну сторону шоссе дома крыты железом и шифером, а по другую, ты не поверишь, Пашка, самой натуральной соломой. И это во второй половине двадцатого века! Коллега из воронежского обкома, заметив немой вопрос, грустно улыбнулся и сказал: «Война товарищи. Ничего не поделаешь. Там, куда немец дошёл, теперь крыши шиферные. А там, куда его не пустили – соломенные». Получилось, что нынешние жители оккупированных в войну деревень должны фашистов благодарить за приличные крыши над головой. Сообразив, что сморозил глупость, Вадим Николаевич попытался исправиться, но получилось только хуже. Только дело-то вовсе не в его двусмысленной и досадной оговорке. А в том, что прошло уже без малого тридцать лет после нашей победы, а крыши до сих пор соломой крыты. Я в отличие от, скажем так, рядовых граждан, не единожды бывал в Европе и в Штатах. Должен заметить, что разница бросается в глаза. Мне, подростком

пережившему лишения военных и послевоенных лет, было непонятно, почему страна-победитель не может обеспечить своим гражданам пусть не изобилие, как на западе, а хотя бы достаток, соизмеримый с соцстранами. Ведь ни для кого не секрет, что именно Советский Союз финансово обеспечил их экономический рост и успехи в социальной сфере. Впрочем, речь не только о продуктах питания и ширпотребе. Тут надо понимать ситуацию гораздо полнее и шире. Помнится, не так давно я встретил твою маму в Штатах, и позволил себе назвать Америку страной подлинной свободы. Елена вполне справедливо возмутилась. Дескать, как ты, коммунист, можешь восторгаться страной, которая десятилетиями спит и видит, как бы стереть Союз с лица земли, оставив нетронутыми недра. Она, безусловно, права и всё-таки... – Отец вздохнул и виновато покосился на сына. – Ну вот, Пашка, занесло меня не в ту сторону. А я ведь тебя предупреждал, что импровизатор из меня никудышный.

- Ничего, батя. - Ободряюще улыбнулся Павел. - Я потом сам всё по полочкам разложу. Ты только говори, не останавливайся.

- Хорошо. Попробую двинуться дальше. Пусть даже с пятого на десятое. С октября 17-го, партия много чего добилась. Тут и индустриализация, и образование, и здравоохранение. В общем, много... Сегодня люди воспринимают это как само собой разумеющееся. И они правы. Жизнь не стоит на месте. Запросы народа растут вместе с вопросами к руко-

водству страны. Возьмем для примера ситуацию с привилегиями так называемой «номенклатуры». Дурацкое название, и тем не менее. Ещё лет десять назад люди относились к этому, так сказать, явлению с пониманием. Мол, по должности положено, значит, так тому и быть. Я вспоминаю себя студентом, впервые пришедшим в гости к твоему деду. Сергей Иванович уже тогда был птицей высокого полёта со всеми вытекающими. Не скрою, я был потрясён шикарной квартирой, мебелью, холодильником и другими атрибутами. Потрясён, но не испытывал зависти. Подумал: «Вот закончу институт, выбьюсь в «люди» и у меня тоже будет дом-полная чаша». Прошли годы. Я преуспел на партийном поприще, кое-чего добился. ВыбилсЯ в «люди» ... но теперь я думаю: почему мои родители, простые рабочие, всю свою жизнь отдавшие стране, прожили в общежитии, считай, в той же казарме, с удобствами во дворе? Разве они не заслужили более достойного жилья? Веришь, нет ли? Но когда я прихожу на их могилу, я всегда прошу у отца и матери прощения. Не знаю за что. Мне мучительно стыдно за своё благополучие. Всё, Пашка. Я больше не буду сентиментальничать. Так вот. Сегодня ситуация абсолютно другая. Народ открыто возмущён наличием у номенклатуры спецраспределителей, спецклиник, спецсанаториев и прочих, бесчисленных «спец». Проблема социальной справедливости стоит сегодня как никогда остро. Плюс растущий по всем товарным позициям дефицит, талантливо воспетый Райкиным. Плюс растянувшаяся на годы война в

Афганистане. Плюс разрешение трансляций «Голоса Америки», до мая этого года пребывавшей в статусе «вражьего голоса». Да мало ли? Сегодня необходимость реформ очевидна для всех. Принцип «народ сдюжит, народ потерпит» уже не работает. Люди хотят жить не только ожиданием светлого будущего, но и сегодняшним днём. Нынешняя внутривосточная политическая ситуация в стране вполне соответствует ленинскому крылатому выражению: ««верхи» не могут, а «низы» не хотят» ...

Как ни крепился Пашка, но удержаться всё-таки не смог. Воспользовавшись коротенькой паузой в монологе отца, спросил тихим, но настойчивым голосом:

- Скажи. А ты бы смог отказаться от положенных привилегий? Только честно...

Конечно, тот подспудно ожидал именно этого вопроса, но малодушно надеялся, что сын не станет его задавать, и поэтому не был готов к ответу. Павел, почувствовав состояние родителя, отвёл взгляд в сторону и проговорил нарочито равнодушным голосом:

- Не отвечай батя. Не нужно. Сам не понимаю, как с языка сорвалось.

Юрий Алексеевич не знал, что его задело крепче. Безразличный ли тон сына или потаённо-уничижительный смысл его слов. Как бы там ни было, но, рассердившись не на шутку, он с огромным трудом смог заставить себя сохранить внешнее спокойствие и даже снисходительно усмехнуться:

- Спасибо, что открыто не упрекнул меня в трусости. Не возражай. Я не нуждаюсь в утешениях. Тем более, что отчасти ты прав. Я не боец, сынок, и никогда им не был. Не собираюсь ломать копыя о ветряные мельницы. Отказ от положенных льгот моментально поставит крест на карьере. Меня не поймут и тихо выпроводят на пенсию. На этом всё закончится. А между тем, на мне лежит ответственность за семью. За твою маму, бабушку и за тебя. Пока ты основательно не встал на ноги. Хочешь взбрыкнуть, Павел? Не стоит. Мораль «бессеребренника» здесь ни причём и, прости за каламбур, попросту аморальна. Более того, речь не идёт о приспособленчестве. Надо просто жить по правилам, принятым в обществе, пока они, скажем так, легитимны. И позволь мне выполнить отцовский долг в полном объёме. И ещё. Если ты считаешь наш разговор оконченным, то пошли домой. По моему, я уже много чего тебе рассказал для начала. Наш разговор по душам закономерно переходит в ночные бдения. Только гитары и костра не хватает. Ну? Ты как?

- Ты упомянул афоризм Владимира Ильича, батя. – Сказал Пашка, не поднимая головы. – Нельзя останавливаться на самом интересном. Это, прости за ёрничество, аморально с твоей стороны.

Юрий Алексеевич, улыбнувшись выходке сына, продолжил размеренным тоном, словно и не было болезненной размовки:

- Так вот, Павел. Скажу откровенно: я всего лишь партий-

ный работник областного уровня и поэтому не знаю, какие силы привели Горбачёва на вершину власти.

Пашка, изо всех старавшийся держать себя в руках, снова не смог совладать с собой:

- Постой, батя! Я не понимаю, при чём здесь какие-то таинственные «силы»? Разве его не выбрали... не знаю... на политбюро или на пленуме? В общем, установленным порядком. Ведь всё в уставе партии расписано. Чёрным по белому.

Отец, почувствовав себя приобщённым к высокой политике, снисходительно усмехнулся:

- О, юность! О, святая простота! Это не я сказал. Поэт какой-то. Власть так устроена, сынок, что без предварительных дебатов по поводу кандидатуры между уже сформировавшимися политическими группами никак не обойтись. Так принято не только у нас в Союзе. Во всём мире так устроено. С различными вариациями. Товарищ Сталин смог калёным железом выжечь крамолу в своём окружении. А вот после него началась та самая делёжка, о которой сегодня пишут в «Огоньке». Кстати говоря, в бытность мою в Соединённых Штатах один конгрессмен-республиканец, сносно владеющий русским языком, говорил, что-де при Брежневле существовала некая группировка высокопоставленных партийцев, которая пыталась убедить Леонида Ильича, что Союз должен согласиться на роль «младшего брата». Жалел, что Штаты не смогли развить эту тему в своих интересах. Фамилий американец не называл, да я и не сильно настаивал.

Чего не сболтнёшь после пары-тройки стопок русской водки, да под белужью икорку, да на дармовщинку? Дело прошлое. Видимо, эти люди, сумев сохранить свои посты при Андропове, обеспечили восхождение Михаила Сергеевича на политический олимп. Впрочем, это лишь мои предположения. Ты хочешь о чём-то спросить? Не стесняйся. Спрашивай.

- Пусть так. Это в сущности неплохо, если в верхах спорят. Значит, переживают. Только не пойму, что мешает им собраться на каком-нибудь секретном совещании или пленуме, обсудить накопившиеся проблемы и взяться за дело всерьёз? Без лозунгов, маршей и прочей мишуры? Грубо говоря, составить и выполнить план по замене соломенных крыш на более надёжные? Смелости не хватает? Или некие подводные течения?

- Тебе надо быть сдержаннее, сынок. – С лёгким осуждением взглянул отец. - Со мной можно. А вот в разговоре с другими нужно руководствоваться правилом «молчание – золото». Больше впитывать, чем отдавать. Особенно на встречах с твоими нынешними «друзьями». Думаю, ты понял, о ком я. Ладно. Как говорится, дело молодое. – Дав сыну возможность «впитать» прописные истины, вернулся к повествованию. – В конце прошлого года Борис Николаевич, вероятно, проанализировав первые шаги генсека, как-то обмолвился в приватной беседе. Дескать, Михаил Сергеевич не тот человек, который способен твёрдой рукой навести порядок в стране. Естественно, я не стал уточнять, поче-

му. И без того ясно, что у нынешнего руководителя нет даже приблизительного плана. Одно дело объявить на весь мир о необходимости реформирования социализма, и совсем другое - провести эти реформы так, чтобы не только сохранить прежние достижения, но и дать импульс дальнейшему развитию системы. Это именно тот случай, когда слова опережают действия, а то и вовсе ими не подкрепляются. В народе таких людей называют пустообрёхами. Не правда ли, метко? Народ никами лозунгами не обманешь. Он нутром чувствует неправду.

- Метко. Только мне от этой «меткости» как-то не по себе. Я не очень внимательно изучал работу Ленина о роли личности в истории. Так. Ради пятёрки на семинаре. Впрочем, я не об этом. Скажи, отец. Разве система, которая выдержала испытание мировой войной, может зависеть от действия или бездействия одного, пусть даже и очень высокого положения человека? По-моему, это абсурд.

- От одного, безусловно, нет. - С готовностью отозвался отец. - Другое дело, если во главе государства стоят переполненные амбициями, но неуверенные в себе люди. Вот это беда. Я вполне разделяю позицию Бориса Николаевича, который утверждает, что Горбачёв поторопился с заявлением о необходимости реформирования системы. Практически не имея руководящего опыта, Михаил Сергеевич замахнулся на устои. Разве это не чистой воды авантюризм? Чем он управлял? То-то и оно, что комбайном, да и то в ка-

честве помощника. А его комсомольского задора в масштабах нашей страны маловато будет. Даже с точки зрения человеческой порядочности его действия выглядят, мягко сказать, сомнительно. Швырнул в массы идею - и трава не расти. А массы-то возбудились от предвкушения светлого будущего. Ждали, ждали практического воплощения идей молодого лидера. И, не дождавшись, начали помаленьку закипать. Горбачёв в своей манере как-то позабыл сроки обозначить. Вот люди и подумали, что счастье завтра наступит.

- И что же теперь будет, батя? – Пашкин голос звучал уныло и вполне соответствовал выражению глаз. - Куда мы прийдём?

- Не переживай. В наших рядах достаточно здоровых сил. Генсеки приходят и уходят, а партия вечна. – Наклонившись к самому уху сына, еле слышно продолжил. – Скажу больше и со всей ответственностью. Я точно знаю, что Борис Николаевич готов действовать. Не спрашивай о деталях. Просто поверь на слово.

- Когда?

- Думаю, как только Горбачёв объявит о выводе войск из Афганистана. Ельцин, при всей своей импульсивности, никогда не станет взваливать на свои плечи такой неподъёмный груз. Согласись, сынок. Логика здесь есть. Некоторые шаги мы уже предприняли. Борису Николаевичу необходимо поменять статус кандидата, на статус члена Политбюро. Тогда он сможет действовать более решительно. А пока он

для партийных бонз только «лимитчик с Урала» и не более того. Я, конечно, немного утрирую, но в целом ситуацию обрисовал правильно.

Настороженность в пашкиных глазах сменилось недоверием:

- Ты уверен, что Горбачёв выведет войска? Сомневаюсь, батя.

Отец вздохнул и покосился на тёмные окна квартиры:

- Не стоит сомневаться. Генсек спит и видит себя в качестве главного пацифиста двадцатого века. Он не захочет упустить шанс получить Нобелевскую премию. Никогда и ни за что. Особых усилий не требуется. Просто даст команду, а как оно пойдёт дальше, его не волнует. А вот народ воспримет поступок Горбачёва с искренним восторгом. А как же? Закончил-таки никому ненужную войну. Всё. Пошли-ка домой, Павел Юрьевич.

Несмотря на поздний час Елена Сергеевна ждала своих мужчин в прихожей. Оглядев припозднившуюся парочку подозрительным взглядом, дескать, не употребили ли часом, женщина произнесла упавшим голосом:

- Час назад звонили из Свердловска. Передали, что Первый действительно просит тебя послезавтра утром быть у него в кабинете. Что будем делать, Юрий?

Коробов-старший вдруг развёл руки крыльями и пропел дурашливым елейным голосочком:

- А ничего, дорогая! Просто завтра утром сядем в самолёт-

тик и тю-тю. Прощевай, столица! Засиделись мы в Москве. Пора бы и честь знать.

Глава 14. Прощание. Нечаянные встречи

Юрий Алексеевич обнял Пашку и, чуть отодвинувшись, внимательно посмотрел в глаза:

- Ну вот и всё, сынок. Мы улетаем домой, и ты можешь начинать жизнь с чистого листа. – Ещё раз прижав сына к груди, горячо зашептал на ухо – Будь внимательным и осторожным. Если что, сразу звони. Все номера я тебе дал. Постараюсь помочь. – Покосившись на супругу, закончил назидательным тоном, явно рассчитанным на публику. - Будь умницей, дорогой. Надеюсь, мы можем быть спокойны за тебя. Звони почаще. И, пожалуйста, не забывай писать хотя бы раз в месяц. Договорились?

- Договорились. – Пробормотал Павел, освобождаясь от объятий отца. – Не беспокойся. Всё будет хорошо.

- Ну вот и славно. Вы прощайтесь, а я отойду на минутку. Коробов-старший, поправив пиджак и галстук, бодрой походкой направился в глубину депутатского зала.

Пашка, проводив взглядом отца, опустил на корточки рядом с коляской, чтобы лучше видеть лицо матери, которая выглядела воплощением спокойствия. Только в глубине глаз плескалась тревога. Погладив сына по щеке, Елена Сергеевна несколько секунд молча смотрела ему в лицо, а затем, порывшись в сумочке, вытащила из неё конверт и с непоколе-

бимым выражением лица протянула его Павлу:

— Это тебе. На первое время. Бери. Не вздумай возражать. — Она говорила короткими фразами, словно боялась запутаться и упустить что-то чрезвычайно важное. — Аннушка вчера была у тебя. Навела порядок. Приготовила еду. Холодильник полон.

Елена Сергеевна вдруг наклонила голову, и Пашка почувствовал, как у него задрожали губы. С трудом совладав с волнением, он осторожно прикоснулся свободной рукой к материнской ладони:

- Не переживай, мама. Я буду часто писать. Очень часто.

- Будь любезен. Постарайся держать себя в руках. Нам с папой очень хочется, чтобы у тебя всё сложилось. — Елена Сергеевна надела тёмные очки и только после этого подняла голову. — Не забудь, Павлик. Тебе завтра обязательно надо зайти в деканат за студенческим билетом. Взглянув на стоящую поодаль домработницу, негромко попросила. - Подтолкни, пожалуйста, коляску. Оставлю вас наедине. Она тоже хочет сказать тебе что-то важное.

Аннушка даже не пыталась сдерживать слёз. Ни в силах произнести ни слова, заплаканная женщина долго стояла, уперевшись лбом в грудь своего воспитанника, а затем молча сунула ему в карман свёрнутые пополам купюры зелёного цвета. У Павла попросту не хватило смелости отказаться.

Пашка возвращался домой, словно под гипнозом. Он и

сам не понял, как оказался рядом с рестораном «Арагви». Знакомый вахтёр остановил его практически на пороге заведения:

- Привет, «космонавт». Снова решил к высшему свету приобщиться? Тогда почему не в смокинге?

- Никак нет. – Отступив на шаг, отчеканил Коробов. – Зашёл спасибо вам сказать за добрый совет. – Павлу хватило несколько секунд чтобы окончательно прийти в себя. Приняв озабоченный вид, вопросительно взглянул на швейцара. – Неужели снова местов нет? Что за напасть? А у меня, между прочим, пригласительный билет есть. Дорогой. Целых пятьдесят рублей стоит. Предъявить?

Мужчина не обиделся. Добровольно став зачинщиком пустого разговора, он и сейчас был не прочь поболтать.

- Ступай себе с миром, сын мой. Местов здесь нет и не предвидится. А пригласительный билет тебе в «Ладье» пригодится. Мне наемники из «Ямы» звонили. Про тебя спрашивали.

Пашка, наконец сообразив, что ноги несли его именно к пивбару, благодарно улыбнулся моложавому привратнику:

- Спасибо, отче. Ну? Я пошёл?

Швейцар величественным жестом указал в сторону Столешникова переулка:

- Ступай, студент. – Добродушно усмехнувшись, зачем-то добавил. – Ты заходи, как время будет. Поболтаем о том, о сём...

Павел не успел вдохнуть в себя кислый воздух полуподвального заведения, как из глубин зала донёсся восторженный рёв Дэна:

- Аллё, Сержант! Давай к нам!

«Вот уж действительно, яма так яма! Всем ямам яма. – Думал Пашка, осторожно спускаясь по скользким ступенькам. – И всё-таки здесь в сто раз лучше, чем в пафосном ресторане. Да и, похоже, пацаны действительно мне рады. Даже звук приглушили, чтобы поздороваться можно было». Он не успел закончить мысль, как оказался в крепких объятиях Дэна.

- Ну ты даешь, Паха! Я только что парням рассказал, что твой номер посеял, а ты тут как тут. Причаливай, Сержант. Сейчас бухать начнём по-взрослому, а не абы как.

Пашка, простучав в знак приветствия по протянутым кулакам, с интересом посмотрел на Дэна:

- Ну, с «Пахой» всё более-менее понятно. Меня так в армейке сразу окрестили. А почему «сержант»? Я вроде бы уже дембельнулся?

- Так мы от нечего делать сами решили тебе погоняло выбрать. Тебя ж не было? Не было. А нормальному пацану без кликухи никак нельзя. – Дыхнув на Коробова пивными парами, продолжил заговорщицким тоном. – Герла в нашей бригаде есть. В смысле, она не одна, но самая заводная. Мы её Квином зовём. Королевой, значит. Потому что тёзка короле-

ве Виктории, а заодно не по-детски торчит от Фредди Меркьюри. Ну, ты знаешь, о чём базар. Мы, естественно, не одобряем, но с уважением относимся к слабости Квин. Плюрализм никто не отменял. А то что по-мужицки на русском звучит, так это даже прикольно. Кто в теме, тот поймёт.

Дэн пьяно икнув, потерял мысль и озабоченно посмотрел на Пашку:

— Это я щас о чём?

- Вообще-то начал с Сержанта, а закончил королевой-герлой и Фредди Меркьюри.

- Точно! – Воспрянул лидер. – Квин предложила каждому на бумажках погоняло записать... кому что в башню придёт... а мне вытянуть. Вот я и вытянул тебе подходящую кликуху. Ну как? Сойдёт?

- Всё путём, Дэн. А где сама девчонка?

Парень хмыкнул и ткнул указательным пальцем в сторону туалета:

- Сейчас она под охраной нужду справляет. А чо? Ватерклозет, считай, общий. Баб здесь мало бывает... Вот пацаны и караулят, чтобы ни один козёл не впёрся. Ну что, Сержант? Бухать начинаем или где?

Коробов сокрушённо вздохнул и выложил на стол пятидесятирублевую купюру:

- Нет, парни. Сегодня не могу. Мне завтра в деканат надо. Нехорошо первокурснику перегаром на преподав дышать. Не поймут. Я зашёл, чтобы проставиться и новый номер со-

общить. Для связи.

Вопреки ожиданиям, Дэн не стал протестовать. Передав бумажку одному из друзей, понимающе кивнул:

- И то верно. На первом курсе особо выделяться не стоит. Не то что не поймут, а выметут поганой метлой, без скидок на героическое прошлое. Ты Паха не пропадай. Тут новая команда нарисовалась. С названием пока не определились. Но мы всех пацанов знаем. Раньше в «Проспекте» зажигали. Что-то мутят между монументом и обелиском. Типа, Ремарк... Лидером у них Толя Крупнов. Я его по институту знаю. Крутой пацан. Сам звонил, сказал, что концерт через пару недель. Пойдёшь за компанию? За бабло не переживай. Проба пера, так сказать. Им реклама нужна. Ну и толпа народу. Так что, считай, на халяву оторвёмся. И на этом движуха не кончается. В конце сентября в Подольске забойный фест планируется. Заява наша, совковая, но команды серьёзные. Даже твой «Урфин» приедет. Ты как насчёт поностангировать?

Пашка хотел было выразить готовность, но вдруг осёкся: между рядами столов в сопровождении двух крепких ребят в косухах гордо шествовала Виктория Свиридова, с ног до головы обтянутая в чёрную кожу.

Глава 15. Принципы альфа-самца

«Вот это номер! – Подумал Павел, машинально облизав внезапно пересохшие губы. – Девочка-паинька, твою мать!

Предки точно не знают про её досуг. Пожалуй, супруги Свиридовы вообще про своих детей ничего не знают. Думают, что обеспечив импортными шмотками и баблом, исполнили родительский долг. Интересно, где она прикид меняет? Наверное, у подружек в общаге. Десять-пятнадцать минут, и студентка-монашка превращается в оторву-рокершу. Как те брюки в шорты. Делов-то».

Он ничуть не сомневался, что Вика тоже узнала его. Иначе зачем она взглянув, тотчас напустила на себя равнодушно-надменный вид? «Ладно, девица-красавица. Примем твою игру. Не буду же я корчить из себя строгого старшего брата? Тем более, что братец у тебя уже имеется» - Пашка, почувствовав вопросительный взгляд Дэна, кивнул подбородком в сторону троицы:

- Похоже, твои сарбозы смогли уберечь королеву от посягательств парнокопытных.

- Сарбозы? – Подозрительно прищурился тот. - В чём прикол, Сержант? Разъясни тупому.

- Никакого прикола, братан. В Афгане так крутых бойцов называли. – Слукавил Пашка. – И стражников, которые до последнего защищали королевскую семью.

- Крутяк! Надо бы запомнить. – Довольно улыбнулся Дэн и, повернувшись к девушке, галантным жестом указал на Пашку. – Знакомься, Квин. Это тот самый Паха-Сержант, которому ты погоняло придумала.

Вика жеманно улыбнулась и через стол протянула ладо-

шку, явно провоцируя на поцелуй:

- Виктория. Друзья зовут меня Квин.

Павел психанул, но тут же взял себя в руки. Бережно приняв ладошку, восхищённо улыбнулся и, незаметно для парней, крепко сжал кончики пальцев:

- Простите, Королева. Я просто не уверен, что в здешнем толчке работает умывальник. А прикладываться к ручке, задействованной в гигиенических процедурах, как-то не комильфо.

Девушка неожиданно растерялась, а парням пришлось по душе экстравагантная выходка нового товарища. И отказал в меру вежливо, и на место поставил возмнившую из себя герлу. Никто из них не обратил внимания, что Сержант продержал пальцы Квин намного дольше, чем принято. Этих мгновений Пашке хватило, чтобы понять: девчонка скорее умрёт, чем попросит пощады. «Уровень!» - с одобрением подумал он и, разжав ладонь, оглядел всю компанию:

- Короче, я пошёл, пацаны. Пора. Вы только третий тост молча исполните. Не чокаясь. Помяните парней и заодно моего ротного. Правильным мужиком был товарищ гвардии капитан Греков.

Он вышел, несколько не сомневаясь, что Виктория не заставит себя долго ждать. Поднявшись по ступенькам, с удовольствием набрал полную грудь свежего воздуха и, запомнив время, устроился на дальнем краешке металлических перил. «Какого лешего я им про третий тост ляпнул? Про

ротного, опять же? Прихвастнуть «героическим» прошлым захотелось? Авторитет дешёвый заработать? Неправильно это» – Пашка ещё раз взглянул на часы и огляделся по сторонам. Ему жутко захотелось курить. Как назло, курящие прохожие куда-то запропастились. Вздохнув, вернулся к размышлениям: «Ладно. Чего я завёлся на пустом месте? Нормальные ребята. Студенты. А в том, что не призвали в армию, их вины нет. Каждому своё. Что-то задерживается железная королева. Может, я зря жду? Зачем мне она вообще нужна? Подожду ещё пару минут и хватит».

- Давно сидишь?

Голос Виктории прозвучал неожиданно, но Павел сделал вид, что не удивился. Критично осмотрев девушку с ног до головы, насмешливо усмехнулся:

- Наверное, Дэну сказала, что маме позвонить надо? Ну и как? Повёлся лидер или пришлось ещё что-нибудь приврать?

Вика не собиралась оправдываться. Присев на перила, přátельски подтолкнула плечом:

- А ты молодец, Сержант!

- В смысле?

- В том смысле, что сходу не стал меня лечить. Терпеть не могу нотаций. – Вика выгнула спину и, взлохматив волосы, круто поменяла тему, вернувшись к Пашкиному вопросу. – Дэн - парень с придурью, но у него есть принципы. Денис никогда не лезет в чужую жизнь без спроса и всегда готов прийти на помощь. Поэтому мне незачем было что-то при-

думывать. Просто сказала, что мне надо тебя догнать.

- И что? Денис не поинтересовался, зачем я тебе сдался? Как-то странно для парня, который так удачно исполняет роль альфа-самца. С трудом верится.

Виктория поднялась и, глядя в глаза Павла, строго и раздельно отчеканила:

- Во-первых, женишок. Дэн не исполняет роль, а на самом деле является альфа-самцом. Во-вторых, он точно знает, что альфач не тот, кто способен принудить женщину, а тот, кто вовремя остановится. В-третьих, тебе нет никакого дела до моей сексуальной жизни.

Девушка замолчала, переводя дыхание, и Пашка тут же воспользовался паузой.

- Всё! С меня достаточно. Пошёл я уроки твои усваивать. Ты ошиблась только в одном. Мне нет дела не только до твоей половой жизни. Мне вообще нет дела до тебя. Живи, как хочешь. И кстати. Лечить тебя я не собирался. Я другую профессию выбрал.

С Вики моментально слетела спесь. Даже слёзы навернулись на глазах. Она смогла только жалобно пискнуть в спину Коробова:

- Почему?

Парень замер на мгновение и бросил из-за плеча:

- Потому что ты дура.

Пешеходы, идущие по своим делам по Столешникову переулку, безропотно уступали дорогу странной парочке, спра-

ведливо опасаясь вляпаться в неприглядную историю. Хотя со стороны картина выглядела довольно забавной: молодой, рослый, то ли белобрысый, то ли седой парень тащил за собой размалёванную девицу в кожаных одеждах, которая, вцепившись в брючный ремень, из всех сил пыталась его остановить.

Наконец Пашка, решив, что уже достаточно проучил девчонку, развернулся на каблуках и, прихватив её за плечи, несильно встряхнул:

- Ну чего тебе от меня надо? Чего ты пристала, как банный лист? Денег на дозу твоему братцу? Скажи, сколько. Я дам. Но только в первый и последний раз.

- Отпусти, дурак! – Голос Виктории звучал по-прежнему сердито, но в её глазах было больше надежды, чем злости. – Это же центр Москвы. Если менты заметут, я заяву напишу. Пусть тебя посадят за домогательства.

Павел, шумно вздохнув, убрал руки за спину:

- Всё. Больше я к тебе не пристаю. Видишь? Даже руки спрятал. Могу идти?

- Нет. Мне с тобой поговорить надо. Серьёзно.

- Говори. Я слушаю.

- Разговор действительно важный. На бегу нельзя. Поедем к тебе? – Девушка исподлобья взглянула на растерявшегося парня. – Ну что, воды в рот набрал? Я ведь знаю, что твои родаки улетели в свой Мухосранск.

- А вот это ты зря! – Всерьёз рассердился Пашка. - Для

кого Мухосранск, а для меня - малая родина. Свердловск. Усекла? Тогда мотай отсюда.

Девчонка распахнула руки, преграждая путь, и жалобно залепетала:

- Ну пожалуйста, Пашечка ... очень тебя прошу...
- Ко мне нельзя. Я не альфа-самец. Не гарантирую, что во время смогу остановиться. Предлагай другие варианты. Пока я добрый.

Глава 16. Исповедь Королевы

Сообразив, что отговорка может быть истолкована как пошловатый намёк, Павел отвёл глаза и пробурчал:

- Извини. Ляпнул без заднего умысла. Только ко мне всё равно нельзя. Ты уж как-нибудь сама причину придумай.
- Забей, отшельник хренов. – Вдруг хихикнула Вика. - Не будем ничего выдумывать. У памятника Долгорукому скверик есть клёвый. Пенсионеры газетки почитывают ... в шахматы режутся. В это время наверняка лавочки свободные есть. Самое подходящее место для серьёзного разговора. Никто не помешает. Чего замер? Пошли.

- Ну что я говорила? – Девушка ловко запрыгнула на лавку и уселась на спинку, поставив ноги на облезлые рейки. – Позвело. Только один дедок спит, уткнувшись носом в газетку. Поди, «Правду» читает. Устраивайся рядышком, не укушу... Пашка, нахмурившись, сердито оборвал распоясавшуюся

нигилистку:

- Слышь, ты, курица? А ну слетела с насеста ... села по-людски. Или мне тебя хорошим манерам научить? Что за народ? Обязательно нагадить надо.

Виктория театрально расширила глаза, но встретившись взглядом с разгневанным парнем, раздумала перечить и покорно слезла со спинки.

- Подумаешь, блюстителю нравов нашёлся! – Бормотала себе под нос девчонка, протирая платочком деревяшки. – И то ему не так, и это... весь, блин, из себя правильный, аж противно! На Урале все такие прибабахнутые, или ты один уникум? – Виктория выпрямилась и резким движением сунула испачканный платок Павлу. – На. Сам стирай. Из-за тебя вымазала.

Коробову стало смешно и легче на душе. Демонстративно убрав руки за спину, с иронией взглянул на рассерженную девушку:

- Остынь. Ты хоть и Квин, но я тебе в прачки не нанимался. – Согнав с лица улыбку, продолжил уже серьёзным тоном. – Короче, подруга. Или давай к делу, или я пошёл. Достала ты меня своими заморочками в стиле рок-н-ролла.

- Ладно. Садись. – Виктория опустилась на сиденье и снизу вверх взглянула на Пашку. – Неудобно разговаривать в таком положении. У тебя психологическое преимущество, а собеседники должны чувствовать себя на равных. - Дождавшись, когда тот присядет, развернулась лицом, чтобы видеть

глаза. - Мальчишки мне все уши прожужжали. Герой и всё такое. Рассказали, что ты один целую банду душманов уничтожил, а потом тебя окружили и в плен забрали. Типа, ты настоящий Рэмбо. Это так? Или наврали с три короба?

Изумлению Павла не было предела. Не зная, как себя вести, он опустил голову и заговорил, глядя на шелуху от семечек:

- Не знаю, что тебе там нажужжали твои «мальчишки», только я им ничего не рассказывал. Абсолютно. Если честно, то я действительно забрёл в «Яму», чтобы крепко поддаться и выговориться незнакомым людям. Не получилось. И люди оказались не теми, и Дэн начал права качать. Потом старлей Валера с дури вслух зачитал справку из посольства. Бумажка в военнике лежала. Так парни узнали про плен. Потом они притащили меня к своему столу и мы сообща надрались. Ну а затем ребята погрузили туловище в тачку, и я проснулся утром дома в состоянии жуткого похмелья. Вот и вся история, если коротко. Послушай, Вика. Не думаю, что ты меня сюда привела, чтобы выслушать печальную повесть о бедном пленнике. Эта моя тема, и я сам буду решать, кому и что рассказывать. Для тебя она закрыта раз и навсегда. Договорились? Вот и хорошо. Давай ближе к делу.

- К делу, так к делу. – Виктория умолкла, собираясь с духом, а затем, как в пропасть шагнула. – Надо убить одну гадину!

Наверное, если бы девушка сказала ещё пару-тройку слов, то Павел непременно ушёл, оставив её один на один с дурацкими фантазиями. Но девчонка, закрыв лицо ладонями, беззвучно разрыдалась, склонившись к самым коленям. «Ну дела! – Пашке вдруг жутко захотелось погладить Вику по вздрагивающим плечам. – Не похоже, что она так расстроилась из-за несчастной любви. Не в её характере. Хотя откуда мне знать про характер? В любом случае, мне сейчас нельзя уходить. Пусть выплачется и выговорится. А там будет видно. Скорее всего, истерика как-то связана с братцем. Блин! Снова курить захотелось».

Прошло не меньше пяти минут, прежде чем Вика смогла успокоиться. Выпрямившись, она не глядя протянула руку и севшим голосом попросила:

- Дай платок.
- Возьми мой. Свой ты выкинула. Стирать не захотела.
- Ты, наверное, думаешь, что я из-за парня истерить начала? – Взгляд девушки был высокомерным и вместе с тем жалобным. - Ага! Держи карман шире. Стану я из-за какого-то козла убиваться. Эта сволочь моего брата на иглу подсадила. Ради денег. Ублюдок! Ненавижу! Сам чистенький, сволочь. Не колетя. Ведёт здоровый образ жизни... А Алька в конченного торчка превратился. Ты мне поможешь? Я заплачу. У меня пока ещё есть деньги. Братец не знает, где заначка. Если ты откажешься, я сама его убью. Как-нибудь... Подкараулю в метро и под поезд столкну. Не веришь?

- Даже не сомневаюсь. Только сама подумай, что это даст? Смерть барыги не избавит Альберта от зависимости. А между прочим, даже от герыча можно отвязаться. Ты мне уж поверь...

- Да ну? – Отпрянула Вика. - Ты, что ли, сам сидел на игле? А по виду не скажешь. Это только родаки не хотят замечать очевидных вещей. А я, благодаря брату, торчков на раз отличаю. Так что, торчал?

- Торчать, не торчал, но пару раз пробовал. – Не моргнув глазом соврал Пашка. – Тренер заметил, что у меня с башкой и с реакцией проблемы, условие поставил. Или-или. Короче, я выбрал спорт. Ладно. Не обо мне сейчас. Что брат говорит? Сам как настроен?

Вика снова опустила голову:

- Алик хороший, но слабовольный. Каждый раз обещает, что в последний раз. Я ему стипендию целиком отдаю... у меня повышенная. А он, похоже, только обещать горазд. Родители в начале лета в санаторий уехали... Я видела, как Алика ломало. Это ужасно, Павел! Телефон разбил, чтобы я скорую не смогла вызвать... пришлось мне самой ехать к этому уроду за дозой. Представляешь? Сочувствовал, сволочь. Сказал, что вполцены уступил. А ещё сказал, что я могу натурой расплачиваться. Мол, у него ко мне всё серьёзно. Урод!

Павел не понимал, откуда взялось вдохновение, но твёрдо знал, что это те самые нужные и правильные слова, которые

вряд ли бы смог подобрать умудрённый опытом профессор психологии:

- Скажи, Виктория. Только честно и без выкрутасов. Тебе что важнее: жизнь брата или месть оскорбившему тебя барыге?

В заплаканных глазах взъерошенной девчонки моментально вспыхнули обида и злость.

- Ты сейчас серьёзно? – Вика даже ладонь для пощёчины изготовила. – Да пошёл твой барыга, знаешь куда? Алик для меня больше, чем отец и мать. Больше! Ты понимаешь? Таких старших братьев не было и нет. И всё рухнуло. Не сразу... как-то незаметно. И мне от этого в тыщу раз больше.

Она отвернулась, и Пашка насилу повернул подбородок девушки к себе.

- Тогда слушай и запоминай, Королева. Никто, кроме твоего отца, помочь Альберту не в состоянии. Уповать на то, что брат возьмётся за ум, тоже не стоит. Сейчас же звони Эдуарду Вениаминовичу на работу и вызывай на серьёзный разговор. Я имею в виду улицу. Ничего не выдумывай. Просто расскажи всё, как есть. Думаю, у него хватит влияния, чтобы Алик уже сегодня ночевал в наркологии. А с твоим упырём я обязательно разберусь. Слово даю.

- А если папа не поведётся? – Неуверенно возразила Вика.
- Сошлётся на занятость. Мол, дома за ужином поболтаем. Да и номера служебного не знаю. Никогда ему на работу не звонила. Да если бы и знала. Не буду же я по телефону про

наркоту рассказывать? Стрёмно. Как пить дать, отмахнётся предок. Что делать?

Пашка сокрушённо вздохнул и вытащил записную книжку:

- Держи. Записывай, королева пивбаров. Это прямой номер приёмной первого секретаря. Откликнутся моментально. Представишься и отца твоего из-под земли достанут. А если отнекиваться начнёт, тогда смело иди в ва-банк. Скажешь, что залетела по дурости. Ни один отец не устоит. Враз про работу забудет. Отвечаю. И мой номер тоже запиши. Короче, держи меня в курсе...

Глава 17. День советов

- Погоди. – Глаза девушки зажглись тихим негодованием. – Ты что? Меня оставить хочешь? Нет. Так не пойдёт. Вместе звонить будем. Одна я не справлюсь. Ты должен присутствовать при разговоре.

Павел с жалостью посмотрел на Вику. Так взрослые смотрят на больного ребёнка:

- Ты вообще-то в своём уме? Первое, что сделает отец, увидев рядом с дочкой мужика, без разговора врежет ему по харе. И только потом разбираться начнёт, что к чему. Я-то успею уклониться. Реакцию ещё не потерял. Впрочем, не в этом суть.

- А в чём?

Павел пожав плечами, дескать пора бы и мозги включить,

объяснился с видом мудреца:

- Если ты действительно хочешь отомстить барыге, то нам надо держаться подальше друг от друга. На всякий случай. Я пока ничего не придумал. Просто знаю, что осторожность лишней не бывает. Короче, Вика. Решаем проблемы по степени важности и по мере поступления. Сейчас главное - твой старший брат. Здесь я тебе только советом могу помочь. Кстати, уже помог. Остальное на тебе. Решишь – звони обязательно. Только открытым текстом говорить не надо. Пококетничай. Только в меру. Ты ведь в кругу семьи и однокашников несколько отличаешься от безбашенной рокерши? Вроде как бы нормальная. Ну вот. На свидание пригласи. Встретимся, тогда обсудим план дальнейших действий. Договорились?

- Что-то у тебя всё сложно получается, Сержант.

- Заканчивай со своими металлическими кликухами! – Вспылил Пашка. - Я своё отслужил. Хочешь по-военному обращаться, тогда добавляй «в запасе». Неужели нельзя по-человечески разговаривать? Или тебе имя моё поперёк встало? Тогда ищи себе другого подданного... Королева, блин, подвальная.

Эмоциональная тирада парня неожиданно развеселила приунывшую девушку. Подкупаяще улыбнувшись, она, как ни в чём не бывало, протянула ладошку:

- Успокойся. Классное у тебя имя. Просто не успела перестроиться с безбашенной рокерши на пай-девочку. Не сер-

дись. – Посерьёзнев, продолжила настойчивым голосом. – И всё-таки объясни мне, Павел, зачем так усложнять? Конспирация, свидание... типа, рабочие на маёвку в девятьсот пятом. Или ты думаешь, что за тобой следят? С чего вдруг? Из-за плена? Наверное, ты не один такой «бедный пленник». Или я не права? Ну, тогда извините, Павел Юрьевич.

- Права, не права. Какая разница? – В меру сурово про бурчал Пашка. – Просто делай, что тебе говорят, и всё будет хорошо. Короче, я пошёл, а ты, прежде чем трогаться, мордочку лица в порядок приведи. Иначе люди от тебя шарахаться будут. Зеркальце имеется? Вот и посмотри. Только сразу не пугайся. Бывай, герла, покедова.

Свернув в сторону улицы Горького, Пашка не без удовольствия услышал позади сдавленные и не совсем цензурные вопли студентки Литературного института. «Заглянула-таки в зеркало. Только зачем так материться? Сама нарядилась, сама сопли распустила, сама тушь размазала. Винить, получается, некого» - Думал Коробов, издали салютуя знакомому швейцару. Он хотел узнать у него адрес отделения милиции однако, заметив, что тот занят приёмом гостей, решил положиться на удачу. Павел не был до конца уверен в правильности решения и, шагая по Столешникову переулку, мысленно рассуждал о последствиях выбранного варианта: «Не день, а день советов какой-то. Сначала Вика, теперь Валера. Ну, хорошо. Допустим, я разыщу старшего лейтенанта Валеру, не зная ни фамилии, ни должности. Просто тупо наткнулся на

него у дверей отделения. Что я ему скажу? Ну, попрошу совета. Так, мол, и так, объясни, как мне быть. Ни конкретики, ни имён. Кроме фамилии высокопоставленного работника московского горкома, который, кстати, вряд ли обрадуется огласке. И что? Сам идиотом буду выглядеть и человека в дурацкое положение поставлю. Валера ведь не сыщик. И даже если бы был сыщиком, неизвестно, как бы он отреагировал на мою просьбу. Нет. В этом деле торопиться нельзя. Пусть сначала Свиридов своего сына в больницу определит. Потом мне следует узнать у Вики данные этого торгаша и только после этого продумать план. Мне самому тоже не стоит сильно светиться. Стоп! Может, с Труновым посоветоваться? Кстати, не самый плохой вариант. Только и ему конкретика будет нужна. Да и неудобно получится. Вроде бы я опять торговаться начал. Он, конечно, поймёт, только всё равно нельзя начинать с просьб. Кроме того, мне самому надо в деталях разобраться. Так что остаётся только ждать звонка от девочки. Интересно, когда Трунов обо мне вспомнит?»

Коробов спустился к Пушкинской и неожиданно увидел стоящую на перекрёстке патрульную машину. «Здрасте, приехали! - думал ошарашенный Коробов, глядя в спину знакомого офицера милиции. – Судьба? Нет. Нельзя пороть горячку. Если Валера повернётся до того, как я слиняю, просто спрошу у него телефон дежурной части и фамилию. Что здесь такого? Впрочем, постараюсь уйти незамеченным. По-английски. В конце концов, его контакты наверняка знает

Дэн. У него потом узнаю».

Чем ближе подходил Пашка к своему дому, тем сильнее чувствовал усталость. Причём усталость была скорее душевной, чем физической. «Приду, приготовлю одежду к завтрашнему походу в универ и завалюсь на диван. – Думал он, поворачивая во двор. – Мама права. Надо выглядеть цивилизным молодым человеком. Хотя бы в начале. Осмотрюсь, пообвыкну, а дальше видно будет. Одно дело провинциальный вуз и совсем другое - пафосный МГУ. Короче, лягу, включу телек и буду ждать звонка от Вики. Всё-таки прикольная она девчонка. Ни за что бы не поверил, что встречу её в пивняке, да ещё в компании металлистов. Как эту дурёху к ним занесло? Протест? Похоже. Или брат свёл? По-любому протест получается. Интересно, Эдуард Вениаминович поверил в её рассказы про беременность? Будь я на его месте, то бросил бы всё к лешему и мухой рванул разбираться с дочерью. Ладно. Не мои проблемы».

Скользнув равнодушным взглядом по ярко-оранжевому ИЖ-Комби, стоящему неподалёку от подъезда, вдруг почувствовал как зачастило сердце. Ускорив шаг, подошёл к пассажирской двери и постучал согнутым пальцем по стеклу:

- Алё, мужики! Закурить не найдётся? Извините, конечно. Просто забыл купить.

Стекло рывками опустилось вниз:

- Присаживайтесь, Павел Юрьевич. Хватит валять дурака.

Мы уже три часа вас караулим.

Невзрачный с виду комби вырулил на Садовое кольцо и лихо рванул по направлению к парку Горького. Пашке нестерпимо хотелось спросить, куда его везут, но он заставил себя принять невозмутимый вид и прикрыть глаза. Сидящий по левую руку молодой мужчина с интеллигентным лицом, одетый в новенькую спецовку, тут же последовал его примеру. Впрочем, молчание длилось недолго. Старший команды явно был раздосадован расшифровкой экипажа. Развернув зеркало так, чтобы видеть глаза пассажира, спросил нарочито безразличным тоном:

- Как догадался, что по твою душу?

Пашка хмыкнул не размыкая век:

- Впервые вижу, чтобы в Союзе на капоте надпись «аварийная служба» была. Да ещё и в зеркальном отображении. Перебор. Ну, а когда в салон заглянул, сразу всё на свои места встало. Из вас такие же сантехники или электрики, как из ведра каска. В общем, всё как том анекдоте про американского шпиона-негра в сельской местности. Один в один.

- Умный, однако. – Констатировал бригадир с кислым видом и, выждав пяток секунд, зачем-то добавил. – Через семь минут будем на месте. Так что отдыхай, пока время есть.

Глава 18. Двумя днями ранее

В главке про дачу знали единицы. Она находилась не очень далеко от кольцевой дороги, в весьма живописном

районе Подмосковья. Однако знаменитости почему-то не интересовались этими местами. Генерал Маркелов навещался сюда нечасто, соблюдая необходимые, на его взгляд, меры предосторожности. Соседи даже не подозревали, что владелец старенького москвичонка, изредка навещающего пожилого родственника, на самом деле является высокопоставленным сотрудником всемогущего комитета. Впрочем, откуда им было знать, что и Петрович, хозяин скромного, но добротного домика на участке о шести соток, не дядя простому инженеру, а вышедший в отставку давний товарищ генерала, в силу определённых жизненных обстоятельств решивший доживать свой век в подмосковной глуши?

Петрович держал себя с дачниками ровно, однако в короткий срок сумел отбить у них желание совать свои носы, куда не следует. Сработал он не грубостью, а скорее равнодушным отношением к их проблемам, нетрезвым запросам на дружбу «по-соседски» и прочего рода попыткам пообщаться. Они даже перестали замечать, что иногда вслед за «Москвичом» начала шестидесятых во двор Петровича заезжают неброских цветов «Волги» с номерами личных автотранспортных средств. Ну, ездят себе и ездят. Что здесь такого? Не шумят, не скандалят и прав не качают. Так что пускай отдыхают себе на здоровье.

Иван Алексеевич отдавал отчёт, что секретная дача, ко-

торуую он в шутку называл «малиной», не может долго существовать в тайне. Библейскую истину: «Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным», никто отменить не в состоянии. Понимал, но относился к этому с философским спокойствием. В конце концов, дело вовсе не в точке на карте Московской области. Дело в Петровиче, высококлассном специалисте и многолетнем друге, верой и правдой отслужившим отечеству почти полвека в качестве резидента советской разведки. Он в любом месте земного шара сумеет обеспечить генералу и достоверную легенду, и полную конфиденциальность переговоров. А если возникнет необходимость, то и надёжное убежище. Ну, это так, к слову.

Полковник Кулак добирался до места, что называется, на перекладных. Фёдор Иванович серьёзно относился к вопросам конспирации, и его нимало не смущало, что играть роль шпиона приходится не на территории вероятного противника, а на родной земле. В деле государственной безопасности, как известно, мелочей не бывает. Начальник отдела был готов к серьёзному разговору с руководством. Более того, он и был инициатором, сумев наводящими вопросами подтолкнуть генерала к мысли о необходимости встречи на скромной даче Петровича. Фёдору Ивановичу позарез нужна была ясность в, казалось бы, простых вопросах.

Хозяин дачи выглядел экзотично в широченных холщо-

вых штанах, тельнике под безрукавкой нараспашку и банданой на голове. Поставив перед гостями, расположившимися в крохотной беседке, эмалированное блюдо с дымящимися шашлыками, демонстративно закинул на сгиб локтя белоснежное вафельное полотенце:

- Вы приступайте, покуда не остыло. А я пойду огурчиков-помидорчиков нарву.

Генерал с весёлым осуждением взглянул на друга:

- Ну ты прям старик Бальтазар из «Человека-амфибии», Петрович. Небось, недавно по телеку показывали? Ну как? Понравился старый фильм?

— Это для тебя фильм старый, товарищ генерал. А для меня настоящая премьера. — Немного смущённый скоропалительным провалом, хозяин поспешно поменял тему. — Спиртное не предлагаю. Вижу, что на денёк приехали. Чаем обойдётесь. В общем, налегайте, мужики. Мешать не буду. Если что надо, зовите, не стесняйтесь.

Начальник главка напрасно ждал от подчинённого инициативы. Фёдор Иванович даже не думал первым начинать деликатный разговор, справедливо полагая, что Маркелов не сможет долго выдерживать паузу. Не для того вызывал, чтобы тратить время впустую. Наконец генерал, перебрав в уме варианты вступления, решил слегка рассердиться:

- Самый умный? А, товарищ Кулак? Думаешь я не понял твоих... гмм... «тонких намёков» насчёт «малины»?

- Разве нет, Иван Алексеевич? Будь я дурак, наверное, давно бы на пенсию сбагрили. Со всей пролетарской ненавистью.

- Ладно. Твоя взяла. – Отмахнулся Маркелов и немного понизил голос. – Вчера председатель вызвал к себе начальников главков на заслушивание. Опустим подробности. Так вот, Крючков ему докладывает, мол, есть достоверная информация, что Рейган не собирается в ближайшем будущем идти на уступки относительно СОИ, а будет напирать на темы, касающиеся войны в Афганистане, прав человека, эмиграции наших евреев, диссидентов и прочей лабуды. – Заметив искру негодования в глазах собеседника, недовольно поморщился. – Не цепляйся к словам, Иваныч. «Лабуда» это не про Афган. Лабуда, полковник, это про совещание у Чебрикова. И вообще. Пока у руля министерства обороны стоит Сергей Леонидович, мы можем не беспокоиться. Вояки не позволят Горбачёву принять условия американцев по СНВ. Другой вопрос, как долго удержится в своём кресле упёртый маршал Соколов. К сожалению, на него у меня ответа нет. Однако ты ведь не ради, так сказать, политинформации меня сюда вытащил? Ты, Фёдор Иванович, хочешь узнать моё личное мнение о ситуации в стране? Ведь так?

Кулак, отодвинув от себя тарелку с едой, серьёзно посмотрел в глаза Маркелова:

- Так точно. Если, конечно, вы мне доверяете и готовы изложить свою точку зрения.

- Не доверял бы, не откликнулся. – Проворчал начальник.
- Давай начистоту. Не мне тебя убеждать, что бардак в стране развёл не новый генсек. Знаешь? Я до сих пор не могу понять, почему Юрий Владимирович, придя к власти, не отменил хрущёвские директивы, запрещающие оперативно-следственные мероприятия в отношении руководителей партийных и советских органов. Он сам не раз обращался к Брежневу с инициативой, но Леонид Ильич не соглашался. Андропов обещал, но не сделал. По конституции все граждане равны перед законом, а на деле получается, что номенклатура выросла в касту неприкасаемых. А рыба, как известно, гниёт с головы. Что думаешь, Фёдор Иванович?

- Быть может, Юрий Владимирович сам опасался попасть под каток? – Полковник, не отрываясь, следил за выражением лица Маркелова. – Безгрешных людей в природе не бывает. Вот он и решил, что если все равны перед законом, то и с генерального спросить могут. Чем не вариант?

Иван Алексеевич скептически усмехнулся:

- Так себе версия. Авторитет Андропова в комитете настолько высок, что некоторые деятели его портреты рядом с портретами Феликса в кабинетах стали вешать. Вроде бы мелочь, да только она с глубоким смыслом. Никто бы не рискнул копать под Андропова. Ладно. Замяём для ясности. Юрий Владимирович все свои тайны с собой в могилу унёс. Кстати, я до сих пор не понимаю, на кой ему сдался Горбачёв? Ну, это другой разговор. Попробуем разобраться по

ходу беседы. Впрочем, дело не в той или иной персоне. Дело в том, что система начала сбоить. Лучше давай-ка вернёмся на тридцать лет назад. В пятьдесят шестой. Представляешь, какой козырь мы дали нашим, так сказать, зарубежным коллегам в плане вербовочных подходов и оперативной разработки функционеров различного уровня? Цэрэушника к партийной ответственности за сбор компры на какого-нибудь, скажем, секретаря райкома не привлечешь. Согрешил уездный партиец по мелочи и, считай, уже попал на заметку спецслужбы. Вот и получается, что, обрета статус «неприкасаемых» номенклатура лишилась контрразведывательного прикрытия со стороны Комитета. Палка, как и положено, в очередной раз оказалась о двух концах. Андропов не мог не знать о последствиях узаконенной безнаказанности верхушки. Знал, но, повторюсь, оставил всё, как есть. Я уверен, что «хлопковое» дело, инициированное лично Юрием Владимировичем, следует рассматривать прежде всего, как некий сигнал правоохранительным структурам и притаившейся, скажем так, «оппозиции». Первые должны сидеть и ждать отмашки, а вторые - сидеть и не рыпаться. Они знали, что у бывшего председателя есть материалы на каждого. Далеко ли тут до беды, если все под колпаком? – Внезапно умолкнув, подозрительно покосился на слушателя. – Что, Фёдор Иванович? Думаешь, ахинею несус? А вот уж нет! Сам напросился на откровенность, так будь любезен выслушать до конца. С кем я смогу ещё душу отвести? С Чебриковым?

Сдаётся мне, что Председателя больше волнуют его непростые отношения с Михаилом Сергеевичем, чем судьбы страны. Он из штанов готов выпрыгнуть, доказывая свою преданность новому лидеру, и обижается, как дитя, когда тот его футболит. Чего молчишь, как партизан на допросе?

Кулак хотел было возразить и успокоить генерала, но в этот момент в беседку заглянул Петрович, державший в руках тарелку со свежевывмытыми овощами и ароматной зеленью:

- Ну вот, гости дорогие. Принимайте обещанные витамины, а я в избу пошёл. Упущенное буду навёрстывать. Столько лет по телевизору русскую речь не слышал.

Проводив взглядами хозяина, мужчины некоторое время молча смотрели друг на друга.

- На чём я остановился? – Озабочился Маркелов, и тут же махнул рукой. – Неважно. Откровенность не всегда должна быть последовательна.

- Вы остановились на взаимоотношениях председателя и генсека. – Кулак с готовностью пришёл на помощь генералу, и добавил, как бы советуясь. – Наверно, не стоит тратить на них время. В конторе все заметили, что шеф становится вспыльчив и раздражителен после поездок в Кремль.

- Не будем. – Согласился Иван Алексеевич. Задумчиво повертев в руках очки, продолжил ровным голосом. - Я говорил о том, что механизмы управления государством начали сбоить. Ставка на однопартийную систему завела стра-

ну в политический и экономический тупик. Не думаю, что эта система порочна изначально. В конце концов, китайцы смогли выйти из кризиса, сохранив монополию партии на власть и коммунизм как государственную идеологию. А ведь Дэн Сяопину на тот момент стукнуло семьдесят четыре года, и он на два года старше Брежнева. Ну, это я так. К слову пришлось. На мой взгляд, только не смейся, Фёдор Иванович, наша беда в том, что лидер страны, придя к власти путём интриг и каких-то соглашений между внутрипартийными группировками, сразу становится идиологом. Он реально начинает ощущать свою исключительность и непогрешимость. Для него первоочередной задачей становится расстановка своих людей на ключевые посты, а потом можно смело приступать к проведению в жизнь той линии, которую считает единственно правильной. Я уверен, что ноги волюнтаризма Никиты Сергеевича выросли именно из этого места. Сейчас можно с юмором вспоминать его экономические и организационные эксперименты, но кое-какие достижения у Хрущёва безусловно были. Старался ли он ради народа? Думаю, что вряд ли. Скорее всего, Никита упивался безграничной властью. После смерти Сталина и победы над Берией он избавился от страха и уверовал в собственную непогрешимость. Люди для него были лишь материалом для экспериментов. Передача земель РСФСР союзным республикам - всего лишь формальность, но, согласись, Иванович, здесь сильно отдаёт крепостным правом. Дескать, дарую на веки вечные, дере-

веньки вместе с людишками по своей царской воле. Ну, а жестокое подавление волнений рабочих в Новочеркасске вовсе противоречит лозунгу о стране победившего пролетариата.

Генерал вдруг замолчал, откинулся на спинку лавочки и, побарабанив пальцами по столу, снова навалился грудью на край:

- Знаешь, почему я хожу вокруг да около? Потому что боюсь приступить к главному. Вот и тяну время. – Заметив, что полковник снова готов вступить в разговор, привычно отмахнулся. – Брось, Фёдор Иванович. Не стоит меня успокаивать. Я стал чересчур осторожным.словно стою перед невидимой чертой между прошлым и будущим.

Кулак всё-таки решился перебить начальника:

- Иван Алексеевич. Если вы считаете, что я ...

Маркелов не дал договорить подчинённому:

- Речь не о тебе. Вернее, не о нас с тобой. Как ни крути, а мы лишь шестерёнки огромного государственного механизма. И в этом нет ничего зазорного. Кто-то должен исполнять роль шестерёнок, а кто-то должен управлять государственной машиной. И вот здесь возникает вопрос, Иваныч. А кто этот «кто-то», кто нами управляет? Сразу оговорюсь: я подразумеваю некую группу лиц, а не кукловода-одиночку.

- Эдак мы с вами до масонского заговора договоримся, Иван Алексеевич. – Не сдержался полковник. - Даже как-то несерьёзно с вашей стороны получается.

- «Несерьёзно»? – Взгляд генерала стал жёстче, а угол-

ки рта сложились в едкую усмешку. — Вот скажи мне тогда, полковник, почему Юрий Владимирович, возглавив комитет, не поддержал в шестьдесят седьмом реформы Косыгина? А между тем положительные результаты экономических начинаний Алексея Николаевича были налицо. Опыта государственного управления не хватило? Так ведь Андропов не с улицы во власть пришёл. С конца войны в этой самой власти вертелся. Конечно, история не знает сослагательного наклонения, но, думается мне, поддержи тогда он Косыгина, страна сейчас бы жила совсем по-другому. Зачем Юрий Владимирович буквально за уши вытянул из Ставрополя Горбачёва, человека весьма посредственных способностей, вся заслуга которого в том, что умеет вовремя поддакнуть начальству? И сделал Андропов это по-тихому, через Суслова и Громыко. Якобы сам не при делах. Более того, он ведь и Леониду Ильичу своего протеже сумел представить, когда тот в шестьдесят восьмом на поезде в Баку ехал. И опять же осторожно, при свидетеле, коим тогда Черненко оказался. Не правда ли символично? Целых четыре генсека в одном вагоне сошлись. Почему Андропов так упорно двигал Горбачёва на самый верх, оставаясь в стороне? Не хотел, чтобы имя будущего лидера было хоть как-то связано с комитетом? Тогда зачем он в конце шестидесятых рассматривал его кандидатуру на должность своего заместителя? Честное слово, голова кругом идёт от этих «зачем» и «почему».

- Не вижу здесь влияния «потусторонних» сил, Иван

Алексеевич. Уж простите за невольный сарказм. Обычные придворные интриги и не более того. Приглянулся ему молодой Горбачёв, вот и решил помочь в карьере.

- Интриги, говоришь? — Исподлбья взглянул генерал. - Согласен. Только эти интриги совсем не придворного характера. Суди сам, Фёдор Иванович. Что общего между смертями Брежнева, Андропова и Черненко? Скажешь, возраст? Это первое, что приходит в голову любому здравомыслящему, но не посвящённому человеку. Но мы-то с тобой хорошо знаем, что ко всем этим событиям имеет прямое отношение профессор Евгений Иванович Чазов. Их лечащий врач. Совпадение? Может быть. Только почему нам не разрешили проверить его зарубежных коллег, с которыми он консультировался по поводу болезней генсеков на связи со спецслужбами? Я понимаю, глупо подозревать кремлёвского эскулапа в убийствах, но, как ни крути, а три случая — это уже система. Сегодня доктор в интервью весьма осторожно и вскользь намекает на некие преследования со стороны комитета, хотя знает, что никакого преследования не было и нет. Ладно. Сейчас модно выдавать себя за пострадавшего. Авось пригодится. Да и не о нём речь. Версия о том, что Андропов продвигал во власть Горбачёва по чьей-то указке, объясняет многое. В том числе и его смерть. Тут классика: мавр сделал своё дело, мавр может спать спокойно. Из логики вроде бы выпадает нелепейшее назначение на пост генсека Черненко. Но это только на первый взгляд. Фигура дряхлого лидера

должна была окончательно убедить народ, что страной руководят выжившие из ума старцы. А в остальном стратегический замысел понятен. Хрущёв на волне борьбы с культом личности Сталина лишает комитет возможности контролировать деятельность первых лиц государства и затекает реформы под лозунгом «Догнать и перегнать супостата». Где-то прокололся, где-то переборщил, перестал считаться с мнением своих же ставленников и в конце концов был снят с должности. Заметь, Фёдор Иванович: как только Никита Сергеевич стал пенсионером союзного значения, он сразу засел за мемуары, в которых поливал грязью не только своих соратников, но и политическое устройство советского общества. Это к слову о его приверженности идеям марксизма-ленинизма и человеческой порядочности.

Генерал вдруг снова замолчал и на пару минут погрузился в раздумья, словно позабыв о собеседнике. Полковник хотел было напомнить о своём присутствии деликатным покашливанием, но Иван Алексеевич неожиданно встрепенулся и продолжил без видимой связи с предыдущим:

- Наша система устроена так, что без сильного лидера существовать долго не может. Просто начнёт пожирать себя изнутри. Но перед тем как окончательно рухнуть, она раздавит любого, кто осмелится выступить против самоуничтожения. Парадокс? Ни в коем случае. Представь себе на минуточку, что я открыто выступлю на каком-нибудь партийном форуме с критикой. Меня либо тихо сольют на пенсию,

либо упекут в психушку, обвинив в нарушении партийной дисциплины и в прочих смертных грехах. Люди, приведшие к власти Горбачёва, преследуют цель не просто лишить Союз статуса сверхдержавы, а столкнуть его в разряд третьесортных, ничего не решающих образований. Я уверен, что Чебриков только прикрылся именем генерального, когда, по сути, санкционировал разработку Ельцина. На самом деле председатель решил найти подходы к московскому секретарю, чтобы определиться с дальнейшими действиями. Рискованно? Ничуть. Виктор Михайлович при любых раскладах останется в стороне. Дескать, давал команду собрать материалы на фонд господина Сороса, чтобы после анализа представить доклад на рассмотрение политбюро. А в отношении Бориса Николаевича распоряжений не было. Каким боком вдруг Сорос и первый секретарь столичного горкома? Корооче говоря, Чебриков в случае провала сыграет на очевидных противоречиях. Как говорится, слово к делу не пришьёшь. Пожурят и отстанут. Если до этого не сместят. Напомни-ка, Фёдор Иванович, кто у тебя занимается семейством Коробовых?

- Капитан Трунов. - Неожиданно смешался Кулак. - Только он сейчас в командировке, товарищ генерал.

- Отзывай немедленно. Пусть занимается вплотную. И не забудь обеспечить парню всестороннюю поддержку. Думаю его стоит авансом представить ко внеочередному званию. Дай команду, чтобы подготовили документы. Завтра же под-

пишу. И ещё. То, что председатель исключил участие Коробова-отца, считай, ничего не значит. В случае необходимости принимайте меры, чтобы вернуть его в игру.

Глава 19. Всему своё время

«Почему я решил, что на площадь Дзержинского повезут? Видать, невелика шишка, раз в спальный район доставили. - Думал Павел, разглядывая ничем не примечательный двор, окружённый многоподъездными панельными домами с будкой электроподстанции посередине. – Интересно, надолго? Хотя какая разница? Всё равно дома делать нечего. Может, для прикола спросить у старшего? Нет. Не стоит. Мужик крепко на меня взелся. Почти всю дорогу молчал».

Машина остановилась у подъезда. Пашка вопросительно покосился на соседа слева, а затем уставился в затылок бригадира. Тот, почувствовав взгляд, распорядился не поворачивая головы:

- В лифт не садись. На шестой этаж пёхом. Квартира номер сто один. Если по пути кто будет интересоваться, скажешь, что по объявлению комнату подыскиваешь. Всё ясно? Тогда иди, студент.

- Товарищ старший лейтенант, а зачем вы его пешком отправили? Откуда вы знаете, что лифт не работает? - Спросил сидящий на заднем сиденье сотрудник, глядя в спину Коробова. – Мы ведь даже в подъезд не заходили.

- Сильно борзый. Пускай ножками потопает.

- А он не расскажет инициатору, что нас срисовал? – Не унимался напарник. – Не хочется выговорешник получать ни за что ни про что.

- Думаю, нет. Вроде не из болтливых. Трогай на базу, Сергеев. Мне ещё рапорт надо написать про эту долбанную наклею «зеркального типа». Взяли, блин, моду под цэрэушников косить. Сплошное палево, а спрос, как всегда, с исполнителя.

Пашка поднял руку к звонку, но дверь бесшумно отворилась, и Трунов, улыбнувшись, жестом указал в глубину коридора:

- Проходи на кухню. Чаёвничать будем. Не разувайся, ибо тапочки не предусмотрены. Ванная слева. Если руки надумаешь мыть, то вытирай вафельным полотенцем. Показать?

- Спасибо. Сам разберусь...

Трунов наполнил заварочный чайник кипятком и, накрыв полотенцем, присел напротив гостя:

- Ну что, Павел, проводил своих?

Коробов сдержанно кивнул. Ему очень хотелось спросить чекиста, почему тот затянул со встречей, а заодно поинтересоваться, как обстоят дела с розыском Фрола. Решив выдержать характер, Пашка не таясь посмотрел на часы и снова поднял взгляд на куратора. Тот понимающе улыбнулся:

- Наверное, завтра в университет надо идти, а я все твои

планы одним махом перемешал? Не сердись, Павел Юрьевич. Если торопишься, то так и скажи. Чайком побалуемся, поговорим о погоде, и можешь домой двигать. Закончишь с университетскими делами, тогда и поговорим. Хотя тянуть особо нельзя. Меня начальник даже из командировки отозвал в связи с предстоящими событиями.

Пашка вдруг почувствовал себя школьником, которого учитель прихватил со шпаргалкой:

- Я особо не тороплюсь, Дмитрий Игоревич. Просто немного волнуюсь из-за завтрашнего похода. Мой комсомольский билет у духов остался. Вот и думаю, не заартачатся ли комсомольские вожаки? Я ведь для них чужой. Можно сказать, лимитчик.

Трунов серьёзно посмотрел на собеседника:

- Правильно сделал, что предупредил, Паша. Нам с тобой лишние разговоры не нужны. Не переживай, подстрахуем на всякий случай. Чтобы закончить вступительную часть, докладываю по твоему Олегу. Запрос в главное управление кадров министерства обороны я ещё до командировки отправил, а запрос в штаб округа лично отвёз и коллегам передал. Ребята обещали ускориться. – Подняв со стола заварочный чайник, как ни в чём не бывало, поинтересовался. – Тебе покрепче?

- Что? – Павлу потребовалась пара секунд, чтобы понять суть вопроса. Новость о том, что капитан начал работу по розыску друга ошеломила его. – Покрепче... Так вы что, то-

варищ капитан, специально из-за Фрола в Ташкент летали?

Трунову по-мальчишески захотелось приврать, чтобы придать весомости предстоящему разговору. Но, увидев счастливое лицо Коробова, изобразил снисходительную усмешку:

- Не будь наивным, друг мой Пашка. Просто оказия случилась. Командировка в Ташкент подвернулась. По большому счёту, запроса в министерство вполне достаточно, но эта история может растянуться на месяцы. А тут такое совпадение. Почему бы не воспользоваться? – Пододвинув к гостю блюдо со сладостями, дескать, сам угощайся, без какого-либо перехода приступил к главной теме. – Давай считать, что перерыва не было. Сейчас ты мне расскажешь про свою службу и мытарства в плену. Потом заполнишь анкету, распишешься в документах и на этом закончим. На меня не обращай внимания. Я буду делать пометки и задавать уточняющие вопросы. Пока этим ограничимся. Впрочем, не совсем. Нам надо ещё подобрать тебе оперативный псевдоним. Договорились?

Разочарованию Коробова не было предела. У него даже голос охрип от волнения и обиды:

- А как же задание? В чём суть, Дмитрий Игоревич? Получается, я у вас вроде марионетки?

Реакция парня была настолько неожиданна, что капитан всерьёз забеспокоился: «Я должен был догадаться, что у пацана ещё детство в одном месте играет, - думал Трунов, помешивая ложкой в кружке, - мало ему Афгана, так ещё здесь

«подвиги» подавай. Ведь только что о друге волновался и ни о чём другом даже не думал. У него ведь всё на лице написано. Может, рано его из огня да в полымя? После плена всего-ничего прошло. Вряд ли нервная система полностью восстановилась. Себя вспомни, товарищ Трунов. После замены недели три в себя приходил. За малым делом едва в запой не ушёл. Так у меня хотя бы грань более-менее чёткая была между Афганом и службой в Союзе. У Пашки этой грани не существует. И плен границы между событиями размыл и не дослужил положенный срок. Так и доложу начальству. Нет. Кулак не поймёт. Да и выбора по сути никакого... Не по сути, а вообще никакого. Во попал! Я ведь был уверен, что Коробов умеет владеть эмоциями. Входит со мной расслабился? Почему нет? Узнал, что дело с Фроловым сдвинулось с мёртвой точки, плюс я ему обещал поддержку в университете. Вот Павел и почувствовал себя защищённым. Пожалуй, так оно и есть... Вон как меня глазами сверлит. Того и гляди, насквозь проткнёт. А что мне мешает сориентировать его на Алжирца? Я ведь с собой фотографию захватил. Как чувствовал. Всё правильно. Парень сразу остынет, почувствовав доверие с моей стороны. А я, в свою очередь, подумаю, стоит ли докладывать полковнику о корректировке. Ну... Была, не была».

Приняв непростое решение, капитан успокоился и с лёгкой насмешкой посмотрел на насупившегося собеседника:

- Как говаривал таможенник Верещагин в знаменитом

фильме: «А пулемёт я вам, ребята, не дам». Всему своё время, Пашка. И не надо строить такое лицо. Не в детском саду. – Раскрыв кожаную папку, вытащил фотографию и протянул снимок Коробову. – Взгляни-ка. Узнаёшь?

- Так это же Джейк! Робертс... Откуда у вас его фото? – Павел так разволновался, что едва не опрокинул чашку. – Зачем он вам?

Трунов, выждав несколько секунд, забрал снимок и вложил в папку:

- Детали потом. А пока ты должен только знать, что Алжирец - этот тот «объект» с которым тебе придётся работать. И, пожалуйста, не задавай больше вопросов. Я всё равно не стану отвечать. Пойми, Паша. Сейчас твоя главная задача как можно быстрее адаптироваться в студенческой среде. Ты должен принять самое активное участие в общественной жизни университета. Считай, что ты, переступив порог университета, уже приступил к выполнению задания.

- Не понимаю, - упрямо мотнул головой Пашка, - причём здесь Джейк?

- Остынь. Повторяю: всему своё время, Павел. А пока давай-ка изменим план. Сначала займёмся формальностями, а заодно сочиним тебе оперативный псевдоним. У тебя есть пожелания?

- Есть. – Не глядя на собеседника, буркнул Пашка, всё ещё недовольным голосом. – Пусть будет «Сержант».

- Не пойдёт.

- Почему?

- Прямая связь с твоим воинским званием. Давай что-нибудь другое.

Павлу неожиданно стало весело. Он даже позволил себе ехидно усмехнуться:

- А у вас, товарищ капитан, есть предложения?

Трунов ответил вполне серьёзно. Словно не заметил ёрничества.

- Предлагаю закрепить за тобой псевдоним «Данила».

- Так здесь же прямая связь с Уралом? Любой догадается, что речь идёт о персонаже из «Каменного цветка». Разве не так?

- Агенты спецслужб вряд ли знакомы с творчеством Бажова. И потом, товарищ Паша. Если мы с тобой сейчас начнём перебирать прозвищами, то запутаемся окончательно и бесповоротно. Любую кличку можно как-то привязать к личности обладателя. Так что остановимся на Даниле. Вижу, что согласен. Короче, дружище. Возражения не принимаются. Вот тебе документы. Читай, изучай, задавай вопросы. Я покажу, где расписаться. А потом я буду слушать твой рассказ. От начала до конца. Без купюр и недосказанности. Ты обещал, помнишь?

- Данила, так Данила. Пускай будет по-вашему. Я не возражаю.

Глава 20. Знакомство с Альма-матер

- Вставай скорее, а не то весь университет проспишь.

Фрол так пронзительно верещал на ухо, что Павел попытался лягнуть его ногой. Пятка, описав короткую кривую, больно ударилась о подлокотник дивана. Крепко выругавшись, вскочил и тупым удивлением уставился на телефон. «Кто это может быть?» - успел подумать Коробов, протягивая руку к аппарату. Но тот, прощально подмигнув оранжевым окошком, коротко звякнул и затих.

«Или родители, или Вика. Больше некому. – Рассуждал Пашка, шлёпая в ванную. – Сейчас приму душ и позвоню в Свердловск. Надо было ещё вчера пообщаться, только очень поздно домой вернулся. Вообще-то правильно сделал, что на ночь глядя не стал. Мать что угодно могла подумать. Ладно. Проехали. Если у Королевы что-то серьёзное, ещё раз перезвонит. Мне самому неудобно. Ещё на родителей нарвусь».

Общение с матерью затянулось минут на десять, но Павел не особо переживал, поскольку до того успел прикинуть по карте, что дорога до журфака займёт не больше получаса. А благодаря Аннушке, которая привела в порядок и костюм, и рубашку, времени на сборы у будущего студента было предостаточно.

Критически осмотрев себя в зеркале, Пашка решительно снял галстук и, прицелившись, метнул шёлковый комок на стол. Он даже не успел развернуться к двери, как телефон снова завёл свою лихую трель. В два прыжка оказавшись у тумбочки, схватил трубку и хотел придать голосу прилич-

ную толику деловой солидности, но не справившись с волнением, смог лишь выдать что-то хриплое и невнятное. Издалека тут же донёсся короткий смешок. Коробов, не желая выслушивать подколки насчёт своего неудачного выступления, сердито пробурчал:

- Говори. Только быстро и по существу. Мне некогда. В универ тороплюсь.

- Ладно. – Эхом отозвалась Вика. – Если в двух словах, то всё получилось, как ты предполагал. Братика ещё вчера упаковали. Папа, правда, меня чуть в ключья не разорвал. Он почему-то сразу поверил в беременность. Даже на Алькину зависимость отреагировал как-то помягче...

- Короче, подружка, - перебил Коробов, - давай потом общаемся. Говори где. Я часа через два-три должен освободиться.

- Сразу видно провинциала. – В голосе Виктории послышалась лёгкая обида. – Два-три часа — это дистанция огромного размера. Если ты, конечно, классика читал. По-моему, опаздывать – привилегия барышень, а не кавалеров. Я тебя, что ли, ждать должна?

- Знаешь что, «барышня»? Не хочешь, как хочешь. Тебе больше надо.

- Ладно, забей. У метро «Октябрьская», кафе «Шоколадница». Найдешь?

- Найду. По запаху. У провинциалов нюх, как у голодной собаки. Всё. Я погнал.

Интеллигентная, средних лет сотрудница деканата грациозным жестом указала Коробову на стул и, опустив глаза, добродушно заворчала, одновременно перебирая внушительную стопку пахнувших свежей типографской краской корочек:

- Не понимаю, к чему эта спешка? Почему нельзя вместе с остальными ребятами получить документ на торжественном собрании? Ради одной обстановки стоит поприсутствовать. Ведь это память на всю жизнь. Столько трудов, волнений, переживаний из-за экзаменов. А вы словно исподтишка, уж простите за откровенность. Не моё, конечно, дело и всё-таки.

Пашка чувствовал, как краска стыда расплзается по щекам, и не знал, куда девать руки. Он даже не пытался объяснить: ему мучительно хотелось сорваться с места и убежать из кабинета, чтобы больше никогда сюда не возвращаться. Мелодичный голос секретаря только усиливал ощущение неловкости.

Минута шла за минутой, женщина продолжала негромко ворковать, то и дело сверяя фотографии на разворотах билетов с лицом докучливого посетителя:

- Девочка... Снова девушка... Парнишка... Нет. Не то... Иностранец... Иностранка... Юноша. Наш, но азиатской внешности... Вроде бы вы, но фамилия другая. – Раскрыв последнюю книжечку, недоумённо и чуть-чуть злорадно по-

смотрела на Павла. – Нет вашего билета, товарищ Сыромятников. Не обессудьте, но разбираться буду завтра. Если повезёт, то вместе с остальными первокурсниками получите. Как все. На торжественном собрании в присутствии Ясена Николаевича. Это наш многолетний декан. А зачётку за месяц до начала сессии выдам. Всё понятно? Вы не возражаете?

Пашке очень не хотелось расстраивать добросовестную работницу, и поэтому он постарался как можно деликатней сообщить ей о досадной оплошности:

- Простите. Здесь какая-то ошибка. Моя фамилия Коробов. Павел Коробов. К товарищу Сыромятникову я не имею никакого отношения. Мы с ним даже не знакомы.

- Как же так? – Секретарь не на шутку разволновалась. У неё даже повлажнели уголки глаз. – Никогда не думала, что со мной может приключиться нечто подобное. Одну минутку, Павлик, я быстро всё улажу.

- Не стоит. Мне кажется, вы правы. Будет гораздо лучше, если я получу студенческий билет из рук самого декана. Разрешите, я пойду? Мне ещё в комитет комсомола надо зайти по поводу постановки на учёт.

- Конечно, конечно, товарищ Коробов. - Благодарно улыбнулась женщина. - Большое спасибо за понимание.

- Ещё раз извините. – Замер в дверях Пашка. - Я не запомнил фамилию декана.

Глаза женщины стали огромны, как небо:

— Это непростительно, молодой человек! Фамилия Ясена Николаевича - Засурский. Его знают во всех университетах мира. Вы глубоко ошибётесь, если примете мои слова за шутку.

Коробов минут пять сидел напротив двери факультетского комитета комсомола, пытаясь выстроить линию защиты. А в том, что ему придётся отбиваться от нападок секретаря, он нисколько не сомневался: «Ну, утрату билета я ещё могу хоть как-то объяснить, не упоминая плен. Типа, сгорел во время пожара после обстрела. Или что-нибудь подобное нагородить. Но как я смогу объяснить отсутствие учётной карточки? Я ведь должен был её забрать у бригадного комсомольца при увольнении. Сказать, что штабной модуль тоже сгорел? Вместе со всеми документами? Бред, конечно, но, похоже, другого варианта не существует. По крайней мере, у меня. Или сказать, что никогда в комсомоле не состоял? Вообще запутаюсь. Возьмут и с дури пошлют какой-нибудь запрос в Свердловск. Скандал выйдет нешуточный. Нет. Так не пойдёт. Попробую импровизировать».

Дверь бесшумно приоткрылась, и в щель высунулась коротко остриженная голова. Несколько секунд молодые люди изучающе смотрели друг на друга. Наконец комитетчик шагнул в коридор и заговорил короткими предложениями:

- Ко мне? Наверное, по поводу учёта? Первокурсник? Это хорошо. Проходи.

Пропустив посетителя, парень указал на стул в торце стола, продолжая сыпать очередями фраз:

- Секретаря сегодня не будет. Он в главном здании. Ничего. Справимся. Делов на пять копеек. Тебе повезло. Я на пару минут заскочил. – Усевшись в кресло руководителя, přátельски улыбнулся и подмигнул левым глазом. – Меня Михаилом зовут. Я вообще-то за сектор трудового воспитания отвечаю. Так что мы с тобой через пару недель где-нибудь в Подмоскoвьe на картошке встретимся. Жалко.

Михаил замолчал и Пашка понял, что тот ждёт от него вопроса, чтобы продолжить свою «пулемётную» речь. Заинтересованно приподняв брови, уточнил, стараясь казаться в меру серьёзным:

- Чего тебе жалко? Картошку или Подмоскoвьe?

- В принципе, и то и другое. Но дело не в этом. – Михаил навалился грудью на край стола, подчёркивая весомость известной ему информации. – Тут такое дело, понимаешь. В середине сентября в универ Грэм Грин приезжает. Знаменитый писатель из Англии. А я вместе с вами должен картошку с морковкой копать. Вернее, копать будете вы, а я буду контролировать. В кои веки настоящий прозаик приезжает, и такой облом!

- Да уж. – Сочувственно покачал головой Павел. - Всем обломам облом.

- Остришь? – Обиженно насупилсЯ Михаил и вдруг спохватилсЯ. – Тебя как зовут-то?

- Павел. Павел Коробов. Тут такое дело...

На столе зазвонил телефон и Михаил, строго взглянув на собеседника, поднял трубку:

- Кучеров. Слушаю вас, Елена Борисовна. Кто? Коробов? Так он уже у меня. Что? Сами подойдёте? Буду рад. Всё, Елена Борисовна, договорились. Без вас не начнём. – Положив трубку, подозрительно прищурился. – Ты кто такой, если за тебя сама Козельцева вписывается?

Пашка незаметно вытер внезапно вспотевшие ладони о колени.

- Просто человек. А что? Кто такая эта Козельцева? Я с ней лично не знаком.

Кучеров снисходительно улыбнулся. Он вдруг почувствовал себя причастным к высшим университетским тайнам и поэтому заговорил тоном строгого и вместе с тем терпеливого наставника:

- Козельцева в университете с конца сороковых работает. Куратором от кагэбэ. Слышал, что официально числилась референтом ректора. И дальше бы работала, но лет пять-шесть назад ляпнула одному блатному. Вроде бы внуку члена политбюро. Дескать, дедушка не вечен, пора бы самому за ум взяться. Ну а тот внучок, видать, дедульке своему пожаловался. Короче, сейчас у нас на журфаке работает. Не внук, конечно, а сама Козельцева. Авторитетная тётка. Никто с ней связываться не хочет. Так что, считай, Пашка, крыша у тебя более чем надёжная. Если откровенно дурака валять не нач-

нёшь. Елена Борисовна женщина справедливая. Сама тебя пинком под зад вытурит. Так какие у тебя проблемы, товарищ Коробов?

Дверь кабинета бесшумно отворилась и за спиной Павла раздался негромкий женский голос:

- А вот сейчас вместе и узнаем, и поможем. Сидите, мальчишки. Не надо вскакивать. Не в армии.

После обеда полковник КГБ в отставке Козельцева Елена Борисовна, набрав по памяти известный ей номер, сообщила, что проблем с зачислением студента Коробова больше не существует.

Глава 21. За восемь тысяч километров от Москвы

Первый заместитель директора ЦРУ Роберт Гейтс намерено пригласил начальника отдела стран Восточной Европы и СССР Олдрича Эймса на скромное ранчо, расположенное на окраине небольшого посёлка Маклин, что буквально в двух шагах от Лэнгли, чтобы с глазу на глаз переговорить с подчинённым и о текущих делах, и о перспективах на будущее. Оснований для подобного решения у Гейтса было предостаточно: в конторе уже несколько месяцев шла тотальная проверка сотрудников с целью выявления «крота», работающего на КГБ. Масштаб разгрома агентурной сети в СССР был таков, что в недавней беседе шеф ЦРУ, лишь следуя писаным и неписанным законам корпоративной этики,

не назвал его катастрофой. В марте этого года, практически в день назначения Гейтса первым заместителем, эксперты доложили, что причиной громких провалов двойных агентов скорее всего является несметное количество «жучков», установленных советской разведкой в штаб-квартире могущественной спецслужбы. Конечно, столь смелые предположения детективов должны быть тысячу раз проверены и перепроверены, но Гейтс предпочёл избрать путь наименьшего сопротивления, пригласив шефа отдела контрразведки на ничем не примечательное ранчо. Правда, подстраховки ради, он накануне распорядился выслать группу спецов, чтобы парни прощупали каждую розетку и каждый квадратный дюйм внешне невзрачной постройки.

Зная о пагубном пристрастии Эймса к горячительным напиткам, Гейтс не стал предлагать гостю алкоголь, несколько не сомневаясь, что тот правильноотреагирует на отступление от этикета, навязанного киношниками. Правда, он успел заметить недовольство в глазах начальника отдела, но не счёл нужным объясняться. В конце концов, интересы безопасности Соединённых Штатов превыше любых традиций. Потратив несколько минут на нейтральные разговоры, Гейтс откинулся на спинку кресла и, выдержав необходимую паузу, приступил к главной теме:

- Вам, безусловно, известно, Олдрич, что позавчера я имел беседу с боссом относительно перспектив Михаила

Горбачёва на посту руководителя «империи зла». Мистер Кейси уверен, что основные тезисы аналитической записки под фольклорным названием «Новая метла» актуальны и на сегодняшний день. По большому счёту, Уильям прав. Горбачёв, как и год назад, остаётся популистом, опирающимся на поддержку средних слоёв партийной и государственной бюрократии. По итогам полугодового пребывания у власти, можно сделать однозначный вывод, что у советского лидера нет серьёзной программы экономических реформ. Объявленная им борьба с коррупцией и привилегиями на деле оказалась грандиозным блефом. Честно сказать, о таком «вожде» мы даже не мечтали. Однако, нельзя недооценивать способность нынешнего генерального секретаря к интригам. За короткое время Горбачёв сумел избавиться от политических конкурентов. И сделал он это на высочайшем уровне. Впрочем, на мой взгляд, аналитики управления ошибаются, пытаясь втиснуть Горбачёва в привычные нам рамки этакого ковбоя. Кстати, они утверждают, что в настоящее время советскому лидеру не стоит опасаться серьёзной оппозиции в верхах, поскольку там привыкли подчиняться партийной дисциплине - наследию Иосифа Сталина. Что вы думаете на этот счёт, Олдрич?

Начальник отдела только три дня назад вышел из очередного запоя, и ему было чрезвычайно трудно следить за ходом мыслей шефа. Но по интонации Гейтса он понял, что тот ждёт от него не столько безоговорочного согласия, сколь-

ко обоснованных возражений. Подходящий ответ нашёлся мгновенно. Слабо усмехнувшись, дескать, что ещё ждать от кабинетных интеллектуалов, заговорил слегка подсевшим голосом:

- Кагэбэ продолжает громить московские и ленинградские ячейки, которые составляют основу нашей разведывательной сети. Советские военные фактически наложили вето на уступки в вопросах ядерного вооружения, и Горбачёв откровенно боится переступить обозначенную ими линию. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять: руководители силовых и правоохранительных структур Союза относятся к реформам генсека с изрядной долей скепсиса. Именно они являются оппозицией нынешнего руководителя. Пока не столь явной. Но что им мешает, скажем, через полгода-год отстранить Горбачёва от власти, обвинив его уже не в пресловутом хрущёвском волюнтаризме, а в прямой измене?

Шеф с нескрываемым уважением взглянул на собеседника: «В чём, в чём, а в логике этому парню отказать нельзя. Похоже, Эймса нимало не смущает, что кагэбэ громит именно его агентуру. Впрочем, Олдрич прав. Если дело в электронном шпионаже, то спроса с него нет. Какая выдержка! Всего неделю назад прошёл унижительную проверку на полиграфе и никаких претензий. Одним словом – профессионал высшей пробы. Жаль, что не может самостоятельно справиться с алкоголизмом. Надо будет переговорить с ним на эту тему. Не сегодня».

Ослабив галстук, Гейтс позволил себе сдержанно улыбнуться:

- Вы, дружище, уловили самую суть проблемы. Однако позвольте мне вернуться к началу. Я остановился на разговоре с боссом. Все службы сейчас работают на подготовку к предстоящей встрече первых лиц. И каждая пытается внушить мистеру Рейгану, что их видение нынешней международной ситуации единственно верное. В общем, всё как обычно. У каждого ведомства свой интерес. И тем не менее, Кейси сумел убедить президента, что на этом этапе он должен проявить негибкую твёрдость. Аргументы серьёзные. Советский Союз на грани. Проблемы везде. От упадка в экономике до беспорядков в Польше, которые имеют все признаки народного восстания. Ну и, безусловно, затянувшаяся война в Афганистане. Идея в том, что Горбачёв должен сам обратиться за помощью к нам. И сделать это с покаянным видом, махнув рукой на национальную гордость великороссов и бывшее величие Союза. Конечно, босс сказал мне далеко не всё. И я уверен, что на переговорах лидеры будут говорить не только об СНВ. Не стану утверждать, что тема разоружения - лишь ширма, и всё-таки..., - Заметив неподдельный интерес в глазах подчинённого, поощряюще кивнул. – Вас что-то смущает, Олдрич? Спрашивайте. Не стесняйтесь.

Контрразведчик, с удовлетворением почувствовав, как ослабевают тремор пальцев, сосредоточил взгляд на галстук

начальника:

- Я не слышал, что Рейган и Горбачёв собираются встречаться. Напротив. Журналисты ведущих политических изданий только и пишут об очередной фазе напряжённости.

- Поверьте, дружище! - Шеф даже руки потёр от удовольствия - Скоро эта новость взорвёт всю мировую прессу. Причём дело спланировано так, что Горбачёв сам обратится с предложением о переговорах к хозяину Белого дома. Весьма возможно, что он попытается выдать своё послание за новую мирную инициативу. Впрочем, высоким политикам виднее, как они будут реагировать на эти потуги. У нас с вами другие заботы и другие задачи.

Эймс не к месту разволновался, но сумел сохранить спокойное выражение лица:

- И когда нам ждать «взрыва»? Это не пустой вопрос, сэр. Мне необходимо организовать соответствующие мероприятия.

Взгляд Гейтса стал пронзительно-серьёзным:

- Понимаю. Скорее всего, обращение советского генсека состоится в середине сентября. Президент Рейган, несмотря на осторожность и подозрительность, не станет тянуть время. Значит, встреча произойдёт где-то в октябре-ноябре на нейтральной территории. Госдепартамент предлагает рассмотреть Рейкьявик. Понимаете, Олдрич? У нас появился исторический шанс - устранить СССР как основного соперника в борьбе за мировое господство. И мы не должны

его упустить. Как ни парадоксально будет звучать, но мы обязаны обеспечить пребывание Горбачёва на своём посту до тех пор, пока его действия отвечают национальным интересам Америки. Кроме того, необходимо в короткие сроки кардинально пересмотреть основные принципы деятельности вашего отдела. С учётом сложившейся ситуации с провалами, думаю, что надо более плотно работать с людьми, которые могли бы стать агентами влияния. Причём в среднесрочной перспективе. Спешка здесь не нужна. Институт агентов влияния должен функционировать в Советской России перманентно. До скончания века, если угодно. Вне зависимости от её будущего политического устройства. Но это уже задача наших преемников. А сегодня мы должны вывести из системы управления Советов ортодоксов-патриотов и заменить их на лояльных людей. Я имею в виду не только министерства и ведомства, но ближайшее окружение Горбачёва. Не вижу здесь серьёзных препятствий, поскольку эту программу начали наши предшественники. Нам надо просто внести коррективы и придать ей некоторое ускорение. Всё в духе «перестройки» мистера Горби. Я дал распоряжение аналитикам, чтобы они подготовили списки перспективных кандидатов. Как любит говорить директор: «Задействуй негодяев, если хочешь быстро выполнить работу». – Сообразив, что цитата директора звучит несколько двусмысленно, с улыбкой пояснил. - Я сейчас не про конторских экспертов. Впрочем, уверен, что многих из этого списка вы знае-

те сами. И тем не менее. Кстати, Олдрич, как обстоят дела с нашими людьми, приписанными к так называемым благотворительным фондам и прочим негосударственным структурам? Я имел беседы с бенефициарами этих организаций. Они с большим энтузиазмом восприняли нашу инициативу и готовы безвозмездно вложить солидные деньги в программу. Помнится, вы недавно ходатайствовали о возвращении в управление некоего Робертса? Вы не разочаровались в своём протеже? Мне стоило немало усилий, чтобы с парня сняли обвинения в государственной измене. Поверьте, я сделал практически невозможное.

Эймс слегка откашлялся в кулак, чтобы вернуть голосу привычный тембр:

- Группы готовы к командировке в Союз. Как говорят в России, ждут отмашки. В Робертсе я уверен на сто процентов. Парень извлёк серьёзный урок из своей ошибки. Но сейчас эта ошибка обретает иное звучание, так как благодаря ей у нас есть выход на сына ближайшего соратника Ельцина. Вы наверняка знакомы с этой историей. Связь слабая. Но это пока всё, что мы имеем на сегодняшний день, сэр.

Гейтс удивлённо вскинул брови:

- Вы упомянули Ельцина. Почему?

- Мистер Ельцин - креатура нынешнего лидера. Через него мы сможем получить выход на первое лицо. Кроме того, я уверен, что фамилия этого господина наверняка есть в списке экспертов. Когда я смогу ознакомиться с докумен-

том?

- Хоть сегодня.

Через два дня список действующих и потенциальных агентов влияния с соответствующими комментариями был в руках полковника КГБ Виктора Ивановича Черкашина. Первый заместитель директора ЦРУ в то время ещё не знал, что Олдрич Эймс уже полтора года работает на советскую разведку.

Глава 22. Беспечный бродяга

Павел и Михаил распрощались как хорошие приятели. После короткого рассказа о пребывании в плену, на который Коробов решился лишь под серьёзным давлением Козельцевой, с Кучерова слетела присущая старшекурсникам спесь: он долго от всей души тряс руку нового товарища, обещая всестороннюю поддержку и помощь.

Пашка вышел на проспект Маркса и, взглянув на часы, с удивлением обнаружил, что знакомство с альма-матер заняло всего-навсего полтора часа. «В моём распоряжении уйма времени. – Думал новоиспечённый студент журфака, шагая к станции метро «Кропоткинская». – Ничего. Королева подождёт. Мне ведь надо проветрить мозги и собраться с мыслями? Надо. В конце концов, мы с ней точное время не обговаривали».

Он брёл почти наугад, руководствуясь инстинктом и желанием не думать о чём-либо серьёзном. Павел зачем-то убедил себя, что непременно должен пройти по Крымскому мосту мимо парка Горького и только там сделать короткий привал, чтобы окончательно сориентироваться по карте. Маршрут прочно закрепился в памяти, но Павел с удовольствием сворачивал в неприметные переулки, ничуть не опасаясь заблудиться или оказаться в тупике. Он чувствовал себя беспечным бродягой и был счастлив от ощущения пусть мимолётной, но в это же время ничем не ограниченной свободы. Когда, по его прикидкам, до очередной станции метро оставалось пройти метров пятьсот, за спиной послышался тяжёлый топот нескольких пар ног и чей-то отчаянный выкрик: «Дорогу! Твою мать...». Коробов послушно шагнул вправо, уступая тротуар группе ребят в кожаных куртах с заклёпками и цепями. Те вихрем пронеслись мимо, громя подолы высокими армейскими башмаками, и через пару секунд исчезли, нырнув под арку старенького обшарпанного особняка.

«Поди разберись в этих неформалах, - подумал Пашка, намереваясь продолжить движение к Садовому кольцу, - Двое - точно металлисты. Один с фиолетовым ирокезом на башке. Походу, панк. Четвёртый - сто процентов гопник. Может даже один из тех, кто недавно на набережной меня пресануть хотел. Какой-то странный симбиоз. Гопы вроде не жалуют панков. Им всё равно кому морды бить. А тут вместе

подорвались. С какого перепугу? Не иначе менты».

Неутомимый путник успел сделать несколько шагов, как позади снова раздался топот ног. «Ого! На этот раз не меньше десятка. Легко бегут ребяташки. Явно не в берцах и явно не менты» – Павел, с трудом заставив себя не оглядываться, шагнул в сторону и замер в ожидании. Ему ужасно не хотелось влипнуть в очередную историю. И не только потому, что запросто мог опоздать на randevу с несостоявшейся невестой, но ещё и потому, что совсем недавно дал слово куратору не искать приключений.

- Слышь, ты, блондин? Не видел, куда волосатики с гопником подевались? – Голос незнакомца звучал так ровно и спокойно, словно он не бежал ещё пару секунд назад, а совершал мoциoн здоровья ради. – Только давай не коси под незнайку. Они точно мимо тебя пробегали.

Пашка, заранее изобразив дружелюбнейшую улыбку, развернулся и тут же замер от неожиданности: перед ним толпилось человек двадцать крепких парней в клетчатых брюках и в опрятных светлых рубашках. У некоторых на груди алели комсомольские значки. «Блин... Любера! – Павел почувствовал, как дружелюбная улыбка сама по себе превращается в идиотскую. – Дома в Свердловске всё мечтал познакомиться... вот и познакомился. На свою голову».

- Чo? Нормальных пацанов не видал? Или язык прикусил? – Не унимался вожак. – Я тебя по-русски спрашиваю.

Память сработала чётко, подкинув мысль о находящемся

неподалёку бассейне, куда якобы повернули беглецы. Коробов, чутьём угадав счастливый исход, повеселел:

- От одного твоего вида язык проглотить можно. А вас тут навскидку целый разведвзвод. Ты себя в зеркале видел? Смотри, братишка, сам не испугайся. Рэмбо скулит и отдыхает.

Народ ожил, мешая в нестройном гуле сдержанное возмущение и одобрительные смешки. В глазах старшего вспыхнула искорка уважительного интереса:

- Ты чо, братан, после армейки? То-то я смотрю, весь белый. Небось, в Афгане служил?

- За речкой. – Зачем-то поправил Пашка. – Тебя как зовут?

- Лёха. Это если для своих. – Парень хотел было протянуть руку, но передумал. – Тебе зачем?

- Слушай, Лёха, давай начистоту? Я вообще-то хотел твою команду к бассейну отправить, чтобы рокеры не огребли по чём зря. А теперь скажу так: сами разбирайтесь в своих непонятках. Я не при делах. Стрёмно мне в стукачах ходить, даже если никто об этом не узнает.

Старшой картинно насупился. Ему явно импонировало поведение не по годам седого ровесника:

- Что ли, самый смелый? Эти уроды нам стрелу забили у парка, а сами ментов туда подогнали. Нормально?

- У вас, пацаны, свои разборки, а у меня свои. – Пожал плечами Пашка. - Вы неформалов гоняете по идейным со-

ображениям, а мне с барыгами по наркоте надо разобраться. Так что давай, Лёха, краями разойдёмся, чтобы не мешать друг другу. А насчёт моей смелости ты зря спросил. Всё равно вы одного всей бригадой месить не станете. Неправильно это. Ну как? Разбегаемся?

Алексей махнул рукой, как заправский байкер, и ребята с готовностью расступились, освобождая путь:

- Лады. Может, помощь нужна? – Подумав секунду, поинтересовался. – Тебя как зовут-то? А то так и разбежимся, не познакомившись. Нормальных людей, конечно, больше, чем фуфлыжников. Но каждый на вес золота.

«А вдруг?» - подумал Коробов и внимательно посмотрел на любера:

- Меня Павлом зовут. Тебя где разыскать можно?

Старшой кивнул с довольным видом:

- У нас в городе спросишь качалку «Титан-Любер». Не парься, Паха. Тебе любой местный дорогу покажет. Спросишь Лёху Платона. Короче, найдёшь. Давай, братишка. А мы куда твоих «подопечных» попытаемся отыскать. Ты ведь не подсказешь?

Пашка крепко пожал протянутую ладонь:

- Нет. Без обид, Лёха?

- Какие тут обиды, если дело в принципы упёрлось.

«Вот и Лёха меня «Пахой» окрестил. – Думал Павел, сворачивая к Крымскому мосту. – Сговорились, что ли? Разыщу

Фрола, спрошу. Может, я и в правду на какую-нибудь птицу похож? Хотя Толику моя кличка не по душе пришлась. Эх, Толик, Толик... Угораздило тебя тогда за сигаретами в дуكان мотнуться. Жил бы сейчас... на трубе играл в доме культуры. И с головой бы дружил».

- Стоять! Выход на мост закрыт.

Пашка вздрогнул, возвращаясь в реальность, поднял глаза и увидел стоящего перед ним милиционера с сержантскими лычками на погонах.

- Почему? – Коробов вдруг сообразил, что вопрос неуместен и сразу включил «прощачка». – Не местный я. От экскурсии специально отбился, чтоб по Крымскому мосту прогуляться.

Сержант насупился и хотел было приструнить разговорчивого туриста, но из-за его спины раздался знакомый голос Виталия - старшего лейтенанта милиции, фамилию которого Пашке так и не довелось узнать.

- Здорово, Павел Юрьевич! – Офицер бесцеремонно отодвинул сержанта в сторону и шагнул навстречу, протягивая руку. – А я стою и думаю, кого мне здесь не хватает? Вечно ты в самом эпицентре событий. Никак пришёл своих металлистов поддержать? Дэн попросил, что ли?

- Нет. Дэн меня ни о чём не просил. – Павел с удовольствием пожал ладонь сотрудника и виновато заглянул ему в глаза. – Чесслово, Виталий. Я просто шёл в «Шоколадницу». У меня там, можно сказать, свидание.

- Свидание, говоришь? Свидание - дело нужное. – Старлей слегка рассеяно огляделся по сторонам. – Только ты через мост никак не пройдёшь. Пешеходам проход запрещён. У парка должна была разборка состояться между люберами и прочим сбродом. Вот нас со всей округи сюда и подогнали в срочном порядке. Пока тишина, но команды сворачиваться нет. Тебе часа три подождать придётся. Не меньше. – Заметив помрачневшее лицо знакомого, залихватски махнул рукой. – Ладно. Прыгай в уазик. Довезу до места. Только учти дружище, должок твой растёт в геометрической прогрессии. Потянешь?

- Так точно, товарищ старший лейтенант!

- Кончай дурака валять, Пашка. Я тебя всего на три года старше.

Верочка сидела у витрины и приветливо улыбалась. Коробов потряс головой, прогоняя навязчивый образ. Верочка растаяла и парень встретился взглядом с Викторией.

- Классно выглядишь, подруга. – Глухо пробормотал Павел, усаживаясь напротив. - Давно ждёшь?

- С морковкиного заговенья. Где шлся, женишок? – Взгляд девушки был полон негодования. – Только не говори, что милиция задержала. И, пожалуйста, не ссылайся на дела в университете. У тебя их по определению быть не может.

- С милицией почти угадала. Только не «задержала» а, напротив, доставила на место с почётным эскортом и со всем

уважением. Старлей Виталий. Помнишь его?

- Помню. Давай к делу? – Взгляд Виктории заметно потеплел. – Извини, но у меня на самом деле времени мало. Будешь кофе с пирожным?

Пашке снова захотелось подурачиться. Его буквально распирало от счастья и ощущения свободы. Приняв озадаченный вид, нарочито смущённо посмотрел на девушку:

- Послушай, Вика. Ты знаешь кто такой Засурский?

Удивлению собеседницы не было предела. Казалось, глаза Виктории растеклись на пол-лица:

- Конечно, знаю. Ясен Николаевич Засурский - известный человек в студенческом мире. По крайней мере, здесь, в Москве. Ты зачем меня о нём спрашиваешь?

— Вот и я думаю. – Скорбно вздохнул Павел. - Зачем я тебя спрашиваю?

- Дурак! – Беззлобно возмутилась Виктория и тут же отомстила. – У тебя лицо счастливого беспечного идиота.

- Всё верно, Вероч... Извини. Вика. Только ключевые слова здесь «счастливый» и «беспечный». А «идиот» пусть остаётся на твоей совести. Давай к делу. Как твой брат? Наверное скандал устроил, когда за ним санитары приехали?

- Не знаю. Я побоялась домой идти. В Ленинку поехала к коллоквиуму готовиться. А у отца спрашивать не стала. Папа к вечеру набрался до положения риз. Родители долго в столовой друг на друга орали. Впервые в жизни. Знаешь, Пашка? Мне кажется, что зря я тебя послушалась. Может,

Алик сам смог справиться?

- Нет. Ты всё сделала правильно. — Павел положил руку на ладонь Виктории и участливо заглянул в глаза. — Мой тебе совет, подруга. Завязывай с «металлической» мишурой и займись вплотную учёбой. Иначе сама в дурку угодишь. А сейчас давай, пока время есть, сгоняем на адрес к барыге. Если повезёт, то ты мне его издали вживую покажешь. Чтобы я потом тебя не дёргал. Он нас с тобой вместе не должен видеть. Ну что? Погнали?

- Погнали.

Глава 23. Трудности воскрешения

Начмед полка взглянул на командира разведроты виноватыми глазами:

- Если Олег через пару часов не ляжет на операционный стол, то шансы у него равны нулю... В Кабул ему надо...

Старший лейтенант Гладышев, проглотив ком в горле, заговорил хриплым голосом, не особо заботясь о последовательности:

- За пару часов не успеем. Летуны при мне связались с базой. Борт уже готов. Говорят, пойдём на пределе. Так что долетим быстро. Но вряд ли получится до госпиталя доставить за два часа.

- Тогда не знаю. Я и так два часа с потолка взял. Возможно, Фролова будем выгружать уже в другом статусе.

Командир экипажа глубоко затянулся и щелчком запустил окурок в сторону проволочного ограждения:

- Блин! Даже ополоснуться не дали. Только с вылета - и снова-здорово... притом, считай, на ночь глядя. Когда это кончится, Михалыч?

Двадцатитрехлетний офицер, до глубины души польщённый неформальным обращением командира, с важным видом пожал плечами:

- До замены ещё полтора месяца, товарищ капитан. Вот вернёмся в Союз, тогда и отмоемся, и отоспимся как следует.

- Слыхал краем уха, что кого-то шишку в Кабул доставить надо. – Подключился бортехник. - Видать, в высоких чинах, раз передохнуть не дали.

- Не мели языком, если не в теме. – Недовольно взглянул командир. - Из-за таких «слухачей», как ты, сплетни рождаются. Нашёл, блин, «шишку»! Обычный сержант полковой разведки. Про него пехота уже неделю болтает. История покруче, чем у Толстого в «Кавказском пленнике». Из плена бежал, должен был дембельнуться, но в крайний рейд сам напросился. Там пулю словил. Сами решайте, что за человек этот сержант. Кто-то у виска пальцем покрутит, а кто-то настоящим героем назовёт. И вообще, мужики. Ещё не факт, что лететь придётся. Вдруг помер?

Врач-анестезиолог сам вызвался сопровождать раненного в полёте. Лейтенант всего три дня назад прибыл в часть, и

ему не терпелось проверить себя в боевой обстановке. Артём очень переживал, будучи уверенным, что старшие товарищи поднимут его на смех за юношеский порыв и неопытность, но коллеги даже спорить не стали.

Медицинский уазик заехал на площадку в тот момент, когда вертолёты один за другим опускались на металлическое покрытие. лейтенант, сгорая от нетерпения, охрипшим от волнения голосом приказал водителю подъехать к ближнему борту и даже приоткрыл дверцу, чтобы первым выскочить из душной «таблетки». Он успел заметить ехидную ухмылку на лице бывалого рядового, но решил не реагировать на насмешку.

- Здравия желаю, товарищ капитан! – Молодцевато отчеканил офицер, глядя на спускающегося по лесенке капитана. – Какие носилки загружать? Экипажи уже в готовности. – Подумав секунду, приврал для солидности. – Я проверил.

Начмед хмуро оглядел подчинённого с ног до головы:

- Вы полетите? Кто приказал? Впрочем, не будем терять время. Забирайте ближние. Тело Ахметова погрузим в машину, вместе с особистом. Легкораненные бойцы тоже пусть в машину садятся. У себя на ноги поставим. – Спohватившись, что впустую тратит время, сердито поинтересовался. – Сумку с медикаментами надеюсь не забыли, коллега? Кто помогал комплектовать? Или запихали первое, что под руку подвернулось?

- Старший лейтенант Скворцов. Всё по описи уложили, товарищ капитан. Сергей мне ещё памятку дал и проинструктировал.

Начальник усталым жестом стянул с головы выгоревшую панаму:

- Хорошо. Исполняйте.

Лейтенант вытянулся в струнку, козырнул и тут же ссутулился:

- Как пациент? Дотянет? – Последнее слово далось с трудом, и Артём вдруг почувствовал, как защипало в глазах.

- Не знаю! – Грубовато отрезал начмед. – Впрочем, скрывать не буду: надежды мало. Передайте командиру, чтоб не лихачил. У Фролова сердце не выдержит перегрузок.

Командир экипажа оглянулся на борттехника, стоящего в дверях кабины:

- Как он?

- Вроде живой. Дышит.

- Тогда погнали, мужики! Все грехи себе и вам заодно прощу, если пацана живым в Кабул доставим.

Старшина разведроты прапорщик Одилько Леонид Францевич осторожно прикоснулся к локтю командира роты, продолжающего смотреть вслед вертолётam:

- Пойдем в расположение, Вадим Ярославович. Тебе помыться с дороги надо. Да и выпить мальчика не помешает.

У меня запасец самогонки остался. С одного стакана весь стресс отобьёт. Ядрёный!

- Неужели не довезут? – По-детски скривил губы Гладышев. - А? Леонид Францевич? Как же так? Разве можно?

Немолодой прапорщик обнял командира за плечи:

- Я вот что думаю, сынок. Афган не хочет отпускать нашего Олежку. Это точно. Только он, Афганистан, значит, не знает, что парень не из тех, кто сдаётся. Выживет наш рыжий. Если уж сюда живым долетел. Сам же видел, как доктора удивлялись. Мы с вами ещё на его свадьбе гулять будем. Вот и всё ... как-то так...

Командир полка минуты две молча смотрел на начальника штаба. Затем поднялся, прошёлся по кабинету и, остановившись напротив, опёрся руками о край стола:

- Как думаешь, Виталий Константинович, какой награды достоин боец, если он собою командира прикрыл от пули?

Конечно, начальник штаба сразу понял, о ком идёт речь, но по инерции переспросил:

- Вы, товарищ полковник, Фролова имеете в виду?

Командир кривовато усмехнулся, восприняв вопрос подчинённого за неуклюжую попытку уйти от прямого ответа:

- Хватит ваньку валять, Константиныч. Ещё скажи, что не сразу сообразил. Или боишься, что в случае чего я на тебя ссылаться буду? Дескать, извините, уважаемые товарищи генералы, поддался уговорам заместителя. Так, что ли? Успо-

койтесь, товарищ подполковник. Не в моих правилах за чужими спинами прятаться.

Он ещё не успел закончить речь, а лицо собеседника стало бледным, обиженным и злым:

- Хорошего же ты обо мне мнения, Вячеслав Владимирович, если из-за простого вопроса сходу во враги народа записал. Не ожидал от вас, товарищ полковник! Такое чувство, будто меня с головой в дерьмо окунули.

- Извини, Виталий Константинович. Сам не знаю, почему сорвался. Видать, нервы расшалились. – Заметив потеплевший взгляд товарища, вернулся к главному. – Думаю, что Фролова надо к «Золотой Звезде» представить. А что? Парень считай, высший солдатский подвиг совершил. Во время войны за такие дела орден «Славы» полагался. Мы ведь, помнится, кого-то из бойцов к «Славе» третьей степени уже представляли. Только не прошло почему-то. А вот «Герой» пройти должен. Не каждый способен своим телом командира прикрыть. Пусть особист Фролову не командир и, между нами говоря, порядочная шкура, но суть дела от этого не меняется. Ты как? Не против, Константиныч?

- Вечером документы на сержанта Фролова будут у вас на столе, товарищ полковник.

Начальник особого отдела, осторожно постучав в дверь, вошёл в кабинет командира полка. Тот, приподнявшись, через стол протянул руку для приветствия:

- Милости просим, Иван Васильевич. Присаживайтесь. В ногах правды нет. Какими судьбами? По делу? Или так, пообщаться заглянули?

Остроногов, тяжело опустившись на стул, достал из кожаной папки стандартный листок и передал командиру полка.

— Это что? – Подполковник с любопытством взглянул на контрразведчика. – Никак мои опять по вашей части накуролесили? Что у тебя тут?

Майор, отрицательно мотнув головой, с видимым усилием улыбнулся:

- На этот раз нет. Пока без чепэ обходимся. Вот. Наградной на своего опера принёс. Вам надобно документ завизировать. Сами знаете, порядок такой.

Вячеслав Владимирович брезгливо отдернул руку от исписанного машинописным шрифтом листка:

- Как хотите, товарищ майор, но «это» я подписывать не буду. Совесть не позволяет.

- Почему? – Недоумённо пожал плечами Остроногов. - Как бы то ни было, парнишка ранение получил. В санчасти лежал...

- Ранение? Вы называете царапину «ранением»? Самому-то не противно? А? Иван Васильевич? Или вы рапорта разведчиков не читали? Для ясности, так сказать, проигнорировали. Трус он, ваш Пастушков. Трус, опозоривший высокое звание советского офицера. Или вы желаете, чтобы надо мной весь полк смеялся? Нет, товарищ майор. Эту лабуду

я подписывать не стану. Не хочу всю оставшуюся жизнь себя ненавидеть. Вы уж как-нибудь без меня порешайте.

- Как знаете, товарищ полковник. — Остроногов аккуратно вложил листок в папку и поднялся с места. — Только звонок с самого верха был. И если вы не подпишите, то Пастушков всё равно свой орден получит. А у вас большие неприятности будут. Сами должны понимать: не нам с отцом генерал-лейтенантом бодаться. Лоб расшибить можно. Кто у нас без греха? На любого можно компромат найти. На того же ротного, к примеру.

- Ну да. — Исподлобья взглянул командир. - Конечно. С Ахметова уже не спросишь. Погиб в бою начальник разведки. Остаётся старлей или, на крайний случай, взводный. - Подумав пару секунд, снова протянул руку. — Вот что, Иван Васильевич. Давай-ка свою бумаженцию. Так и быть, подпишу.

Приняв от ухмыляющегося майора наградной, аккуратным почерком вывел в крайнем верхнем углу: «Категорически возражаю!!!» С чувством выполненного долга вернул документ:

- С неприятностями я как-нибудь справлюсь. Своих мужиков в обиду не дам. А вот с совестью никому справиться ещё не удавалось. Заметь, майор, я порядочных людей имею в виду. В общем, как-то так...

Для хирурга, колдовавшего над Фроловым, эта операция

была бы рутинным мероприятием, если бы Сергей Иванович накануне совершенно случайно не подслушал беседу двух выздоравливающих срочников, занятых наведением порядка в смежном с ординаторской помещении. Ребята, не зная о присутствии постороннего, рассказывали друг другу о своих сослуживцах, которым не посчастливилось попасть кабульский госпиталь, и в результате они лишились конечностей, дарованных самой природой. «Понимаешь, братан? – Убеждал инициатор разговора, отжимая тряпку в ведре. – В других госпиталях лепилам дела нет до солдат. Им план подавай. Какой? Откуда мне знать? Зачем им ковыряться, потеть, если чик - и нет проблемы. Моего земелю с легонца подранило, так нет... отхреначили ногу по самое не хочу. Дескать, гангрена началась. А какая гангрена, если он через три часа уже в медроте был? Вот я и говорю, братишка. Нам крупно повезло, что сюда попали. Здесь врачи нормальные. Зря калечить не будут».

Разговор в подобном ключе длился ещё несколько минут, обрастая невероятными, на грани садизма, подробностями, всё сильнее и сильнее раздражая Сергея Ивановича и едва не довели до срыва. В конце концов, доктор не выдержал, но вместо того, чтобы, руководствуясь профессиональной этикой, вступить за коллег и прочитать бойцам гневную нотацию, осторожно, на цыпочках выскользнул из ординаторской.

Войдя в операционную, Чеботарёв первым делом спросил ассистента о состоянии пациента. Тот, зачем-то обменявшись взглядами с операционной сестрой, коротко буркнул: «Не жилец». Опытная помощница, заметив помрачневший взгляд хирурга, сочувственно произнесла, явно стараясь взять часть вины за предстоящую потерю на себя: «Только зря время теряем, Сергей Иванович. На очереди ещё трое больных». Доктор, исподлобья оглядев бригаду, решительно шагнул к столу, бросив из-за плеча: «Это мы ещё посмотрим».

Три дня после операции Сергей Иванович ходил сам не свой. Он извёл реаниматолога расспросами о перспективах рыжего пациента, в котором едва теплилась жизнь. К исходу третьих суток в ординаторскую заглянул взъерошенный коллега и, неумело отбив чечётку, замер в нелепой позе то ли орла, то ли пугала.

- Охренел? – Устало поинтересовался Чеботарёв. – Или отпуск у начальства выклянчил? Рассказывай, Антон. Хватит дурака валять.

Реаниматолог выпрямился, присел напротив и заговорил с обиженным видом:

- Тебя не поймешь, Серёга. То ты носишься со своим рыжим, как с писаной торбой, то носа к нам не кажешь. Уже часа три. А между прочим, твой Фролов ...

Антон умолк, выдерживая паузу, и уже хотел продолжить,

но Сергей Иванович опередил, задав вопрос непослушными губами:

- Что с ним? Говори...

Коллега, позабыв заранее подготовленные фразы, заговорил, едва справляясь с распиравшим грудь восторгом:

- Открыл глаза твой Фролице. Открыл! И мало того... знаешь, что он попросил? Ставлю десять чеков, против одного: ни за что не догадаешься.

Чеботарёв вдруг засуетился, пытаясь понять куда подевались очки. Обнаружив их в нагрудном кармане, успокоился и, близоруко прищурившись, взглянул на товарища:

- Что?

- Водки! – Антон даже руки потёр от удовольствия. – Водки! Ну не мужик? Разве такой парнище мог умереть на столе? Да ни за что! Пойдём, Иваныч. Так и быть, покажу тебе крестничка.

На следующее утро Сергей Иванович, стукнув для порядка в дверь, не дожидаясь разрешения, вошёл в кабинет начальника отделения. Майор, искоса взглянув на вошедшего, кивнул на стул и снова погрузился в бумаги. Выждав пару-тройку секунд, Чеботарёв деликатно покашлял в кулак. Начальник, обречённо вздохнул, оторвал взгляд от документов и тут же выдал «пулемётную» очередь:

- Чего тебе? Проблемы? Планёрки мало? Там почему молчал? Или секреты какие?

- Нет, Армен Гамлетович. Секретов у меня нет. На планёрке молчал ради экономии времени. – Сергей Иванович отвёл глаза и энергично потёр затылок. – Я по поводу больного Фролова. Он сейчас в реанимации.

- Какого-такого Фролова? - Неумело изобразил удивление начальник. - Твоего рыжего, что ли?

- Почему «моего»? - В отличие от майорского, удивление доктора было вполне искренним. – Или просто к слову пришлось?

- Да брось, Сергей Иванович! Всё отделение знает, что ты к нему неровно дышишь. Он тебе кто? Родственник?

Чеботарёв с трудом заставил себя сохранить спокойное выражение лица:

- Нет. Фролов мне не родственник. Просто случай неординарный. У парня практически не было шансов выжить. Три дня после операции на грани...

- Тебе ли привыкать, Иваныч? Мало народу с того света вытащил? Короче, зачем пожаловал?

- Слышал, что из округа две разнарядки пришло на перевод в Бурденко. Надо бы Фролова туда отправить. Ни здесь, ни в Ташкенте ему не помочь. В лучшем случае инвалидом станет. Бурденко - дело другое. Там он сможет вернуться к полноценной жизни. Поверь, брат Арменка. Я знаю, что говорю.

- Опоздал ты, брат Сергуня, со своим ходатайством. – Хитро прищурился начальник. - Я его в первую очередь за-

писал. Так что зря у меня время отнимаешь.

— Вот как? А за какие-такие «заслуги»?

- Из чисто меркантильных соображений, коллега. Пациент твой уникальный, и ситуация вокруг него не менее уникальна. Он уже полгода как гражданский человек. Непонятки со всеми видами довольствия. Как его рассчитывать? Не знаешь? То-то. Вот и я не знаю. В моей практике подобного прецедента не было. Так что разнарядка — это что-то вроде спасительного круга для меня. Пускай в столице голову ломают. Им проще. До министерства, можно сказать, рукой подать. Так что освобождай мой кабинет с чистой совестью. И прямо сию минуту...

Фрол чётко видел себя стоящим плечом к плечу с пацанами-одноклассниками на пустыре, что за школьным двором, в готовности дать решительный отпор шпане из параллельного класса. Всё по-честному: стенка на стенку. Он смотрел в глаза извечному сопернику Сашке Синцову и думал о том, что на этот раз сумеет вернуть должок в виде синяков под обоими глазами. «Надо бить прямо в переносицу. Чуток пониже лба» - успел прикинуть Олег, но в этот момент чьё-то лицо загородило обзор, заполонив собою всё пространство пустыря. Фрол дёрнулся, пытаясь оттолкнуть внезапное препятствие...

- Да тише ты, шальной!

Уверенный голос показался Олегу знакомым. С трудом

открыв глаза, он увидел склонившуюся над ним женщину в белом халате. Догадка молнией ударила в мозг:

- Настя? Где я? – Звук собственного голоса помог сфокусировать зрение, и Фрол разочарованно прошептал. – Ты почему так растолстела, Настюха?

Добродушное лицо медсестры заметно помрачнело, но она сумела сдержаться:

- Чай не красна девица. Шестой десяток пошёл. Повернуться на бок сможешь? Замучалась я тебя ворочать. Давай, пробуй. Мне укол надо сделать.

Олег кряхтя повернулся на бок и, с трудом поймав нужную мысль, смог сформулировать тревожащие его вопросы:

- Где я? Почему один? Где остальные?

Сестра похлопав ладонью по тощей ягодице пациента, ответила неспешно, видимо соизмеряя каждую фразу с количеством вводимого препарата:

- В госпитале имени Бурденко... В Москве... Где остальные не знаю... Тебя к нам одного привезли.

Фрол не чувствовал укола, но по характерному лязгу догадался, что процедура закончилась. Ему не терпелось задать сестре очередную порцию вопросов, но та успела опередить:

- Ты в отделении уже полторы недели. Три раза с того света вытаскивали. И каждый раз ты у доктора водку спрашивал. С детства алкаш, что ли? По наследству передалось? Ещё вопросы есть? Тогда задавай, покуда не заснул.

Олег почувствовал, как пустеет мозг, освобождаясь от

мыслей и тревоги. Он попытался вспомнить что-то чрезвычайно важное из своей догоспитальной жизни, но слабость накрыла его, и он вновь увидел себя стоящим на пустыре, что за школьным двором, в готовности дать отпор пацанам из параллельного класса. Всё по-честному: стенка на стенку.

Полковник с негодованием взглянул на стоящего у стола майора:

- Ты сам читал эту галиматью?

Офицер неуверенно пожал плечами:

- Читал. А что здесь не так, товарищ полковник?

- Всё! Сержант был в плену. Неизвестно, как он оттуда смог сбежать. В годы войны за такие дела без разговоров к стенке ставили. И правильно делали. А командование сороковой армии решило из предателя героя сделать. Нет. Я на подпись к командующему «это» не понесу. Забирай и подумай над формулировкой аргументированного отказа.

Примерно через полтора месяца:

Трунов забежал в кабинет на минуточку. Дел было невоворот, а время не собиралось сбавлять ход, подстраиваясь под служебный ритм оперативника. Дмитрий, спеша и ругаясь вполголоса, открыл сейф, чтобы достать картонную папку с документами, но в этот момент на столе ожил аппарат междугородней связи. Капитан хотел было отмахнуться и даже шагнул к двери, но интуиция заставила поднять труб-

ку:

- Трунов. Слушаю вас.
- Привет, Дима. Ташкент беспокоит. Не узнал? – Скороговоркой отозвалась трубка.

- Связь плохая, голос искажает. – Попробовал оправдаться Трунов, лихорадочно перебирая в уме короткие командировочные знакомства. – Намекни, чтобы я со стыда не сгорел.

- Не переживай, Дмитрий Игоревич, не обижусь. Сам виноват. Хотел попроще. Майор Шмелёв. Я по поводу твоего афганского потеряшки Фролова. Нашёлся боец.

Трунов неожиданно почувствовал сухость во рту:

- Правда? И где он?

- У тебя под носом. В Бурденко. Извини, что быстро не получилось. Вояки затянули. Сам знаешь, как они к комитетским относятся. Ответ на запрос завтра спецпочтой отправлю.

- Может, не стоит? Зачем тебе время терять?

- Стоит. Порядок есть порядок. Запрос на бумаге есть, значит и копия ответа должна быть к делу подшита. У нас с этим строго.

Глава 24. В засаде

- Давай к делу. – Взглянул на Викторию Пашка. - Как твой брат? Наверное, скандал устроил, когда санитары приехали?
- Не знаю. Побоялась домой идти. В Ленинку поехала к

коллоквиуму готовиться. А потом у отца спрашивать не стала. Папа к вечеру набрался до положения риз. Родители долго в столовой друг на друга орали. Впервые в жизни. – Девушка умолкла на несколько секунд, а затем неуверенно посмотрела на парня. – Знаешь, Пашка? Мне кажется, что зря я тебя послушалась. Может, Алик сам смог справиться?

- Нет. Ты всё сделала правильно. – Павел положил руку на ладонь Виктории и участливо заглянул в глаза. – Мой тебе совет, подруга. Завязывай с «металлической» мишурой и займись вплотную учёбой. Иначе сама в дурку угодишь. А сейчас давай, пока время есть, сгоняем на адрес к барыге.

Дорога от метро заняла ровно двенадцать минут быстрым шагом. Наконец, Вика указала на пятиэтажку в глубине двора и со словами «Славка здесь живёт» направилась к скамейке у центрального подъезда.

- Дура! – Пашка схватил опешившую девчонку за руку и потащил к пустующей детской площадке.

- Ты чего? – Пришла в себя Вика. – Руку отпусти. Больно, придурок.

- Ничего, перетерпишь. Нефига было упираться. – Коробов очистил лавочку от песка и, критически осмотрев носовой платок, ловко забросил его в помятую урну. – Гляди-ка. С первого раза попал. Сабонис отдыхает. Садись, подруга. Отсюда наблюдать будем. Типа в засаде.

- Ты реально на голову больной? – Поинтересовалась Виктория, брезгливо осматривая скамейку. – С какого перепугу?

- С такого. Русским языком говорил: барыга не должен нас вместе видеть. А ты почти что к подъезду пошла. Присаживайтесь, Королева. - Приглашающе похлопал по деревянным рейкам. - В ногах правды нету. Барыгу точно Славкой зовут?

- Точнее не бывает. - Грубовато ответила Виктория, опускаясь рядом. - Зачем усложнять? Набил бы ему морду при мне, и все дела.

- Тебя не поймешь. - Хмыкнул Пашка. - То ты его под поезд хотела столкнуть, а теперь решила мордобоем ограничиться? По-моему, это у тебя с головой не всё в порядке. Как говорит мой друг Фрол: «Башню заклинило».

Вика некоторое время молча разглядывала носки туфель, а затем нехотя заговорила:

- Наверное, хватит с него хорошей взбучки. С поездом я, конечно, загнула. Не убивать же?

- Ну надо же? - Всплеснул руками Коробов, почувствовав прилив самой настоящей злости. - Ты считаешь, что хорошая взбучка заставит Славика отказаться от бабла? А ты не думаешь, что он в эту минуту кого-нибудь на иглу подсаживает? Как твоего Алика?

- А мне наплевать на других. Рассчитаемся за брата и хватит. Если ты из-за денег заморачиваешься, то не переживай. Я от своих слов отказываться не собираюсь. Сколько скажешь, столько заплачу.

Слова Виктории больно ударили по нервам. Дело было даже не в том, что девчонка, по сути, определила ему роль

гопника, готового за плату измордовать незнакомого человека, а в чём-то другом. В чём? Сейчас Коробов не знал ответа. Впрочем, он не стал утруждать себя поисками истинами. Просто заглянул ей в глаза и заговорил короткими фразами:

- Тебе наплевать? А мне нет. Деньги твои мне не нужны. Можешь засу... Ладно. Сама знаешь куда. Короче, подруга. Покажешь мне Славика и чеши отсюда на все четыре стороны. Больше не звони. Не надо. На всякий пожарный: если вдруг вызовут в ментовку, уходи в глухой отказ. Усекла? У меня всё. Теперь давай помолчим. Устал я от тебя.

Минут пять пара сидела молча, не глядя друг на друга. Наконец Вика, не выдержав, осторожно подтолкнула парня локтем в бок:

- Ну чего ты завёлся, Пашка? Если честно, то я больше за тебя переживаю. Думаешь, мне легко от того, что тебя в историю втянула? Я же понимаю, что затея на грани уголовщины. По большому счёту, ты не знаешь ни меня, ни Альберта, ни этого козла Славика. Вопрос на засыпку: оно тебе надо?

Павел почувствовал, как защемило сердце. Он понимал, что совершает ошибку, поддерживая разговор, и всё-таки не смог удержаться:

- Знаешь? В плену я познакомился с пареньком по имени Толик. Мы с ним вдвоём сидели в глубокой яме. Он тогда уже не в своём уме был. Не помнил откуда призывался и сколько времени провёл в плену. С призраками разговаривал... история долгая, всё не расскажешь. Короче. Че-

рез некоторое время духи накачали его наркотой, подвесили за руки к перекладине и с живого содрали кожу. У нас на глазах. Они называют эту забаву «красный тюльпан». Я не знаю, зачем рассказываю... я даже не знаю какая связь между душманами и Славиком, но уверен, что связь существует. Пусть тонкая, ненадёжная, но она есть. Я чувствую её. Вся разница в том, что афганцы убили пацана, замаравшись в крови Толяна. А этот Славик убивает людей исподтишка, чтобы заработать на чужом горе и руки не испачкать. Вроде бы не при делах. Тебе наплевать на других «толиков». Я, потвоему, сумасшедший? Ахинею несую?

Пашка через силу заставил себя взглянуть на Вику и тут же пожалел об этом: её лицо было белее полотна, а из расширенных глаз струился почти суеверный ужас. Он собрался успокоить, но не успел. Истерически хохотнув, она сжала ладонями виски и быстро зашептала:

- Ты ведь не станешь убивать? А, Павлик? Скажи, что ты намерен делать? Только не ври. Очень тебя прошу, пожалуйста, не ври. Не станешь?

Тихий шёпот насмерть перепуганной Вики подействовал на Коробова холодным душем. Ему стало мучительно стыдно за откровенность, которая сейчас виделась слабостью. Скривив губы в неестественной усмешке, он хотел было положить ладонь на её плечо, но та отпрянула и, по-детски ойкнув, свалилась со скамьи.

- Ну вот, - добродушно заворчал парень, помогая девуш-

ке поняться, - с виду оторва-рокерша, а в натуре - барышня из романа для благородных девиц. Ты ведь литературу изучаешь? Подскажи название... что-нибудь из середины прошлого века. Обязательно почитаю на досуге.

Пустая болтовня помогла Виктории успокоиться. Отряхнув джинсы и одёрнув блузку, она уже без страха взглянула на суетящегося кавалера:

- Дурака не валяй, любитель сопливого чтива. Ты мне на вопрос не ответил.

Ровный голос девушки застал врасплох. Он даже предположить не мог, что та способна моментально переходить от неконтролируемой паники к состоянию олимпийского спокойствия.

- Ну ты даёшь, Королева! А я чуть было не подумал, что ты сейчас в обморок грохнешься. Как у тебя получается?

- Ты не ответил на вопрос. – Упрямо повторила Вика. – Или хочешь трепотнёй прикрыться? Не пройдёт.

- Отстань! – Вдруг вспыхнул Коробов. - Не собираюсь я никого убивать. Просто создам такие условия, в которых он не сможет заниматься своим долбанным «бизнесом». Есть такое понятие: «обстоятельства непреодолимой силы». Только в нашем, вернее, в его случае, эти обстоятельства не освободят Славику от ответственности. Спросят с него по полной. Но это уже его проблемы. Доходчиво объяснил?

- И как ты намереваешься это сделать? У тебя конкретный план есть?

- Уфф! – Шумно выдохнул Пашка. – Замучился я с тобой. Плана пока нет. А будет, я тебе всё равно не расскажу. Ни в деталях, ни в общих чертах.

— Это ещё почему? – Никак не унималась девчонка.

- По кочану. – Отрезал Павел и вдруг насторожился. – Слышишь? Кажется, машина во двор поворачивает. Музыка на всю катушку...

— Это он. У него «зубило» новое. Для «провинции» – последняя модель «жигулей». И отстой, типа «Модерн токинг». Славка реально от них кайфует.

- Откуда знаешь?

- Была история. Тебя не касается. - Слегка покраснев, перевела тему. – Что будем делать?

- Сначала убедимся, что действительно он. Затем ты поедешь домой, а я осмотрюсь, что да как. И не задавай лишних вопросов.

Восьмёрка остановилась у подъезда.

- Он! - Что есть силы сжала пашкину ладонь Вика. - Квартира на третьем этаже, слева. Один живёт. Хвастался, что родаки подарили. Дверь не как у всех. На заказ делали. Не ошибёшься.

Павел освободил руку и, не оборачиваясь, вразвалочку зашагал к дому.

Глава 25. Пределы везения

Пашка ничуть не кривил душой, сообщая об отсутствии

плана. Он в самом деле не знал, как следует действовать, чтобы проучить барыгу и свести к минимуму возможные риски. В глубине души Коробов интуитивно чувствовал, что сегодня он непременно сумеет закрыть проблему. Но, не желая полагаться только на счастливый случай, пытался выстроить мало-мальски логичную линию поведения. А ещё Павел точно знал, что Королева никуда не ушла и по-прежнему сидит на лавочке. Во время словесной перепалки по взгляду догадался, что девушка не желает откладывать дело на потом. Результат нужен именно сегодня, потому что завтра ей попросту не хватит решимости.

Мысли проносились в голове с невероятной скоростью, то переплетаясь в тугий узел, то дробью разлетаясь по закоулкам мозга, мешая сосредоточиться на создании хотя бы наброска плана авантюрного предприятия. В какое-то мгновение перед его внутренним взором мелькнуло озабоченное лицо капитана Трунова, но Пашка сумел избавиться от видения, за сотую долю секунды убедив себя, что разборки с наркодельцом никак не могут повредить делу государственной важности.

Нужное решение пришло в тот момент, когда Коробов взялся за ручку подъездной двери.

Нервное напряжение достигло того порога, за которым исчезают пространство и время. Несколько секунд, за которые Пашка успел прошагать до подъезда, Виктории вполне хватило, чтобы тысячу раз проклясть себя, своего непутё-

вого брата и даже нового друга. Её бил настоящий озноб, словно она стояла не под тёплыми лучами сходящего с зенита солнца, а под причудливыми всполохами полярного сияния. Девушке ужасно хотелось, чтобы Павел передумал и вернулся к скамейке. Но она твёрдо знала, что тот не струсит, не передумает и не повернётся. Также как Пашка сумел увидеть в её глазах надежду на сегодняшний успех, так и она смогла прочитать на его лице непоколебимую уверенность, подкреплённую непонятным ей азартом. И эта смесь уверенности и азарта понемногу стала передаваться Вике. Наконец Коробов скрылся в подъезде. Девушка успокоилась и, растерев предплечья ладонями, чтобы согнать мурашки озноба, вернулась к скамейке. «Ну да. Держи карман шире, «неуловимый мститель». – Думала Виктория, двумя пальчиками доставая из урны пашкин платок. – Никуда я не пойду. В конце концов, это моя проблема, и я имею полное право узнать результат сразу, а не через сто лет».

«Дверь действительно что надо. Стоящая дверь. Ни с одной другой не перепутаешь. Номерок квартиры, видать, специально не прибил. Дырявить не захотел. – Отметил про себя Пашка, скользнув взглядом по лаковой поверхности. – Главное, чтобы соседи не срисовали. Но тут уже как повезёт. Одежда чересчур броская. Белый верх, тёмный низ. Сразу видно, что с официального мероприятия. Могут запомнить. Хорошо хоть галстук догадался снять. Ладно. Была - не бы-

ла. Вряд ли схемы столичных барыг отличаются от свердловских. Правда, я о них лишь понаслышке знаю. И, тем не менее... Блин! Надо было спросить дурёху, сколько раз на звонок нажимать. Впрочем, уже неважно. Подожду первого гостя, а там видно будет. Слава шёл к подъезду и на часы поглядывал. Видимо, встреча назначена. Может, даже не одна».

Павел поднялся на четвёртый этаж и устроился на ступеньках так, чтобы, оставаясь незамеченным, сверху наблюдать за посетителями «нехорошей» квартиры. Он попытался придумать легенду на случай, если какому-нибудь жильцу с активной гражданской позицией покажется подозрительным его присутствие, но в этот момент внизу хлопнула дверь, и кто-то быстрыми шагами помчался по лестничным маршам. Коробов, чутьём угадав добычу, приблизил лицо к прутьям перил и взглянул вниз. Он был абсолютно спокоен и старался не упустить ни одной детали из процедуры обмена контрольными фразами. А в том, что стоящий у дверей молодой человек пришёл за «чеком», Пашка даже не сомневался: «Прикид нормальный. По фирме одет. Судя по возрасту - одноклассник. Или однокурсник. Без разницы. Нервничает. Видимо, боится, что хозяина нет дома. Или наоборот. Труслив от рождения. Приближение ломки чувствует? Неважно. Блин. Забиваю голову всякой ерундой. Главное не упустить ключевое слово. Иначе придётся сидеть здесь до скончания века. Вот Королева обалдеет! Интересно, хватит ли у неё терпения дожидаться? То-то сейчас психует».

Наконец, стоящий внизу парень собрался с духом и дважды нажал на кнопку звонка. «Короткие. Всё логично до банальности», - подумал Коробов и затаил дыхание. Ему почему-то казалось, что он непременно должен услышать вопрос хозяина квартиры. Кроткий возглас «кто?» заставил напрячься и наблюдателя, и предполагаемого однокурсника. Парень откровенно разволновался и только через несколько секунд смог выговорить:

— Это я. За конспектами.

Раздался щелчок, дверь отворилась и в неширокую щель высунулась голова хозяина, стриженная под новомодный «маллет». Пашка отпрянул назад, чтобы тот ненароком не зацепил его взглядом.

- Проходи. Какие конспекты нужны?

Последние слова студента звучали уже приглушённо, как будто он договаривал в кулак. «Покупатель успел войти, а Слава сразу закрыл за ним дверь, чтоб соседи не спалили. – Догадался Пашка. – Перестраховывается. Зря. Соседям не к чему придраться. Скорее всего, он ведёт тихий образ жизни, а клиентура сплошь и рядом из студентов. Уличные торчки вряд ли к нему заглядывают. Дороговато для шпаны. А если что, сразу «конспекты». Не подкопаешься».

Дверь снова отворилась и тут же щёлкнула замком. «Две с половиной минуты на все дела. – Отметил наблюдатель. – Быстро. Думаю, стоит подождать следующего ходака. На первый взгляд вроде всё понятно. Только парнишка имени

своего не назвал. Надо убедиться, что у них такой договор. Мне бы только в квартиру войти. А там дело техники. Вырублю одним ударом. Нельзя дать Славику возможность запомнить мой фейс. Шутки шутками, а история более чем серьёзная. Особенно, если точку менты крышуют. Да и с бандюками мне связываться не резон. В «Огоньке» читал, что криминал становится реальной политической силой. Завирают, конечно, но осторожность по-любому лишней не будет. И вообще. Надо бы мне управлять азартом. А то прямо распирает. Везуха может закончиться, и тогда кранты гарантированы».

На пятом этаже открылась дверь, затем послышались старческие голоса и шаркающие шаги. Пашка приготовился выдвинуться навстречу верхнему жильцу, или жильцам... Но шарканье прекратилось, дверь со скрипом захлопнулась, и на лестничных маршах снова воцарилась тишина. «Пока везёт. – Павел вытер капельки пота со лба. – Интересно, что бы я ответил старичкам, если бы интересоваться стали? Комнату ищу? Почему нет? В крайнем случае, можно сослаться на собственную бестолковость». Подъездная дверь отозвалась громким ударом. Очевидно, вошедший не удосужился её придержать или не знал про пружину. Коробов поднялся с места, чтобы, изобразив непринуждённый вид, спуститься вниз, но торопливые шаги замерли у нестандартной двери на третьем этаже. «Снова пруха. Сегодня, в натуре, мой день» – с облегчением подумал парень и, услышав два коротких

звонка, затаил дыхание.

- Кто?

— Это я. За конспектами.

- Проходи. Какие конспекты нужны?

«Как под копирку. - Хмыкнул Пашка, потирая руки в предчувствии удачи. — Имя называть не нужно. Почему? Вряд ли Слава своих клиентов по голосам различает. Хотя всякое бывает. В конце концов, можно и на плечах очередного гостя в квартиру зайти. Но лучше, если барыга сам лоханётся. Шума меньше будет. У него, похоже, сегодня день приёма. Если так, то следующий ходок с минуты на минуту объявится. Или ещё подождать? Похоже, ребята не так давно в бизнесе. В общих чертах организовались, а по мелочам заморачиваться не стали. Так что у меня должно прокатить. Ладно. Не буду тянуть. Везение с соседями тоже не беспрдельно».

Приняв решение, Коробов поднялся со ступеньки, заправил выбившийся на спине подол рубашки в брюки и уже шагнул вниз, но в этот момент дверь подъезда застонала растягиваемой пружиной, затем оглушительно захлопнулась, заставив дребезжать остатки стёкол внутренней двери тамбура. «Человека три. Не меньше. Мужики. Поступь тяжёлая, хотя идут без груза. - С тревогой подумал Павел, отступая назад. — Пожалуй, мне сейчас стоит подняться на пятый этаж и встать у квартиры стариков. Если троица к Славику, я вполне успею вернуться на место или услышу разговор оттуда. А если они

двинут выше, нажму на звонок и прикинусь шлангом».

Глава 26. Обстоятельства непреодолимой силы

Пашка поднялся на площадку повыше и осторожно наклонился над перилами, чтобы не упустить момент, когда надо будет на цыпочках рвануть на пятый этаж. Трое молодых мужчин, негромко переговариваясь между собой, остановились напротив «нехорошей» квартиры. «Судя по плечам – качки. – Отметил про себя Коробов, чуть отодвинувшись от обшарпанного изгиба. – Им-то что здесь надо? Может, Славик ещё и стероиды толкает? Почему нет? Вполне возможно».

- Давай, звони. - Голос звучал нерешительно, хотя и с некоторой долей нахальства. Впрочем, нахальство было скорее напускным, чем естественным.

Тональность ответа заставила Пашку задуматься: слишком много детской обиды слышалось в нём.

- Почему я? Сам звони.

«Да вы, ребята, похоже, только на внешний эффект работаете, а внутри так и остались сынками. – Неожиданное открытие добавило азарта. – Посмотрим, как долго вы у двери топтаться будете».

Препирательства между тем продолжались, грозя перерасти в серьёзную ссору. Наконец кто-то из троицы согласился взять роль переговорщика на себя.

- Ладно. Расступились, парни. Я буду разговаривать, а вы

смотрите на него в упор и помалкивайте. Типа, Рэмбо. Мустафа уверен, что Дитер реально начал крысятничать. Но всерьёз наезжать запретил. Сказал, только товар передать. Через пару дней кассу снимать будем, вот тогда и разберёмся. Ну что, звоню? Мне ещё в универ стогнуть надо.

- Давай.

Смельчак нажал на кнопку.

- Кто? – раздалось за дверью.

— Это мы. Новые конспекты привезли. Открывай, Дитер. Реально некогда.

- Открываю.

«Кажется, сложилось. – Мысленно выдохнул Павел. - Легко и просто. Даже неинтересно. Студенты, а Мустафа у них за главного. Имечко сильно Афганом отдаёт. Будто пустыней повеяло. А если по делу, то ребята только-только тему раскручивают. На ноги встают. Получается, что Алик не у них столоваться начал. Только это ничего не меняет. Всё. Пора. Качки уже во дворе. Как говаривал Витёк, раньше сядешь - раньше выйдешь».

Пашка на носках сбежал вниз и дважды нажал на звонок.

— Это я. За конспектами.

Щелчок раздался почти без задержки. Видимо, Слава окончательно потерял бдительность или не имел должного конспиративного опыта. Впрочем, Коробову было не до того. Выждав, когда дверь отойдёт от косяка на достаточное расстояние, с силой рванул её на себя левой рукой и, лихо раз-

вернувшись корпусом, всадил локоть правой в высунувшееся лицо хозяина. Тот даже не ойкнул. Просто мягким мешком завалился на спину.

«Готов. – Подумал Павел, поворачивая защёлку. - Сопатку ему, конечно, соберут, но вряд ли фейс останется прежним. Ничего. Малость попривыкнет, а там, глядишь, ещё гордиться начнёт «боевой» кривизной носа. Девчонкам будет что втирать».

Осмотревшись, связал руки хозяина за спиной и засунул в приоткрытый рот футболку. «Так оно надёжней. По уму орать не должен. Хотя, кто его знает? Похоже, до сегодняшнего дня у Славика всё было ровно и гладко. Иначе не стал бы толкать дурь в собственной хате. Жизнь заставила бы пожертвовать комфортом. Товар где-то здесь, а деньги... Ладно. Где бабло сам скажет. Главное - товар оприходовать, пока не очухался».

Руководствуясь чутьём, Павел прошёл на крохотную кухню и увидел на столе небольшой целлофановый пакет, крест на крест перетянутый изолентой.

«Пока всё по плану. – Думал Пашка, нажимая рукоятку сливного бачка. – Надо попробовать найти остатки прошлой партии. Но это уже чисто наудачу. Особо задерживаться не стоит. Родители могут навестить или ещё что-нибудь в этом роде».

Он вернулся в коридор, придавил мычащее тело коленом и, наклонившись к уху, зашептал загробным голосом кинош-

ного убийцы:

- Меня прислал Мустафа. Он сказал валить тебя наглухо, если станешь лгать. Он уверен в твоём предательстве. Я пришёл узнать истину. Сейчас вытащу кляп, и ты будешь отвечать на мои вопросы. Честно и быстро. Даже не пытайся повернуть голову. Кинжал под твоим ребром. Кивни, если понял.

Славик и без того был напуган до смерти, а старомодные «лгать», «истина» и «кинжал», окончательно сломили волю. У него едва хватило сил, чтобы головой подать знак готовности.

- Ты поступил правильно, заблудший. – Продолжал гнуть «восточную» линию Коробов. – Ибо сказано в Священной книге, что нет греха на раскаявшемся. – Он не знал, откуда в голове берутся высокопарные чуждые обороты, но незнание только усиливало вдохновение. Его откровенно понесло:

– В знак доброй воли разрешаю тебе задать вопрос. Но только один. Спрашивай. Я не намерен пачкать свои уста ложью.

Тысяча мыслей пронеслись в голове несчастного. Так и не сумев определиться с выбором, Слава-Дитер, выплюнув сгусток крови, еле слышно прошепелявил:

- Простите, уважаемый. Как мне к вам обращаться? – Звук собственного голоса придал сил и он смог продолжить, то и дело сплёвывая новые комочки крови. – Я не буду лгать... я искренне раскаиваюсь в содеянном... я не крысятничал и

не предавал Мишку... Мустафу... я немного разбавлял товар глюкозой. Знаете? Такие маленькие таблеточки. Я готов возместить ущерб в полном объёме...

- Мустафа называет меня «Аудитором». – Ослабил колёно Пашка. - Я не знаю смысл этого слова. Мне нравится звучание. Скажи мне, Дитер, где лежат деньги и остатки товара из прошлой партии? Я верю тебе и готов подарить жизнь, в обмен на обещание исправиться. – Заметив судорожное движение головой, снова придавил спину и добавил в голос металла. – Не оборачивайся! Неосторожное движение может стать для тебя последним. Отвечай.

Угроза подействовала: Славик тут же уткнулся лбом в пол и крепко зажмурился:

- Я всё приготовил к завтрашнему дню. Деньги и тетрадь с записями в ящике стола. Чеки из прошлой партии в жестяной банке от растворимого кофе. Банка в правом настенном шкафу. Вы ведь не станете меня убивать?

Последние слова сорвались произвольно. Парень был на грани истерики и не мог себя контролировать. Ему просто хотелось жить. Пашка встал на ноги и, заметив лужу, стекающую из-под тела к порогу комнаты, разволновался. Он всерьёз стал переживать за психическое состояние Славика, но не знал как успокоить его. Не придумав ничего лучшего, продекламировал торжественным голосом:

- Я – воин! Я дал слово, что сохраню тебе жизнь. Значит, ты останешься жить. Запомни. Ты будешь жить долго, если

сможешь обуздать алчность. Работай дальше. Мустафа прислушается ко мне, потому что слово старшего брата - закон. Скажи мне, заблудший, какой адрес я должен назвать таксисту, чтобы быстрее доехать?

Задавая ненужный, а по сути, глупейший и рискованный вопрос, Павел понимал, что переигрывает, но не смог, да и не старался справиться с азартом. Впрочем, Славику было не до того. Он беззвучно рыдал, всё ещё не веря своему счастью...

Увидев сидящую на детской площадке Викторину, Пашка с трудом сдержал желание рвануть бегом. Несмотря на благополучный исход, он никак не мог избавиться от чувства тревоги. Бросил короткое «пошли», направился в сторону метро, всем видом показывая, что разговор неуместен.

Недалеко от метро Вика догнала Коробова и, схватившись за рукав, спросила дрожащим от волнения голосом:

- Что? Всё плохо?

- Я видел здесь кафетерий. Зайдём? Прости, Королева. Жрать хочется так, как будто снова на каэмбэ угодил.

- Издеваешься? – Возмутилась девчонка. - Ты думаешь, я здесь в классики с детворой играла? Да я чуть не умерла от страха!

- Уймись, подруга. – Гневная вспышка заставила улыбнуться. – Не хочешь в забегаловку, давай на ту скамейку придем. Неохота на ходу разговаривать. Хотя особо рассказы-

вать нечего.

— Как это нечего? Ты что, не разобрался со Славкой? Получается, я зря целый час здесь ошивалась?

- Что за манеры, Квин? Откуда такие обороты? Неужели в кузнице поэтов и романистов этому учат? Не верю!

- Паясничать вздумал? Ладно. Пошли в твою вонючую забегаловку. Только сам травись. Я ещё пожить хочу.

- Ещё добавь: «Детишек нарожать». – Ухмыльнулся Пашка.

- Дурак!

Разговор надо было с чего-то начать, поэтому Виктория сочла уместным поинтересоваться:

- Что есть твоё долбанное каэмбэ?

- Забей. Нашим девчонкам это не грозит. А вот у евреев - другое дело. Там все поголовно служат.

Вика с огромным трудом подавила желание разбить бутылку с минералкой о голову ухмыляющегося парня:

- Ты так и будешь мне нервы мотать? Давай, рассказывай. Во всех подробностях.

Пашка извлёк единственную салфетку из пластикового стаканчика, неспешно вытер губы и серьёзно взглянул на подругу:

- Подробности тебе не нужны. Поверь. Тот самый случай, когда лучше вообще ничего не знать. Скажу так: Славик больше не сможет толкать герыч. Это главное. – Заметив немой вопрос, поспешил успокоить. – Не переживай. Отде-

лался легким испугом. В физическом смысле. А в бизнесе у него возникли обстоятельства непреодолимой силы. Не думаю, что он или его друзья смогут обнаружить связь между тобой и последним клиентом. Но на всякий случай имей ввиду: ни слова, ни полслова о мести за брата. Будет звонить - посылай подальше и клади трубку. В разговор ввязываться нельзя. Достаточно одного прокола, чтобы нажить себе серьёзные неприятности. И ещё. – Павел вытащил из кармана пакет и протянул девушке. – Это деньги. Бери и не спорь. Тебе надо вернуть Алика к жизни. Я не считал, но уверен, что сумма приличная.

Глава 27. Тихим вечером в Лэнгли

Директор чуть ослабил узел галстука и вдруг озорно взглянул на заместителя:

- Послушайте, Роберт. Референт готовила для меня обзор по Китаю и на свой страх и риск начала документ с цитаты древнего философа и полководца Сунь Цзы. Мысль тысячелетней давности настолько потрясла меня, что я решил простить Джулии отступление от принятой формы. Уверен, что наши азиатские современники найдут перевод грубым и неточным, но это уже их проблемы.

Шеф не торопясь протёр очки, открыл лежащую перед ним папку и принялся читать слегка дребезжащим голосом:

- «Разлагайте все хорошее, что имеется в стране вашего противника. Вовлекайте видных представителей вашего

противника в преступные предприятия. Разжигайте ссоры и столкновения среди граждан вражеской страны. Подстрекайте молодежь против стариков. Мешайте всеми средствами деятельности правительства. Будьте щедры на предложения и подарки для покупки информации и сообщников. Вообще не экономьте ни на деньгах, ни на обещаниях, так как они приносят богатые дивиденды». Представляете, Роберт? Мысль, высказанная два тысячелетия тому назад, актуальна сегодня. Не знаю, был ли знаком старина Даллес с творчеством древнего мудреца, но начатая им кампания против Советов однозначно построена на его рекомендациях.

В эту минуту Гейтс не был расположен к философским отступлениям, однако постарался ответить в тон:

- Мудрость не имеет сроков хранения, сэр. Честь и хвала мистеру Даллесу за то, что он смог определить болевые точки противника и начать реализацию стратегии. По сути, нам остаётся лишь следовать этому курсу. С учётом современных реалий, разумеется.

- Спасибо, что не стали потешаться на стариком, Роберт. – Заметив, что заместитель готов пуститься в оправдания, предупреждающе поднял ладонь. – Не стоит, коллега. Возраст - дар Божий, и далеко не всем удаётся перешагнуть седьмой десяток, сохранив при этом рассудок. Лучше вернёмся к делам. Так вот. Я проинформировал президента, что Горбачёв намерен в ближайшее время объявить о выводе оккупационных войск из Афганистана. Как мы с вами и предпо-

лагали, Рональд сразу начал примерять на себя венок миротворца. Он высказал идею, что было бы совсем неплохо, если бы Горбачёв объявил о своём решении сразу по завершении переговоров в Рейкьявике. Президент вполне обоснованно считает, что международное сообщество однозначно воспримет заявление советского лидера как торжество политики, проводимой нынешней администрацией. – Директор вдруг осёкся и исподлобья взглянул на первого зама. – Кстати, как продвигаются дела с обращением Горби? Не слишком ли мы затянули с вопросом?

- Нет, сэр. Всё идёт по плану. Мы уже знаем точную дату обращения генсека. Источник назвал пятнадцатое сентября. Информация подкреплена фотокопией документа из канцелярии министра Шеварнадзе. Я намеревался чуть позже доложить вам. Позвольте спросить, чем завершился разговор с первым лицом?

Кейси счёл нужным снисходительно улыбнуться:

- Несмотря на неистребимую, я бы даже сказал, неизлечимую потребность в публичности, Рональд умеет жертвовать своим эго. Я сумел убедить президента, что в настоящий момент вывод войск крайне нежелателен и ему не стоит поднимать этот вопрос на встрече. Логика ясна и понятна: чем глубже русские увязнут в Афганистане, тем меньше у них шансов выбраться из западни. Вы знаете, что мне ответил президент? - Не дав Гейтсу времени для ответа, директор продолжил едва ли не с восторгом. – Рональд, выслушав

мои аргументы, прошёлся по кабинету, остановился у президентского флага и сказал... Привожу почти дословно: «Мне иной раз искренне жаль мистера Горбачёва. Он видит себя новым Мессией, а ему уготована роль величайшего предателя в истории». Как вам, Роберт? Достойно президента великой державы?

- Более чем. – Кивнул с подобающим видом заместитель.
- Если я правильно понял, босс, то вы смогли решить все намеченные вопросы в Белом доме?
- Все. Главное, что президент не станет поднимать афганский вопрос на переговорах.

Директор умолк, чтобы перевести дыхание и Гейтс тут же воспользовался паузой:

- Позвольте доложить о промежуточных результатах работы агентов в союзных республиках? Я не стану, в силу понятных причин, останавливаться на Прибалтике. Эти регионы всегда считали себя инородными телами в советской империи. Гораздо интереснее ситуация в Закавказье и Казахстане. Считаю необходимым проинформировать вас.

Директору стало скучно. Он устал и ему захотелось побыстрее закончить беседу. Тем не менее Кейси заставил себя собраться и принять заинтересованный вид. Кроме того, он считал необходимым показать свою осведомлённость в делах оперативного характера:

- Меня интересует, как развиваются события в Алма-Ате. В частности, операция «Родня». Насколько я помню, вы на-

меревались использовать конфликт между братом Кунаева и номинальным премьером республики Назарбаевым? Что в итоге?

Гейтс с трудом сдержал торжествующую улыбку:

- Мы даже не предполагали, что операция будет развиваться так стремительно и, что самое важное, практически не выпадая из сценария. Складывается впечатление, что Горбачёв намерен тушить пожар бензином. У нас есть достоверная информация о предстоящем смещении Кунаева с поста первого секретаря. Источник даже назвал фамилию предполагаемого преемника. По существу, человек из ниоткуда. Впрочем, это неважно. Важно, что преемник - русский. Такое решение однозначно всколыхнёт коренное население колонии. Чем закончатся волнения аборигенов, сказать трудно. Но мы постараемся, вернее, сможем управлять грядущим хаосом. Возможности для этого у нас есть. — Заместитель почувствовал прилив сил и продолжил с несвойственным ему пафосом. — Да что там говорить, сэр? В складывающейся обстановке мы имеем реальную возможность запустить межнациональные конфликты на всех окраинах Союза. Идея одна - русские оккупанты, веками эксплуатирующие несчастных узбеков, киргизов и далее по списку, в котором более ста национальностей. Это самая настоящая пороховая бочка, к которой нужно лишь поднести фитиль. Есть, правда, вариации. К примеру, армянский анклав в Азербайджане или Фергана в Узбекистане. Но это уже детали. Из общей картины тра-

диционно выпадают Украина и Белоруссия, что объясняется этнической общностью. Но это лишь вопрос времени, сэр. Мы ведём селекционную работу в среде творческой интеллигенции в этих республиках. И должен сказать, что первые результаты обнадеживают.

Кейси, взбодрённый неожиданным порывом, вновь почувствовал интерес к беседе. Его немного развеселила почти юношеская горячность заместителя, но он сумел не показать вида. Напротив, сняв очки, внимательно и серьёзно взгляделся в одухотворённое лицо собеседника:

- Не забывайте, Роберт. Нам важно сохранить фигуру Горбачёва в политике до тех пор, пока не определимся с заменой. Не буду скрывать. Я вполне удовлетворён работой вашей команды. Но мы не должны спешить. В этой партии нельзя делать необдуманные ходы. Вы совершенно правы, хаос должен быть управляемым. В горячке успеха вы позабыли о ядерном статусе Союза. Мы не должны допустить, чтобы ядерный арсенал в будущем был распределён между «князьками». Это не шутки, Роберт. У так называемой «красной кнопки» должен остаться один хозяин, которому мы будем диктовать условия дальнейшего сосуществования. Так что давайте соблюдать последовательность. Советский Союз уже обречён, но мы должны завершить операцию с ювелирной точностью. Поручите аналитикам разработать график, скажем так, «колебаний народных масс». Неизвестно, как долго Горбачёв намерен строить из себя незави-

симого политика. Запуская очередную волну протеста, мы сможем оказывать на него серьёзное давление, оставаясь при этом в стороне. Система государственного управления в Советском Союзе неизбежно потеряет устойчивость, что, безусловно, вызовет в массах рост неуверенности в завтрашнем дне. В такой обстановке даже волевой политик способен растеряться. А насколько мне известно, мистер Горби не принадлежит к числу несгибаемых коммунистов. У вас ещё остались вопросы ко мне, дружище?

- Нет, сэр. Я и так отнял у вас слишком много времени...

«Надо было спросить о кандидатах на замену Горбачёва. – С сожалением думал директор, провожая взглядом первого заместителя. – Старею. Собственно, ради этого я его и приглашал».

Глава 28. Непланный контакт

«Вот и осень пожаловала. - Размышлял Трунов, глядя из окна кабинета на мокрые кроны деревьев. - Впрочем, август тоже с большой натяжкой можно назвать летним месяцем. Редким днём температура за двадцать переваливала. В этом году, похоже, нам придётся без бабьего лета обойтись. Смешное и обидное название: «бабье лето». А женщины почему-то не обижаются. Даже ждут с не меньшим нетерпением, чем мужики. Ладно. Рязанов прав: у природы нет плохой погоды. Всё зависит от восприятия».

Дмитрий несколько минут назад созвонился с Козельце-

вой, бывшим куратором знаменитого университета от комитета, а ныне сотрудником канцелярии журфака, и попросил организовать встречу со своим подопечным. Елена Борисовна поняла коллегу с полуслова, обещав исполнить поручение так, чтобы у одноклассников Коробова не возникло ни малейшего подозрения относительно внезапного вызова в деканат. Вроде бы дело не из категории чрезвычайной сложности, но требует деликатного подхода. Тем более, что необходимость в контакте возникла у майора практически спонтанно, и ветерану потребуется время, чтобы организовать всё на должном уровне. Елена Борисовна по-другому не умела. Фронтальная школа.

«Мне невероятно повезло, что Пашка восстановился именно на факультете журналистики. И от конторы недалеко и, считай, под крылом Козельцевой. А Борисовна со своим многолетним опытом агентурной работы сумеет обеспечить должный присмотр. – Продолжал философствовать Трунов, изредка поглядывая на старенький массивный аппарат. - Павел хоть и прошёл все круги ада, но возраст есть возраст. И я обязан учитывать это обстоятельство. Нет-нет, да и поддастся эмоциям. Как тогда на конспиративной квартире. Наверняка, где-то в глубине сознания он по-прежнему чувствует себя баловнем из детства. Метко же его окрестила домработница. Небось, давал родне жару поздний ребёнок ответственного партработника. Вот и заполучил псевдоним по заслугам. Интересно, как он отреагирует, если вдруг

узнает, что по документам проходит «Баловнем» а вовсе не «Данилой»? Наверняка взбрыкнёт, решив, что я в душу без разрешения влез. Впрочем, ему знать необязательно. Крепче спать будет. Тем более, что это не моя придумка, а полковника Кулака. Надо же? Глубоко копнул начальник, если до таких подробностей добрался. Мне до Фёдора Ивановича, как до луны на велосипеде. – Майор вернулся к столу и, скользнув взглядом по раритетному прибору связи, продолжил размышления. - По большому счёту, можно было не торопиться с сообщением о Фролове. Мало ли что придёт ему в голову, когда узнает, что товарищ давным-давно находится в Москве? С другой стороны, мне надо как-то объяснить вынужденную задержку. Мысленно Пашка наверняка уже носит с пистолетом за Джеймсом Бондом в облике Алжирца. Цэрэушники по каким-то причинам придержали отправку эмиссаров благотворительных фондов. Это первое. И главное: Павел непременно почувствует себя обязанным мне, а в моём лице - всему Комитету. Разыскать Фролова больших трудов не стоило, но Баловень об этом не знает. Цинично, конечно, но жизнь есть жизнь, и я обязан использовать любую возможность, чтобы крепче привязать агента. Алжирец - противник умный, хотя и не без слабостей. В отношениях с Пашкой у него сложился психологический паритет. Тот удержал его на краю пропасти, а Джейк обеспечил пленному шурави побег. Как говорится, пятьдесят на пятьдесят, или никто никому не должен. Молодёжь, и в первую очередь сту-

денты, с восхищением смотрят на Запад. А если прибавить сюда ощущение бардака, творящегося в стране, и неуверенность в завтрашнем дне, которые открыто навязывает пресса, то получается, что у Роберта не так уж мало шансов перепрограммировать Павла на работу в интересах цэрэу. Картина маслом. Нагнетаю? Может оно и так. Только сдаётся мне, что заруба с условными «алжирцами» предстоит нешуточная. И за Баловня, и за всю страну в целом. Блин. Никак договорился? Уже в спасители Отечества себя записал».

Дмитрий снова подошёл к окну и провёл пальцем по запотевшему стеклу: «Хуже нет, чем ждать и догонять. Казалось бы, что проще? Открыть папку с материалами и снова пройти по подшивке. Так нет же! Не умею переключаться. – Трунов в очередной раз покосился на телефон. – Неизвестно, сколько времени потребуется Борисовне. Нет. Всё-таки попробую заняться бумагами. В конце концов, надо же когда-то начинать с толком использовать свободное время?»

Он успел шагнуть к столу, и в этот момент ожил аппарат внутренней связи:

- Слушаю вас, товарищ полковник.

- Зайди ко мне, Дмитрий Игоревич. Я тут у бюро пропусков Елену Борисовну перехватил. Сейчас чайком балуемся. Говорит, по твою душу пришла. Мне наотрез отказывается отвечать. Не доверяет, видать.

В трубке послышался возмущённый женский возглас. Очевидно, Козельцева приняла избитую шутку близко к

сердцу. Впрочем, Трунову было не до этого. Бросив короткое: «Есть», майор прихватил для солидности папку с материалами и торопливо вышел из кабинета.

— Вот что я скажу, мужики. — Елену Борисовну ничуть не смущало неравенство в служебном положении и в званиях действующих офицеров. — Нам крупно повезло с Пашкой. — Заметив смешинки в глазах мужчин, слегка нахмурилась. — У вас к парню оперативный интерес, а для меня он настоящей опорой будет. Хотя, вполне понимаю, что, грубо говоря, стучать ни на кого Коробов не станет. Характер не тот. Не из подлецов.

Сообразив, что перегнула с формулировкой, женщина умолкла и полковник тут же воспользовался заминкой:

- А у тебя, Борисовна, что? Все информаторы из этой категории? Приличная молодёжь в отказ пошла?

Фёдор Иванович говорил без всякого умысла, просто не сумев переключиться с юмористического настроения, но Козельцева не собиралась подыгрывать начальнику отдела:

- А ты по жизни часто встречал порядочных стукачей, Иваныч? Мне вот как-то не довелось. Скажу больше, до сих пор не встречаются.

Полковник понимающе кивнул, дескать, закрыли тему, и продолжил уже серьёзным тоном:

- Давайте к делу, товарищи. Мне ещё к коллегии надо подготовиться.

— Ну так вот. — Тут же начала Козельцева. — Извини, Димка, что вопрос затянулся. Не по моей вине. В группе комсомольское собрание шло. Не собрание, а самое настоящее сражение из-за нашего Баловня.

- Что опять не так? — Не скрывая тревоги поинтересовался майор. — Вечно у него проблемы. Кандидатура секретаря не устроила? Принципиальность на ровном месте решил проявить?

- Не перегибай палку, Дмитрий Игоревич! В комсомольских делах «ровных мест» не бывает. Или я что-то пропустила по жизни? — В голосе ветерана чётко слышалась обида. — Вот ты вроде бы войны хлебнул, Дима, а иной раз такое брякнешь, что мне за тебя стыдно становится.

Майор с опаской покосился на начальника отдела и поспешил объясниться:

- Я совсем не это имел в виду, Елена Борисовна. Что ж вы меня сразу во враги народа записали? Просто уточнить хотел. Надо же мне с чего-то разговор с Коробовым начать? Что натворил наш подопечный?

Полковник, сообразив, что разговор непременно сведётся к несущественным для него деталям, демонстративно взглянул на часы и откинулся на спинку кресла, скрестив для пущей важности руки на груди:

- Не смею вас задерживать, товарищи. Ступайте к майору и общайтесь хоть до посинения. А мне надо к совещанию готовиться.

- Принципиальный парень, наш Баловень. – Елена Борисовна, войдя в кабинет, присела напротив Трунова и продолжила рассказ, как будто не прерывалась. – Авторитет у него непререкаемый с первого дня. Парни ему буквально в рот смотрят, а девчонки все поголовно влюбились. Оно понятно. Пашка по возрасту старше, в армии служил и собою удался. А седина ему только к лицу.

Трунов произвольно улыбнулся:

- Так в чём, собственно, принципиальность Коробова заключается? Ну не в преждевременной же седине и гренадерском росте?

- Извини, Дима. – Спыхватилась Козельцева. - Что-то меня не в ту степь понесло. Короче, одноклассники хотели единогласно избрать его комсоргом. А он ни в какую. Дескать, давайте хотя бы месяц вместе проучимся, узнаем друг друга получше. Тогда и выберем достойного. Помощник факультетского секретаря на дыбы встал: нельзя целый месяц неорганизованной массой числиться. Наверху не поймут. Павел ему поддых: мол, а ты объясни начальству, что пора отказаться от формализма и не превращать собрание в лотерею. Комсомольцы должны знать, кого выбирают в вожаки. Спорили, спорили, да на том и порешили. Я тебе так скажу, Дмитрий Игоревич. На Коробова можно положиться. Уж если он слово дал, то отступать не будет. Не мне тебе советовать, товарищ майор, но чересчур темнить с ним не стоит.

Делай вывод, Дима. И поторопись. Коробов тебя в гуме у фонтана ждёт. А я побежала. Сейчас за будущими журналюгами особый присмотр нужен. Того и гляди окрас поменяют на звездно-полосатый.

«Права Елена Борисовна. Не стоит перед парнем комедию ломать. – Думал Трунов, шагая к фонтану. – Что толку, если я сейчас ему про Алжирца втирать начну? Для него Фролов главное всех цэрэушников вместе взятых. Тем более, что контакт мне нужен был только для того, чтобы сообщить о находке. Остальные дела я за уши притянул, чтобы веса прибавить. Да где же он? – Майор остановился у фонтана и с деланным безразличием оглядел толпящийся народ. – Не дождался? Быть такого не может...»

- Мороженное будете, Дмитрий Игоревич? – Пашкин голос был переполнен мальчишеским восторгом. – Держите. Я уже успел две порции срубить. У нас в Свердловске так не умеют.

- Спасибо. – Майор машинально потянулся к эскимо. – Нашёлся твой боевой товарищ, Пашка. Живым и здоровым. В Бурденко долечивается.

Подтаявшее мороженное выскользнула из чьих-то пальцев и мягко шлёпнулось на гранитный пол. Несколько секунд Трунов молча вглядывался в побледневшее лицо Коробова затем нагнулся и, подняв помятый цилиндрок, неловко пошутил:

- Пацаны во дворе говорили: «Быстро поднятое упавшим не считается».

- Вы серьёзно? – Неожданное известие совершенно выбило Павла из колеи, но, сообразив, что вопрос прозвучал глуповато, поспешно уточнил. – Я не про эскимо. Я про Фрола спрашиваю.

- Такими вещами не шутят, Паша. По крайней мере, я не шучу. – С укоризной в голосе заметил Дмитрий и взглянул в сторону выхода. – Пойдём на свежий воздух? Постоим под навесом. На тебе лица нет.

Коробов хотел было возразить, дескать, всё нормально, но, передумав, развернулся и зашагал в сторону улицы 25 Октября, на ходу вытирая липкие ладони о штанины.

Мелкий дождь уныло шуршал по полотняному навесу, грозя вот-вот перейти в ливень. Мужчины некоторое время молча наблюдали за потоками воды, струящимися вдоль бордюров, будто хотели увидеть там подсказку для продолжения разговора.

- Оклемался? Вот и хорошо. – Трунов старался говорить спокойно, без фальшивого участия. Он понимал, что парню нужно время, чтобы освоиться в новых обстоятельствах, и поэтому начал издалека. - Я ещё вчера звонил тебе домой. О встрече хотел договориться. Чтобы Козельцеву лишний раз не привлекать. Но ты, вероятно, был на занятиях. О состоянии здоровья Фролова не спрашивай. Не в теме. По телефону отказались сообщить. Если бы Олег в обычной городской

больнице лежал, тогда другое дело. А здесь даже принадлежность к конторе не помогла. Послали подальше. Правда, вежливо и со всем уважением. Но от этого ничуть не легче. – Майор зябко передёрнул плечами и покосился на Павла. – У тебя сегодня что с занятиями? Первокурсников в любом вузе стараются грузить по полной программе. Особенно в первом семестре. Хотя тебе не привыкать... Так что? Есть идеи? В крайнем случае, можно и Елену Борисовну подтянуть. Она женщина умная. Сообразит, как тебя прикрыть.

Коробов вздрогнул и резко повернулся к собеседнику:

- Не надо никого подтягивать, Дмитрий Игоревич. Сам разберусь. Староста курса сказал, что после комсомольского собрания все свободны, а желающие могут записаться на какую-то там экскурсию. – Пашка вдруг виновато улыбнулся и заговорил быстро, перескакивая с одного на другое, словно опасаясь упустить что-то чрезвычайно важное. – Знаете, товарищ капитан? Я только теперь понял, что случайностей в жизни не бывает. И револьвер дал осечку, и за Олегом охотники следили, которых он пастухами называл. Или наоборот? Неважно. Я всегда знал, что найду. Даже когда подышал в той пещере. Старый Кабир мне сказал, что Фрол погиб от нашего снаряда. Я ведь только на секундочку поверил... а потом понял, что Олег жив и меня обязательно отыщет... или я... Без разницы! Иначе быть не могло. Ведь так?

- Конечно, не могло. Слишком много вас связывает, чтобы... ну ты меня понял. – Трунову передалось волнение и

он с трудом подбирал слова, которые всё равно казались пустыми и ненужными. – Ты только успокойся и возьми себя в руки. Если хочешь, я могу с тобой в госпиталь поехать. У меня сегодня свободное окошко образовалось.

Взгляд Павла стал спокойным и уверенным:

- Не стоит. Я сам должен всё порешать. И не беспокойтесь за меня. Я не расклеился. Просто как-то неожиданно получилось, товарищ капитан.

Трунов картинно вскинул брови. Он хотел чтобы замечание прозвучало внушительно, но без излишней строгости:

- Мы же с тобой договорились, Павел Юрьевич. Никаких званий. Только по имени-отчеству. – Он подумал, что пора заканчивать разговор, но не удержался и похвастался. - Тем более, что «капитан» это уже не про меня. Позавчера майорские погоны вручили.

- Поздравляю. – Натянута улыбнулся Павел. – Ну что? Я пошёл?

- Давай. И не забудь позвонить. Вдруг помощь моя потребуется? – Дмитрию внезапно захотелось, чтобы Коробову непременно потребовалась помощь. Он почему-то чувствовал себя виноватым. – Надо будет определяться с Олегом. Он своё отслужил. Самое время о будущем подумать.

- Обязательно позвоню. Как только домой вернусь.

Он уже собрался рвануть сквозь дождь к метро, но вдруг замер на месте:

- Не волнуйтесь, Дмитрий Игоревич. Мои дела с Фролом

помехой не станут. Слово!

Глава 29. В Бурденко

Олег настолько привык к запахам операционных, перевязочных, процедурных и прочих тому подобных помещений, что перестал на них реагировать. Он уже вполне окреп, набрал вес и даже раздался в плечах. В поведении, походке и манере разговаривать появилась добротная солидность и та житейская мудрость, которые присущи много повидавшим на своём веку и необременённым излишним образованием людям.

В том, что для слухов не существует преград, Фролов убедился, когда в первый раз самостоятельно вышел на прогулку. Он не успел добраться до курилки, как навстречу сорвались два паренька в застиранных больничных пижамах с явным намерением заменить собою костыли. Остальные курильщики демонстративно переместились от центра, освобождая почётное место. Вся эта суета показалась Фролу настолько нелепой и даже обидной, что он замер на месте, хмуро оглядел добровольных помощников и спросил, не собираясь скрывать злой иронии:

- Вы чего, пацаны? Калеку увидали? Не дождётесь. Сам доковыляю.

- Так мы помочь хотели. – Опешили ребята. - А заодно узнать, брешут про тебя или нет.

- По поводу? – Рубанул Олег, смерив подозрительным

взглядом одного из любопытствующих. — Я вроде бы здесь ещё не успел делов натворить.

Посчитав разговор исчерпанным, Фролов неуклюже развернулся в направлении главной аллеи.

- Так интересно же. — Не унимался паренёк посмелее. — Пацанов из-за речки здесь много, но про тебя говорят, что ты в плену был. Бежал. Кучу духов завалил, сам чутка на кичу не загремел. Походу ты один такой. Хоть кино снимай. Уважь, братан. Мы же от чистого сердца.

Олег удивился: с соседями по палате он предпочитал не откровенничать, поскольку те часто менялись и не всегда хорошо владели русским языком, а после истории с медсестрой Настей у него напрочь пропала охота делиться подробностями личной жизни с кем бы то ни было. Откуда что просочилось, он не знал, да и особо не пытался, справедливо полагая, что разборки только усилят интерес к его более чем скромной персоне. Сославшись на плохое самочувствие и головокружение, Олег уклонился от посиделок, но позволил пареньку сопроводить себя до дверей палаты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.